

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

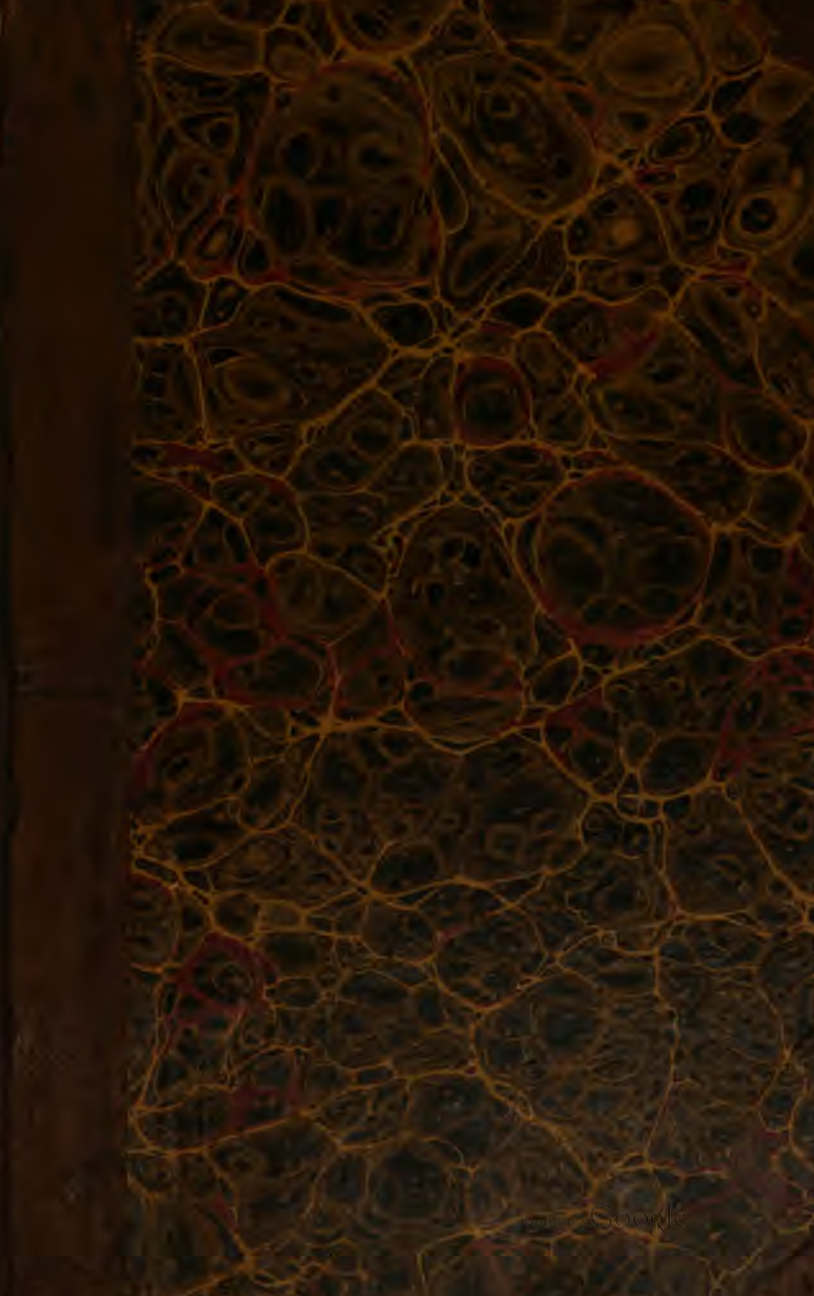
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

.....

Indian Institute, Oxford.

—•—

THE MALAN LIBRARY

PRESENTED

BY THE REV. S. C. MALAN, D.D.,

VICAR OF BROADWINDSOR,

January, 1885.

24412 e. 41

R. W. Blackmore.

Cronstadt.

1843.

РУССКАЯ
ИСТОРИЯ.

ЧАСТЬ V.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Н. Устрялова.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

НОВАЯ ИСТОРИЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ЗАГОТОВЛЕНІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВЪЩАГЪ.

MDCCCXLI.

**Печатать позволяется,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Коми-
тетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 14 Апрѣля 1841.**

Ценсоръ П. Корсаковъ.

НОВАЯ ИСТОРИЯ.

ГЛАВА VI.

АЛЕКСАНДРЪ I.

I. ВОЙНА 1812 ГОДА.

1. Тѣсный союзъ Александра съ Наполеономъ, Причиной войны. заключенный въ Тильзитѣ, былъ скрѣпленъ при второмъ свиданіи ихъ, въ Эрфуртѣ: здѣсь, располагая судьбою царствъ и народовъ твердой земли Европы, они изъявили взаимную готовность на все, Сентябрь 1808. чего каждый изъ нихъ желалъ достигнуть. Александръ не прекословилъ возведенію Іосифа Бонапарта на престолъ Испанскій, обѣщалъ помогать Франціи въ случаѣ разрыва ея съ Австріею и усилить мѣры противъ Великобританіи, упорной въ непріязни къ его союзнику. Наполеонъ съ своей стороны не противорѣчилъ присоединенію къ Россіи Финляндіи, Молдавіи и Валахіи, согласился

вывести войска свои изъ Прусскаго королевства и сбавить съ него нѣсколько милліоновъ контрибуціи. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, ничто не нарушало согласія двухъ могущественныхъ властителей Европы. Они переписывались какъ искренніе друзья, сообщали другъ другу свои планы и намѣренія и доказывали Европѣ взаимную дружбу самымъ дѣломъ, — въ особенности Александръ: онъ свято исполнялъ договоръ Тильзитскій.

При такомъ положеніи дѣлъ, Европа, потерявъ въ Россійскомъ Государѣ единственнаго защитника своей независимости и свободы, мало по малу привыкла къ владычеству дома Бонапартова, считала его неизбѣжнымъ, неотразимымъ, и терпѣливо сносила свою долю. Новые опыты самовласти Французскаго Императора — присоединеніе Голландіи, сѣверной Германіи, вольныхъ городовъ Гамбурга, Любека, Бремена, паденіе самого Папы, сверженнаго съ престола, уже ничто не изумляло Европейскихъ народовъ: все казалось въ порядкѣ вещей, и по всей вѣроятности не скоро кончилось бы господство грознаго завоевателя, если бы онъ, упоенный мечтою о всемірномъ владычествѣ, не вздумалъ поработить и Россію.

Александръ, согласившись на значительныя уступки въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, принялъ за основаніе

своей политики два неизмѣнныя правила: съ одной стороны далъ себѣ слово свято исполнять возложенныя имъ на себя обязательства, въ надеждѣ, что Наполеонъ, достигнувъ высшей степени величія, удовольствуется наконецъ въ своихъ властолюбивыхъ замыслахъ и даруетъ Европѣ миръ; съ другой стороны твердо рѣшился не уступать ни въ чемъ, что было бы не сообразно съ честію и достоинствомъ Россійскаго Императора.

Наполеонъ между тѣмъ, вторично сокрушивъ Австрію войною 1809 года и сочетавшись бракомъ съ дочерью Императора Франца I, эрцгерцогинею Марією Луизою, болѣе чѣмъ когда либо возмечталъ о всемірномъ владычествѣ, хотѣлъ поставить себя выше всякихъ условій, законовъ, правъ, и господствуя отъ Мадрита до Нѣмана, все еще томился жаждою войны, славы и завоеваній: онъ досадовалъ, что за Нѣманомъ есть держава, ему неподвластная, и рѣшился поработить ее. Для этой цѣли онъ началъ дѣйствовать въ отношеніи Россіи такъ точно, какъ поступалъ нѣкогда съ Австрією и Пруссією, не уважалъ ни дружбы ея Государя, ни святости заключенныхъ съ нимъ обязательствъ, звалъ его на брань и готовилъ ударъ сокрушительный. Александръ, непоколебимо твердый въ правилахъ принятой имъ политики, съ жаромъ вступился за свою честь, за достоинство своего

сана, за независимость своей имперіи. Въ слѣдствіе сего, уже въ началѣ 1810 года возникли между обоими Императорами взаимные споры, которые чрезъ два года кончились войною.

Дѣла Польскія.

Первымъ поводомъ къ несогласію была Польша. Образовавъ въ 1807 году герцогство Варшавское, Наполеонъ далъ слово не расширять его предѣловъ, тѣмъ менѣе содѣйствовать возстановленію Польскаго королевства: вопреки сему обѣщанію, въ 1809 году, онъ увеличилъ герцогство воеводствами Подляхскимъ, Люблинскимъ и Сандомирскимъ, отнятыми у Австріи, и внушилъ Полякамъ разныя несбыточныя надежды: они возмечтали о возможности присоединить къ герцогству все бывшее великое княжество Литовское. Дворъ нашъ, встревоженный и дѣйствіями Наполеона и притязаніями Поляковъ, предложилъ Тюльерійскому кабинету заключить формальное обязательство, согласно даннымъ прежде обѣщаніямъ. Наполеонъ уполномочилъ посла своего въ С. Петербургъ, Коленкура, вступить по сему предмету въ переговоры и объявилъ, что онъ не только не думаетъ возстановлять Польши, но даже согласенъ самое имя ея истребить изъ актовъ и Исторіи; между тѣмъ заключеннаго посломъ его договора не утвердилъ и такимъ образомъ обнаружилъ враждебные замыслы на Россію.

Декабрь
1809.

Вторымъ поводомъ къ несогласію былъ само- ^{дѣла Оль-}
вольный поступокъ его съ герцогствомъ Ольден- ^{денбургскія.}
бургскимъ, обязаннымъ Россіи своимъ политическимъ
существованіемъ. По договору 1766 года, подтверж-
денному въ 1773, Россійскій Императорскій домъ
уступилъ Королю Датскому родовыя владѣнія свои
въ герцогствѣ Голштинскомъ, а въ замѣнъ ихъ
получилъ графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ,
которыя вскорѣ послѣ того обращены были во
владѣтельное герцогство Голштинъ-Ольденбургское,
въ пользу младшей линіи Готторпскаго дома, главою
коего былъ Императоръ Россійскій, какъ пред-
ставитель старшаго колѣна. Такимъ образомъ, воз-
никнувъ изъ областей, составлявшихъ родовую
отчину Императорскаго Россійскаго дома, герцог-
ство Ольденбургское находилось подъ покровитель-
ствомъ Россіи и по пресѣченіи царствовавшего въ
немъ рода должно было поступить подъ Россійскую
державу. Самостоятельность его обезпечивалась и
Тильзитскимъ договоромъ. Кромѣ того, племянникъ
Герцога, Принцъ Георгъ Ольденбургскій получилъ
руку родной сестры Александра, Великой Княгини
Екатерины Павловны. Слѣдовательно всякое распо-
ряженіе относительно герцогства безъ согласія Рос-
сійскаго Императора было бы явнымъ оскорбле-
ніемъ его достоинства. Такъ точно и поступилъ
Наполеонъ. Въ 1810 году Герцогъ извѣстилъ Го-
сударя, что Французскія войска заняли его владѣнія

и декретомъ сената онъ лишенъ своей наслѣдственной области. Изумленный столь неожиданнымъ событіемъ, Александръ потребовалъ объясненія отъ Тюльерійскаго кабинета, и получилъ въ отвѣтъ, что Ольденбургъ дѣйствительно присоединенъ къ Франціи, для пресѣченія Англичанамъ всѣхъ путей въ Европу, но что Императоръ Французовъ готовъ вознаградить Герцога городомъ Эрфуртомъ. Александръ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, ибо не хотѣлъ дозволить Наполеону нагло самоуправства, и повелѣлъ послу своему въ Парижѣ, князю Куракину, подать формальный протестъ, извѣстивъ о своемъ неудовольствіи и прочіе дворы Европейскіе. Наполеонъ громко жаловался на протестъ и считалъ себя оскорбленнымъ, хотя самъ давно уже забылъ всѣ условія приличія. Въ слѣдъ за тѣмъ новое важное обстоятельство еще болѣе разсорило обоихъ Императоровъ.

Тарифъ
1810.

Континентальная система годъ отъ году становилась для Россіи тягостнѣе, разстроивая народную промышленность и государственные финансы. Огромные запасы нашихъ продуктовъ, доставлявшіе и казнѣ и частнымъ лицамъ значительный доходъ, лежали безъ движенія въ приморскихъ городахъ, по невозможности отправить ихъ за границу. Внутренніе обороты пресѣклись; вексельный курсъ упалъ; ассигнаціи быстро понижались въ цѣнѣ.

Дороговизна была чрезвычайная, въ особенности на колоніальные товары. Эта система до такой степени была несообразна съ развитіемъ Европейской промышленности и съ благоденствіемъ народовъ, что самъ Наполеонъ допускалъ, въ видѣ изъятій, для выгодъ Франціи, ввозъ колоніальныхъ произведеній, даже Англійскихъ товаровъ; между тѣмъ отъ другихъ державъ неотступно требовалъ строгого соблюденія предписанныхъ имъ правилъ. При очевидной невозможности поддерживать Континентальную систему во всей ея обширности, при явномъ послабленіи Наполеона, Александръ тарифомъ 1810 года дозволилъ привозъ колоніальныхъ товаровъ подъ Американскимъ флагомъ и запретилъ многіе предметы роскоши, получаемые наибольше сухимъ путемъ изъ Франціи. Наполеонъ принялъ этотъ тарифъ за объявленіе разрыва и если тогда же не началъ войны, то потому только, что былъ озабоченъ дѣлами Испанскими и считалъ необходимымъ увеличить свои силы.

2. 1811 годъ прошелъ въ безплодныхъ переговорахъ, въ упрекахъ, отчасти въ увѣреніяхъ дружбы; между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ готовились къ войнѣ рѣшительной, на жизнь или смерть. Приготовленія Наполеона были огромныя. Франція со всѣми землями, вошедшими въ составъ ея, ополчилась поголовно; Австрія, Пруссія, Саксонія, Баварія и

См. Наполеона.

всѣ государства Рейнскаго союза обязались выставить вспомогательныя войска; въ слѣдствіе сихъ мѣръ, къ началу 1812 года, Наполеонъ имѣлъ подъ ружьемъ болѣе 1.200.000 человекъ; изъ нихъ одна половина предназначена была частью для покоренія Испаніи, гдѣ кипѣла брань кровавая, частью для обороны Французской имперіи и усиленія войскъ; другая, подъ названіемъ Великой арміи, въ числѣ 700,000 тысячъ, съ 1300 орудій, чрезъ Саксонію, Пруссію, Польшу, двинулась къ берегамъ Вислы, чтобы, по первому мановенію своего вождя, вторгнуться въ Россію. Подъ знамена Наполеона стали лучшія войска двадцати народовъ Европы. Только Датчане, Шведы и Турки не участвовали въ его походѣ на наше отечество.

Еще недовольный столь огромными средствами, какихъ не имѣлъ дотолѣ ни одинъ завоеватель, онъ старался развлечь силы Россіи, воспламеняя войну на сѣверѣ и югѣ: склонялъ на свою сторону Короля Шведскаго обѣщаніемъ возвратить ему Финляндію, и подстрекалъ Турокъ къ упорной войнѣ на Дунаѣ, для возвращенія, при его содѣйствіи, всѣхъ земель, потерянныхъ Портою со времени Кайнарджійскаго договора. Сверхъ всякаго чаянія, коварныя внушенія его остались безплодными. Дѣлами Швеціи, за болѣзнію Короля, управлялъ наслѣдный Принцъ, Французъ по рожденію, прежній сподвижникъ

Наполеона, маршалъ Бернадотъ; но онъ лучше многихъ понималъ характеръ ненасытнаго завоевателя, и убѣжденный въ несомнѣнной истинѣ, что съ паденіемъ Россіи не устоятъ и Швеція, предложилъ Россійскому Государю совокупными силами дѣйствовать противъ общаго врага. Тѣсный, искренній союзъ былъ заключенъ между Россіею и Швеціею. Благородный поступокъ наслѣднаго принца Шведскаго обезопасилъ наши границы на сѣверѣ; искусство Кутузова прекратило тягостную войну на югѣ: на конгрессѣ Бухарестскомъ, онъ успѣлъ внушить визирю тѣ же мысли и опасенія, какія занимали и принца. Султанъ согласился на миръ. При всемъ томъ положеніе Россіи было опасное.

1812.
24 Марта.

16 Мая.

3. Съ самаго начала 1811 года, Русское правительство дѣятельно приготавлило мѣры къ оборонѣ государства: усиливало и умножало корпуса, подвинутые къ западной границѣ; воздвигало укрѣпленія въ Киевѣ, Динабургѣ, Бобруйскѣ, Дрисѣ; составляло запасные депо внутри имперіи, для усиленія дѣйствующихъ армій; производило многія полезныя перемѣны въ составѣ и устройствѣ военныхъ силъ, благодаря неутомимой ревности тогдашняго военнаго министра Барклая де Толли. Не взирая однакожъ на заботливость правительства, Русское войско, предназначенное для обороны имперіи, было вдвое малочисленнѣе непріятельскаго.

Оно состояло: во 1) изъ трехъ дѣйствующихъ армій, въ числѣ 218,000 строевыхъ, готовыхъ встрѣтить врага на западной границѣ; во 2) изъ запасныхъ войскъ, изъ рекрутъ и вновь сформированныхъ полковъ, расположенныхъ внутри имперіи, въ числѣ 130,000 человекъ. Числительная слабость нашихъ силъ, въ сравненіи съ силами непріятеля, была тѣмъ ощутительнѣе, что по неизвѣстности, откуда послѣдуетъ главный ударъ, не возможно было сосредоточить войска на одномъ пунктѣ, и дѣйствующія арміи, размѣщенныя въ значительномъ разстояніи одна отъ другой, занимали обширное пространство по западной границѣ отъ Двины до верховьевъ Стыри, на протяженіи 400 верстъ. Главнокомандующій первою западною арміею Барклай де Толли стоялъ въ Виленской губерніи; Князь Багратионъ со второю арміею въ Гродненской; Тормасовъ съ обсерваціонною въ Волынской. Армія Дунайская, сильная числомъ (болѣе 50,000), испытанная въ бояхъ, оставалась въ Валахіи, подъ начальствомъ адмирала Чичагова, въ бездѣйствіи, до утвержденія Султаномъ Бухарестскаго мира, о чемъ узнали уже по вторженіи Наполеона; слѣдовательно она не скоро могла помочь на защиту отечества.

9 Июля.

Внутри имперіи господствовало всеобщее недоумѣніе; все сословія готовы были ополчиться за

Царя и за царство; но имя Наполеона приводило въ трепетъ многихъ: походы Австрійскій и Пруссійскій были въ свѣжей памяти; многіе были убѣждены, что Россія погибнетъ, — и въ знаменіи небесномъ, въ огромной кометѣ, видѣли подтвержденіе своимъ гаданіямъ. Впрочемъ общее мнѣніе было лучше погибнуть, чѣмъ покориться ненавистному врагу; боялись только, чтобы Государь, по свойственному ему великодушію, не уступилъ, и трудно изобразить одушевленіе Русскаго народа, когда съ вѣстію о вторженіи непріятеля въ предѣлы Россіи, по всѣмъ концамъ имперіи, въ святыхъ храмахъ, раздались слова Александра: «не положу оружія, доколѣ ни единого непріятельскаго воина не останется въ моемъ царствѣ.»

Такъ загорѣлась брань, безпримѣрная въ Исторіи и по могуществу соперниковъ и по важности результатовъ, брань, долженствовавшая рѣшить участь всего образованнаго міра. Дѣло шло не объ одной Россіи: ясно было, что съ паденіемъ нашего отечества, единственнаго оплота безграничному самовластію Наполеона, исчезнетъ послѣдняя тѣнь самостоятельности государствъ Европейскихъ. Спасая себя, Россія спасала и Европу.

4. Война началась 12 Іюня переходомъ Фран- Вторженіе Наполеона.
цузской арміи чрезъ Нѣманъ между Ковно и Гродно. Наполеонъ съ большею частію своихъ силъ

двинулся къ Вильнѣ на Барклая де Толли, устремивъ въ то же время брата своего Иеронима, Короля Вестфальскаго на Багратіона: онъ хотѣлъ быстрымъ движеніемъ разрѣзать наши арміи, чтобы истребить ихъ отдѣльно одну за другою, и едва въ томъ не успѣлъ. По первоначальному плану, составленному Прусскимъ генераломъ Пфулемъ, главною цѣлью нашихъ дѣйствій было дать врагамъ отпоръ на границахъ имперіи и поразить ихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Барклай де Толли долженъ былъ стать твердою ногою въ укрѣпленномъ лагерѣ на Двинѣ, при Дриссѣ, и тамъ удерживать главные силы непріятеля, между тѣмъ, какъ Багратіонъ съ Тормасовымъ и Чичаговымъ будетъ дѣйствовать ему во флангъ. Въ слѣдствіе сего Барклай де Толли сосредоточилъ свои корпуса въ окрестностяхъ Вильны и двинулся прямо на сѣверъ, для занятія укрѣпленнаго лагеря при Дриссѣ; Багратіонъ расположился у Слонима. Такимъ образомъ желанія Наполеона исполнялись: главные арміи наши потеряли взаимную связь и отдѣлились одна отъ другой на 300 верстъ слишкомъ. Между ими сталъ маршалъ Даву, занявшій Минскъ многочисленнымъ корпусомъ.

Къ счастью чрезвычайное превосходство силъ непріятеля внушило опасенія на счетъ возможности остановить его на Двинѣ, тѣмъ болѣе, что укрѣпленія

при Дриссѣ оказались не вполне надежными. Планъ дѣйствиі измѣненъ: рѣшено, во чтобы то ни стало, соединить обѣ западныя арміи и только тогда вступить въ бой. Барклай де Толли потянулся вверхъ по Двинѣ, къ Витебску, куда велѣлъ спѣшить и Багратиону. На Двинѣ, для прикрытія Пскова и Новгорода, оставленъ одинъ корпусъ графа Витгенштейна, который, ставъ твердою ногою близъ Полоцка, съ блестящимъ успѣхомъ исполнилъ возложенное на него порученіе и первый обрадовалъ Россію побѣдами надъ врагами.

5. Не сомнѣваясь въ храбрости войскъ, Александръ счелъ нужнымъ заблаговременно прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ защиты, на случай неблагоприятнаго хода войны: на походѣ къ Полоцку, 6 Іюля онъ подписалъ воззваніе къ Москвѣ и манифестъ ко всему народу о всеобщемъ пооруженіи; въ слѣдъ за тѣмъ отправился въ первопрестольный градъ свой и тамъ, собравъ дворянство и купечество, объявилъ о необходимости поголовнаго ополченія, для усиленія дѣйствующихъ армій и для обороны имперіи. Отвѣтомъ Москвы была единодушная готовность пожертвовать всѣмъ за Царя и царство: дворянство обязалось выставить цѣлыя полки; купечество не щадило своихъ сокровищъ; народъ требовалъ оружія, чтобы идти на враговъ. Примѣру Москвы слѣдовали прочіе

Поголовное
ополченіе
Россіи.

12 Іюля.

города съ такимъ пламеннымъ усердіемъ, что Императоръ призналъ достаточнымъ составить ополченіе только въ 17 губерніяхъ, ближайшихъ къ театру войны. Въ одинъ мѣсяцъ, на счетъ дворянства и купечества, вооружилось болѣе 200,000 ратниковъ, готовыхъ умереть за свободу отечества, за честь своего Государя.

Отступление
первой
арміи.

6. Между тѣмъ военныя дѣйствія приняли оборотъ неожиданный. Барклай де Толли, отступивъ къ Витебску, сталъ здѣсь твердою ногою, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ дать генеральное сраженіе, какъ скоро прибудетъ Багратіонъ, котораго ожидалъ съ часу на часъ, и чтобы выиграть время для соединенія съ нимъ, приказалъ графу Остерману удерживать непріятеля при мѣстечкѣ

13 Іюля.

Островнѣ. Цѣлый день безстрашный Остерманъ сражался съ Мюратомъ. Непріятель ломился, какъ бурный потокъ, огромными массами; Русскія орудія были подбиты; цѣлые полки изрублены; Остерманъ оставался непоколебимъ среди огня боевого, и на вопросъ: что прикажетъ дѣлать? когда враги болѣе и болѣе усиливались, отвѣчалъ хладнокровно: «стоять и умирать.» Онъ не уступилъ ни шагу;

14 Іюля.

на другой день смѣнилъ его Коновницынъ. Вторично завязался жестокой бой; Наполеонъ ввелъ въ дѣло почти половину арміи, самъ распоряжалъ сраженіемъ и къ вечеру сломилъ Коновницына; на

третій день очередь дошла до графа Палена; онъ съ равнымъ успѣхомъ цѣлые сутки удерживалъ враговъ, изумляя ихъ самихъ искусствомъ движеній и мужествомъ необыкновеннымъ. 15 Июля.

Послѣ трехдневной борьбы съ отдѣльными корпусами, непріятелю удалось наконецъ добраться до главной Русской арміи, стоявшей на лѣвомъ берегу Двины, подъ Витебскомъ: вечеромъ 15 Июля развернулись въ виду ея всѣ силы враговъ; Наполеонъ съ нетерпѣніемъ ждалъ разсвѣта, предвѣстника битвы и побѣды. Войска наши, уже скучая продолжительнымъ бездѣйствіемъ, жаждали боя, какъ пира, и стольже нетерпѣливо готовились къ дѣлу рѣшительному. Сверхъ всякаго чаянія, главнокомандующій отдалъ приказъ — отступить. Армія тихо снялась съ лагеря и ночью удалилась въ такомъ порядкѣ, что Наполеонъ на другой день долго не могъ развѣдать, по какой дорогѣ направилъ она свой путь, по Московской или Петербургской? Въ Русскомъ лагерѣ ничего не было ни брошено, ни забыто; Французы нашли въ немъ только одного солдата, спавшаго подъ кустомъ. Слѣды арміи исчезли; послѣ узналъ Наполеонъ, что она потянулась къ Смоленску. 16 Июля.

7. Виною неожиданнаго отступленія Барклая де Толли, было извѣстіе, что вторая армія не въ Отступленіе
второй
арміи.

силахъ пробиться къ Витебску и идти на Смоленскъ. Багратіонъ получилъ повелѣніе поспѣшить на помощь первой арміи, въ Слонимѣ, уже въ то время, когда съ одной стороны Король Вестфальскій зашелъ ему въ тылъ отъ Гродно, съ другой стороны Даву перерѣзалъ ему путь къ Витебску, занявъ Минскъ, и угрожая поставить его между двухъ огней. Багратіонъ отбросилъ Короля назадъ и быстро двинулся на Бобруйскъ, чтобы оттуда чрезъ Могилевъ и Оршу прямою дорогою выйти на Витебскъ. Даву, слѣдуя кратчайшимъ путемъ, предупредилъ его въ Могилевѣ. Русскіе пошли на проломъ, и въ тотъ самый день, когда Барклай де Толли располагался на Двинѣ, подъ Витебскомъ, съ нетерпѣніемъ ожидая прибытія второй арміи, она сражалась за 200 верстъ отъ него, на берегахъ Днѣпра, подъ Могилевымъ. Бой былъ жесто-
12 Июля. кій: Русскія колонны, предводимыя Раевскимъ и Паскевичемъ, нападали съ мужествомъ неимовѣрнымъ, но не въ силахъ были вытѣснить многочисленнаго, равно храбраго непріятели изъ крѣпкой позиціи; при всемъ томъ Даву считалъ себя счастливымъ, что успѣлъ отбиться, и цѣлые пять сутокъ не трогался съ мѣста, ожидая новаго нападенія. Багратіонъ между тѣмъ переправился за
14 Июля. Днѣпръ, съ искусствомъ скрылъ свои движенія и Суворовскимъ маршемъ чрезъ Мстиславль достигъ Смоленска. Тамъ соединился онъ съ первою арміею

и подчинилъ себя Барклаю де Толли, какъ лицу 22 Июля.
облеченному полною довѣренностью Государя, хотя
въ чинѣ былъ старше своего товарища и неодно-
кратно въ прежніе походы имѣлъ его подъ своимъ
начальствомъ.

8. По соединеніи первой арміи со второю, сосре- Дѣйствія
доточилось у Смоленска до 120,000 человекъ подъ подъ Смо-
ружьемъ. Главнокомандующій изъявилъ намѣреніе, ленскаго.
къ общей радости войска, начать наступательныя
дѣйствія. Армія двинулась впередъ, въ прямомъ 26 Июля.
направленіи къ Витебску. Но едва сдѣлала она
нѣсколько переходовъ, какъ получено извѣстіе, что
непріятельскія войска тянутся между Двиною и
Днѣпромъ на Портьчѣ; Барклай взялъ вправо, къ
сѣверу отъ Смоленска. Извѣстіе было однакожъ
ложное: Наполеонъ шѣлъ въ противоположную
сторону, на Красный, безъ труда перевелъ чрезъ
Днѣпръ до 200,000 человекъ, и устремился къ 2 Августа.
Смоленску съ юга, въ несомнѣнной надеждѣ овла-
дѣть имъ врасплохъ, зайти Русской арміи въ тылъ,
и отрѣзать ее какъ отъ Москвы, такъ и отъ юж-
ныхъ губерній.

Искусное движеніе его едва не увѣнчалось Подвигъ Не-
полнымъ успѣхомъ: въ Смоленскѣ находился одинъ вѣровскаго.
полкъ; главнокомандующій стоялъ въ 40 верстахъ,
ни сколько не подозрѣвая угрожавшей ему опасно-

сти, а непріятель былъ уже въ Красномъ, откуда прежде Русской арміи онъ могъ достигнуть Смоленска. Дорога была открытая: при Красномъ находился только семитысячный отрядъ, составленный большею частию изъ рекрутъ, еще не видавшихъ огня. Наполеонъ даже не думалъ объ немъ. Но этимъ отрядомъ начальствовалъ Невѣровскій. Съ горстью людей онъ рѣшился удержать непріятеля хотя на нѣсколько часовъ, и вступилъ въ жестокую борьбу со всѣмъ авангардомъ Французской арміи. Многочисленная конница непріятеля, предводимая самимъ Мюратомъ, стремительно напала на него огромными массами съ фронта, съ фланговъ, съ тыла. При самомъ началѣ сраженія, Невѣровскій потерялъ всѣ бывшія при немъ орудія, но не потерялъ мужества: свернувъ батальоны въ каре, онъ встрѣтилъ враговъ съ мужествомъ героя, опрокинулъ ихъ и началъ отступать медленно, стройно, задерживая непріятеля на каждомъ шагѣ, отражая его ружейнымъ огнемъ и штыками; онъ отступалъ, какъ левъ, по словамъ Французовъ. Мюратъ сорокъ разъ пускалъ въ атаку свою кавалерію, истощилъ всѣ свои усилія, и все напрасно: Невѣровскій отбился, давъ время корпусу Раевского занять Смоленскъ.

3 Августа.

Подвигъ Ра-
евского.

Но опасность еще не миновала. Главнокомандующій, не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что

происходило на лѣвомъ берегу Днѣпра, оставался въ прежней позиціи своей, между тѣмъ, какъ всѣ силы Наполеона грозною тучею облегали Смоленскъ съ трехъ сторонъ, чтобы на другой день взять его, и овладѣвъ Московскою дорогою, ударить въ тылъ главной арміи нашей. Раевскій, извѣстивъ Барклая де Толли о настоящемъ положеніи дѣлъ, рѣшился съ 16 тысячнымъ корпусомъ оборонять, до прибытія арміи, городъ обширный, обнесенный ветхими укрѣпленіями, воздвигнутыми еще въ концѣ XVI вѣка, противъ 200,000 человекъ. 4 Августа, съ разсвѣтомъ дня Французы пошли на приступъ во многихъ мѣстахъ; главный натискъ былъ на Королевскій бастионъ, гдѣ стоялъ Паскевичъ. Раевскій хотѣлъ лучше погибнуть подъ развалинами Смоленска, чѣмъ уступить его врагамъ, сражался цѣлый день и къ вечеру отбилъ непріателя, уже въ виду главной арміи, которая не шла, а бѣжала къ мѣсту сраженія и сосредоточивалась на противоположномъ берегу Днѣпровскомъ.

Наполеонъ ждалъ, что Барклай де Толли, для Подвига
Дохтурова. спасенія Смоленска, рѣшится на битву, и приготовился встрѣтить его въ открытомъ полѣ, заранее торжествуя побѣду. Главнокомандующій мыслить иначе: менѣе чѣмъ когда либо считалъ онъ возможнымъ вступить въ бой съ непріателемъ почти вдвое сильнѣйшимъ; главною заботою его было

снова овладѣть Московскою дорогою, едва не занятою врагами, и сблизиться съ ополченіемъ, которое слѣшило изъ Москвы и Калуги, чтобы хотя нѣсколько уравнивъ свои силы съ силами Наполеона. Въ слѣдствіе сего рѣшено было: арміи отступить по направленію къ Дорогобужу; а для прикрытія отступленія, корпусу Дохтурова, смѣнившему утомленные войска Раевского, оборонять Смоленскъ до послѣдней крайности.

5 Августа. Наполеонъ съ разсвѣтомъ дня возобновилъ приступы, впрочемъ слабо, въ надеждѣ выманить Барклая въ открытое поле; узнавъ наконецъ, что Русская армія потянулась правымъ берегомъ Дняпра къ Дорогобужу, онъ слѣшилъ овладѣть Смоленскомъ, чтобы напасть на нее, и повелъ общую атаку; половина Французской арміи вступила въ дѣло. Атака не удалась; Дохтуровъ отразилъ враговъ на всѣхъ пунктахъ. День склонялся къ вечеру. Наполеонъ, вѣя себя отъ ярости, велѣлъ идти на проломъ, и наканунѣ Преображенія Господня рѣшилась участь Смоленска. Загремѣла страшная канонада; городъ вспыхнулъ во многихъ мѣстахъ; пожаръ разлился рѣкою; бомбы градомъ падали на дома и церкви, гдѣ толпились несчастные Смоленяне съ женами и дѣтьми, испуская вопли отчаянія. Зданія разрушались, башни тряслись; но Русское войско стояло по стѣнамъ непоколебимо и

Паденіе Смоленска.

съ хладнокровнымъ мужествомъ отражало враговъ, ломившихся въ городъ. Дохтуровъ и Кововницкимъ отбивали Французовъ; Невѣровский Поляковъ. При наступленіи ночи, непріятель удалился, съ потерей 12,000 человекъ.

Главнокомандующій, достигнувъ своей цѣли, велѣлъ Дохтурову оставить развалины Смоленска и присоединиться къ арміи, которая была въ полномъ движеніи къ Дорогобужу. Наполеонъ, все еще надѣясь настигнуть ее, занялъ опустѣлый Смоленскъ, и перевелъ на Московскую дорогу главныя силы свои въ намѣреніи догнать разсѣянные корпуса наши. Въ самомъ дѣлѣ маршалу Нею и Мюрату удалось отрѣзать нашъ арьергардъ; но храбрый Тучковъ успѣлъ спасти его, пожертвовавъ своимъ отрядомъ и собственною свободою. Армія отступила къ Дорогобужу, оттуда къ Вязмѣ, наконецъ къ Цареву Займищу, съ такимъ порядкомъ, что Наполеонъ, слѣдуя за нею по пятамъ и имѣя почти непрерывно стычки съ нашимъ арьергардомъ, не успѣлъ отбить ни одного орудія, ни одной повозки.

Отступление
къ Дорого-
бужу.

17 Августа.

9. На пути отъ Смоленска непріятель находилъ однѣ развалины селъ и деревень, сожженныхъ самими жителями, которые скрывались въ лѣса, предавъ огню все, чего не могли взять съ собою.

Заслуги
Барклая де
Толли.

Онъ шелъ безъ проводниковъ и часто блуждалъ по проселочнымъ дорогамъ. Война сама собою принимала такой точно видъ, какъ за сто слишкомъ лѣтъ предъ тѣмъ, во время нашествія Карла XII, съ тою единственно разностію, что Петръ Великій дѣйствовалъ по плану заранее предначертанному, съ полнымъ и яснымъ убѣжденіемъ въ необходимости уклоняться отъ рѣшительнаго боя, доколѣ непріятель, завлеченный въ безлюдныя пустыни, не ослабнѣтъ въ своихъ силахъ. Петръ не щадилъ ни городовъ, ни селъ, предавалъ ихъ огню, строго приказывалъ народу удаляться въ лѣса, и Карлъ на пути своемъ вездѣ находилъ пепель, развалины и безлюдныя пустыни. То же встрѣчалъ и Наполеонъ, благодаря самоотверженію Русскаго народа, который, по влеченію собственнаго ума и сердца, старался вредить непріятелю, не щадя ни крова своего, ни послѣдняго имущества. Слѣдствія должныствовали быть неминуемо тѣ же, какія испыталъ Карлъ XII подъ Полтавою, и безпристрастное потомство никогда не забудетъ великой заслуги Барклая де Толли, спасшаго Русскую армію постояннымъ уклоненіемъ отъ боя, который погубилъ бы ее невозвратно, вмѣстѣ съ Россією и съ Европою. Современники разсуждали иначе.

Съ самаго начала войны, при дворѣ, въ войскѣ, въ народѣ господствовало общее желаніе рѣши-

тельной битвы: объ ней твердилъ Барклаю князь Багратионъ, еще до соединенія съ нимъ подъ Смоленскомъ; объ ней говорило все войско, молилъ народъ; ее желалъ самъ Государь. Нѣсколько разъ Барклай де Толли останавливался въ виду непріятеля, дѣлалъ распоряженія къ бою, укрѣплялъ позицію, и когда все было готово, приказывалъ — отступать, къ общей горести Россіи. Никто не могъ постигнуть, куда и для чего онъ ведетъ храбрую армію? Послѣ потери Смоленска, войска перестали привѣтствовать его обычнымъ ура; Багратионъ и Беннигсенъ были въ явной съ нимъ ссорѣ; прочіе генералы догадывали на мнимую нерѣшительность главнокомандующаго; народъ потерялъ къ нему довѣренность и ропталъ.

10. Александръ, встревоженный быстрымъ стремленіемъ непріятеля въ самое сердце Россіи, еще болѣе разномысліемъ Барклая съ Багратиономъ, предложилъ все дѣло на разсмотрѣніе особеннаго ^{Назначеніе Кутузова.} комитета, составленнаго изъ 6 лицъ, наиболѣе пользовавшихся довѣренностію Государя. 4 ^{5 Августа.} Комитетъ призналъ, что «недѣятельность въ военныхъ операціяхъ происходила отъ недостатка положительнаго надъ всѣми арміями единоначалія и что для успѣшнаго хода войны необходимо назначить

1. Изъ фельдмаршала Салтыкова, генераловъ: Вязмитинова, Аракчеева, Балашева, князя Лопухина и графа Кочубея.

8 Августа.

одного общаго главнокомандующаго, избраніе коего должно быть основано на извѣстныхъ опытахъ въ военномъ искусствѣ, на отличныхъ талантахъ, на общемъ довѣріи и на старшинствѣ.» Выборъ палъ на того, кто уже давно обращалъ на себя взоры всей Россіи, на вождя Русскаго именемъ и душою, посѣдѣвшаго въ бояхъ, ознаменованнаго славными ранами, извѣстнаго рѣдкимъ искусствомъ и твердостью характера, на князя Михаила Иларіоновича Голенищева - Кутузова, занимавшагося въ то время образованіемъ С. Петербургскаго ополченія. Государь утвердилъ выборъ комитета и предоставилъ Кутузову полную власть дѣйствовать по собственному его усмотрѣнію, запретивъ одно — вступать въ переговоры съ Наполеономъ.

Русская армія въ глубокомъ уныніи стояла при Царевѣ-Займищѣ, уже въ 170 верстахъ отъ Москвы, съ нетерпѣливымъ, еще болѣе недовѣрчивымъ ожиданіемъ вновь обѣщанной Барклаемъ де Толли битвы, когда разнеслась радостная вѣсть о прибытіи новаго главнокомандующаго: войско воспрянуло духомъ и закипѣло мужествомъ. Ждали близкаго сраженія, и не обманулись: Кутузовъ, для спасенія Москвы, еще болѣе для удовлетворенія общему желанію, рѣшился на бой; хотѣлъ только подкрѣпить армію ополченными войсками, и найти выгодную позицію. Вскорѣ Милорадовичъ привелъ

болѣе 15.000 резервнаго войска и сформированнаго имъ храбраго ополченія Московскаго; позиція, удобная къ оборонѣ, найдена между Гжатскомъ и Можайскомъ, въ 108 верстахъ отъ столицы, на берегахъ Колочи, при селѣ Бородинѣ. Здѣсь остановился Кутузовъ, чтобы Русскою грудью заслонить первопрестольный градъ отъ хищнаго завоевателя. 24 Августа.

11. Русская армія въ числѣ 132 тысячъ чело- Битва Бородинская.
вѣкъ, съ 640 орудіями расположилась на пространствѣ 7 верстъ между рѣчкою Колочею и старою Смоленскою дорогою. Въ центрѣ сталъ Дохтуровъ; на правомъ флангѣ Милорадовичъ, Остерманъ, Багговутъ, Уваровъ и Платовъ съ казацкими полками, на лѣвомъ флангѣ Раевскій, Тучковъ, Коновницынъ, Воронцовъ и Невѣровский. Впереди линіи на холмахъ находились редуты; предъ корпусомъ Раевского, на возвышенномъ курганѣ, устроенъ былъ люнетъ, служившій ключемъ позиціи. Центромъ и правымъ крыломъ начальствовалъ Барклай де Толли; лѣвымъ крыломъ Багратіонъ. Кутузовъ распоряжалъ общимъ ходомъ сраженія.

Наполеонъ, имѣя въ строю до 200.000 чело- 26 Августа.
вѣкъ и болѣе 1000 орудій, сосредоточилъ силы свои на двухъ пунктахъ противъ Багратіона и Барклая де Толли, чтобы сломивъ лѣвое крыло и прорвавъ центръ Руской арміи, отбросить ее за

Колочу, зайти ей въ тылъ и овладѣть Московскою дорогою. Битва началась 26 Августа съ первымъ лучемъ восходящаго солнца, жестокою канонадою съ обѣихъ сторонъ, по всей линіи. Сквозь дымъ и пламя, Мюратъ, Ней, Даву и Жюно обрушились на лѣвый флангъ нашъ, между тѣмъ, какъ Евгений столь же стремительно ударилъ въ центръ. И тамъ и здѣсь Русскіе стояли непоколебимо; первый ударъ былъ отбитъ. Кутузовъ, проникнувъ намѣреніе непріятеля, подкрѣпилъ центръ и лѣвое крыло свое войсками съ праваго фланга. Непріятель усилилъ огонь: 400 орудій направлены были на Багратіона, чтобы приготовить Мюрату успѣхъ вторичнаго нападенія. Багратіонъ съ своей стороны выдвинулъ болѣе 300 пушекъ и съ холмовъ перекрестнымъ огнемъ обстрѣливалъ равнину, по которой Французы должны были итти въ атаку. Они шли медленно, грозными колоннами, въ мертвомъ молчаніи, ружье на перевѣсъ, смыкая ряды, вырываемые ядрами и картечью, и уже приближались къ нашимъ редутамъ. Багратіонъ бросился впередъ и ударилъ въ штыки. Закипѣлъ рукопашный бой; кровь лилась рѣкою; цѣлыя дивизіи исчезали въ нѣсколько минутъ. Не взирая на превосходство силъ, непріятель долго не имѣлъ перевѣса, доколѣ тяжкая рана не принудила Багратіона оставить поле сраженія. Тутъ наши полки замаялись и отодвинулись назадъ, сажень на 200, чтобы занять

высоты передъ деревнею Семеновскою : Коновницыну удалось привести ихъ въ порядокъ и удержать непріятеля до прибытія неустрашимаго защитника Смоленска, Дохтурова; присланный Кутузовымъ заступить мѣсто Баграціона онъ свернулъ полки въ каре, троекратно отбилъ самыя стремительныя атаки всей непріятельской кавалеріи и до конца сраженія не отступилъ ни на шагъ.

Столь же тщетны были усилія Наполеона прорвать центръ нашей арміи. Надлежало прежде всего овладѣть грознымъ люнетомъ, устроеннымъ на курганѣ, впереди корпуса Раевского, и потомъ сломить безстрашнаго Барклая, непоколебимаго въ сѣчахъ. Это трудное дѣло Наполеонъ возложилъ на славнѣйшаго изъ сподвижниковъ своихъ, на Вице-Короля Евгенія, давъ ему половину своей арміи. Какъ скоро Мюратъ обрушился на лѣвое крыло, Вице-Король устремился на люнетъ. Здѣсь стоялъ Паскевичъ съ своею храброю дивизіею. Онъ встрѣтилъ враговъ съ обычнымъ мужествомъ, потерялъ почти всю свою дивизію, но подкрѣпленный Ермоловымъ, графомъ Кутайсовымъ и Васильчиковымъ, удержался на курганѣ. Громада войскъ непріятельскихъ была отбита.

Наполеонъ, усиливъ Евгенія свѣжими войсками, приказалъ готовиться къ рѣшительному удару и

открылъ огонь изъ всѣхъ батарей своихъ по нашему центру. Выстрѣлы съ обѣихъ сторонъ были такъ часты, что между ими не оставалось промежутка; залпы слились въ одинъ гулъ, который уподоблялся непрерывнымъ перекатамъ грома. Земля тряслась; солнце померкло въ облакахъ дыма; казалось, наступилъ часъ разрушенія вселенной. Барклай де Толли, предугадывая общую атаку, спѣшилъ подкрѣпить свое войско послѣдними резервами и съ безстрашіемъ истиннаго героя сталъ впереди полковъ, подъ тучею бомбъ и ядеръ. Войско привѣтствовало его, въ первый разъ послѣ паденія Смоленска, единодушнымъ ура и богатырскою грудью отразило послѣдній рѣшительный ударъ Наполеона. Неимоверныя усилія его прорвать центръ нашей позиціи, кончились тѣмъ, что послѣ 10 часовъ жесточайшаго боя ему удалось только овладѣть курганною батареею; но сбить Русской арміи онъ не могъ. Къ вечеру непріятельскія атаки прекратились, и остальное время дня протекало въ непрерывной канонадѣ, доколѣ ночь не положила конца сраженію, превосходившему жестокостью и кровопролитіемъ всѣ извѣстныя битвы. Съ той и другой стороны вышло изъ строя болѣе 100,000 чело-вѣкъ. Мы потеряли до 50,000; многіе генералы были ранены; въ числѣ убитыхъ находились графъ Кутайсовъ и братья Тучковы. Рана пресѣкла въ послѣдствіи славную жизнь и Багратіона.

12. Ночью Наполеонъ отступилъ въ ту же позицію, которую занималъ онъ предъ сраженіемъ; Кутузовъ остался на полѣ битвы и, къ общей радости войска отдалъ приказъ на другой день атаковать непріятеля. Но собранныя имъ въ ту же ночь свѣдѣнія о великой убыли людей, особенно на лѣвомъ флангѣ, убѣдили его въ необходимости отступить за Можайскъ, чтобы привести армію въ порядокъ и сблизиться съ резервами, которые должны были подкрѣпить ее. На разсвѣтъ 27 Августа, онъ оставилъ поля Бородинскія и пошелъ по Московской дорогѣ; въ слѣдъ за нимъ двинулся и Наполеонъ. Пять сутокъ шелъ Кутузовъ, тщетно ожидая прибытія свѣжихъ войскъ: они были еще далеко.

Отступление
къ Москвѣ.

Въ виду Москвы, между деревнею Филя и Воробьевыми горами, армія остановилась, съ мыслию побѣдить или пасть подъ стѣнами столицы. Фельдмаршалъ, обозрѣвъ позицію предварительно избранную Беннигсеномъ, призналъ ее неудобною къ битвѣ, собралъ военный совѣтъ и предложилъ вопросъ, ожидать ли нападенія непріятеля въ невыгодномъ мѣстѣ, или для спасенія арміи оставить Москву безъ боя и отступить далѣе? Мнѣнія были несогласны. Беннигсенъ говорилъ, что стыдно оставить Москву безъ выстрѣла, что занятіе столицы Французами произведетъ неблагопріятное впечатлѣніе въ Россіи и въ Европѣ, что нельзя еще отчаяваться

Военный советъ.

1 Сентября

въ побѣдѣ — и для лучшаго успѣха предлагалъ: сосредоточивъ главные силы на лѣвомъ флангѣ, ночью двинуться впередъ и напасть на центръ непріятеля, уже ослабленнаго отдѣленіемъ многихъ отрядовъ для обхода Русской арміи. Барклай де Толли признавалъ эту мѣру слишкомъ отважною: находилъ, что армія не въ состояніи ждать непріятеля въ занимаемой ею позиціи, тѣмъ менѣе идти ему на встрѣчу, и совѣтовалъ, оставивъ Москву безъ боя, отступить по Владимірской дорогѣ. Послѣ жаркихъ споровъ, совѣтъ раздѣлился на двѣ половины: съ Беннигсеномъ согласились Дохтуровъ, Уваровъ, Коновницынъ и Ермоловъ; съ Барклаемъ графъ Остерманъ и Толь; послѣдній съ тою только важною отмѣною, что считалъ за лучшее выйти не на Владимірскую дорогу, а на Калужскую. Раевскій также присталъ къ сторонѣ Барклая, предоставляя впрочемъ самому Фельдмаршалу судить, какое дѣйствіе произведетъ въ политическомъ отношеніи извѣстіе о взятіи Москвы. «Съ потерей Москвы, возразилъ Кутузовъ, не потеряна Россія, доколѣ сохранена будетъ армія. Уступленіемъ столицы, мы приготовимъ гибель непріятелю. Я намѣренъ идти на Рязанскую дорогу; знаю, что вся отвѣтственность обрушится на мнѣ; но жертвую собою для блага отечества.» Повелительное слово Фельдмаршала «приказываю отступать» — прекратило всѣ споры.

13. На другой день, рано утромъ, Русская ар-
 мія снялась съ лагеря. Солдаты думали, что они Оставленіе
Москвы.
2 Сентября
 идутъ въ обходъ, на бой рѣшительный; вскорѣ
 дѣло объяснилось. Съ мрачнымъ безмолвіемъ, съ
 невыразимою горестью въ душѣ, но безъ ропота и
 унынія, въ строгомъ порядкѣ, вступали полки за
 полками въ Дорогомиловскую заставу, и среди
 изумленного народа, по извилистымъ улицамъ сто-
 лицы, съ немалымъ трудомъ выходили на Рязан-
 скую дорогу, между тѣмъ, какъ Милорадовичъ,
 начальствуя аріергардомъ, удерживалъ стремитель-
 ные напоры враговъ.

Въ Москвѣ никто не воображалъ, чтобы Куту-
 зовъ рѣшился оставить непріятелю безъ боя пер-
 вопрестольный градъ Россіи. Правда, за нѣсколько
 дней предъ тѣмъ, по распоряженію Московскаго
 главнокомандующаго графа Ростопчина, вывезены
 были государственныя сокровища, важнѣйшіе ар-
 хивы, казенное имущество во Владимірѣ, въ Ни-
 жній Новгородъ, въ Казань, и дворянство заблу-
 говременно удалилось въ свои помѣстья; но мысль,
 что войско еще не разбито, что оно скорѣе погиб-
 неть подъ стѣнами столицы, нежели отдастъ ее
 безъ боя, удерживала въ стѣнахъ ея большую
 часть народонаселенія. Въ неминуемой битвѣ и
 побѣдѣ увѣрялъ Москву до послѣдней минуты и
 Ростопчинъ, призывая народъ къ единодушно-

му содѣйствію арміи. Всѣ ополчались поголовно; тысячи толпились предъ арсеналомъ, гдѣ даромъ раздавалось оружіе, и бодро готовились итти на враговъ.

Самоотвер-
женіе наро-
да.

Неожиданное движеніе арміи на Рязанскую дорогу привело народъ въ крайнее недоумѣніе, которое тѣмъ болѣе увеличилось, что ни Кутузовъ, ни Ростопчинъ не отдали никакого приказа, какъ принять непріятеля. Покинутая войскомъ, градоначальникомъ, сенатомъ, всѣми властями духовными и свѣтскими, Москва, по видимому, должна была встрѣтить торжествующаго побѣдителя съ тою же покорностью, какъ встрѣчали его въ Миланѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Мадридѣ, чтобы униженнымъ привѣтствіемъ спасти свои дома отъ грабежа и расхищенія. Но не таковъ народъ Русскій! Въ слѣдъ за арміею двинулось все народонаселеніе столицы, бросило свои жилища, имущество, и разсѣялось въ разныя стороны, предпочитая вѣрную нищету, самую гибель ненавистному владычеству пришельца. Не успѣвшіе выбраться скрылись въ погребахъ и подвалахъ. Въ одинъ день опустѣла Москва; на шумныхъ стогнахъ ея воцарилась мертвая тишина. Наполеонъ, шедшій по слѣдамъ Русской арміи, до самаго Кремля не встрѣтилъ ни одной Русской души. Москва приняла его, какъ безмолвная могила.

14. Мало того: едва вступилъ онъ въ чер- Пожаръ Мо-
сковскій.
тоги нашихъ царей, а солдаты его, побуждае-
мые голодомъ и корыстью, бросились грабить
безлюдныя дома, въ разныхъ частяхъ города
вспыхнулъ пожаръ. На другой день Москва
уже пылала со всѣхъ сторонъ. Ее жгли Рус-
скіе. Съ самаго начала войны народъ постоян-
но одушевленъ былъ одною мыслію: лучше все
сжечь, чтобы ничего не досталось непріятелю.
Тщетно Наполеонъ, съ тоскою и содроганіемъ
взиравшій на распространіе огня, приказывалъ
тушить его: пожарныхъ трубъ не было; ихъ
вывезъ Ростопчинъ за нѣсколько часовъ до
вшествія непріятеля въ столицу; огонь раз-
лился рѣкою; воздухъ потерялъ равновѣсіе; под-
нялась буря и пламенное море поглотило Мо-
скову. Наполеонъ едва могъ выбраться изъ пы-
лающаго Кремля въ Петровскій дворецъ; войско
его должно было расположиться въ чистомъ
полѣ. Пять сутокъ свирѣпствовалъ пожаръ; въ
шестые онъ сталъ затихать, не находя себѣ болѣе
пищи: златоглавая Москва была уже грудою пе-
пла и развалинъ. Уцѣляли одни соборы съ немно-
гими зданіями въ Кремль и въ Китаѣ; девять
десятихъ частей были жертвою огня. Враги до-
вершили разореніе Москвы: они разграбили ее, не
пощадивъ ни святыхъ храмовъ, ни памятниковъ
искусства и исторіи.

Свѣдѣнія
Московска-
го пожара.

15. Но гибель Москвы спасала Россію и Европу. Императоръ Александръ, при началѣ войны, возвѣстилъ, что онъ не положитъ оружія, доколѣ ни единого врага не останется въ Русскомъ царствѣ. Теперь, узнавъ о разрушеніи древней столицы своей, Государь сказалъ, что послѣ такой раны всякая другая ничтожна, и принялъ твердое намѣреніе не покидать оружія, доколѣ *не отмститъ за оскорбленное отечество* сокрушеніемъ самого Наполеона. «Я или онъ, говорилъ Александръ, онъ или я, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ.»

Съ такою же великодушною твердостью, съ самоотверженіемъ, достойнымъ лучшихъ временъ Рима, свѣдалъ Русскій народъ о паденіи Москвы. Сначала роковая вѣсть о занятіи непріателемъ столицы поразила Россію и привела ее въ уныніе, какъ предвѣстница постыднаго мира; но скоро об-
8 Сентября. народовавъ достопамятный манифестъ о непоколебимомъ намѣреніи Императора не вступать съ Наполеономъ ни въ какіе переговоры. «Не въ ту страну зашелъ онъ, говорилъ Александръ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войско и народъ. Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, и спасая себя, спасетъ независимость царей и царствъ.» Съ благоговѣніемъ слушалъ

народъ слова Александра и ополчался на брань священную. Мысль отмстить за оскорбленное отечество одушевила всѣ сословія. Война народная запыхала. Отъ Смоленска до Москвы, по обѣимъ сторонамъ пути непріятельскаго, вооружились всѣ уѣзды: городскіе и сельскіе обыватели составили многочисленныя партіи, соединились съ легкими отрядами партизановъ и вредили врагамъ всѣми возможными средствами: истребляли ихъ обозы, запасы продовольствія, вырѣзывали цѣлые отряды, отбивали артилерійскіе парки, губили припелѣцѣвъ безъ пощады огнемъ и желѣзомъ. Жены выходили на поиски съ своими мужьями.

Подвигнувъ такимъ образомъ народъ къ мести неумолимой, гибель Москвы поставила непріятеля въ затруднительное положеніе и въ другомъ смыслѣ: Наполеонъ смѣло углублялся въ самое сердце Россіи, въ несомнѣнной надеждѣ не только принудить Александра къ унижительному миру, но и найти въ Москвѣ тѣ же средства, какія находилъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ, къ восстановленію силъ своей арміи, измученной и разстроенной дальнею дорогою и непрерывными битвами. Войска его столь же нетерпѣливо желали достигнуть Москвы, думая, что тамъ конецъ всѣхъ трудовъ ихъ, что тамъ ожидаетъ ихъ славный миръ со всѣми выгодами побѣдителей, съ обильнымъ продовольствіемъ, съ

удобными квартирами, съ богатою добычею. Они представляли себѣ Москву земнымъ раемъ: она встрѣтила ихъ адомъ. Все, что было для нихъ необходимо, послѣ столь труднаго похода, большею частію истребилъ пожаръ. Войско упало духомъ, предалось грабежу и разстроилось болѣе прежняго. Надъ развалинами Москвы померкла счастливая звѣзда Наполеона. Кутузовъ довершилъ ударъ.

Лагерь Тарутинскій.

16. Движеніемъ на Рязань, великій вожь Русскаго народа хотѣлъ только отклонить отъ себя вниманіе непріятеля, чтобы тѣмъ удобнѣе занять старую Калужскую дорогу, на что рѣшился онъ еще прежде совѣщанія подъ Москвою, и съ вожделѣннымъ успѣхомъ достигъ своей цѣли. Между тѣмъ, какъ Наполеонъ, озабоченный пожаромъ, потерялъ изъ виду Русскую армію, и думая, что она идетъ по Рязанской дорогѣ, радовался этому движенію, Кутузовъ отъ Боровскаго перевоза круто повернулъ направо, вышелъ на старую Калужскую дорогу и сталъ въ укрѣпленномъ лагерѣ при селѣ Тарутинѣ на берегу Нары, въ 80 верстахъ отъ столицы. «Теперь ни шагу назадъ», сказалъ фельдмаршалъ и сдержалъ свое слово. Со вступленіемъ его въ Тарутинскій лагерь, перевѣсь брани явно склонился на сторону Русскую: прикрывъ южныя хлѣбородныя губерніи, Кутузовъ сталъ во

20 Сентября.

флангъ непріятельской арміи, такъ, что съ успѣхомъ могъ дѣйствовать на растянутый путь ея сообщеній, даже предупредить ее кратчайшею дорогою, въ случаѣ отступленія къ Смоленску. Для вѣрнѣйшаго удара, оставалось только усыпить врага и выиграть время, необходимое для возстановленія силъ Русской арміи и для изнуренія непріятеля. Сверхъ всякаго чаянія, Наполеонъ попался въ разставленныя ему сѣти: онъ прожилъ въ Москвѣ цѣлыя пять недѣль.

Какъ ни торжественны были слова Александра ^{Наполеонъ} не вступать ни въ какіе переговоры съ притѣснителемъ царствъ и народовъ, Наполеонъ не вѣрилъ имъ и три недѣли ожидалъ въ Москвѣ пословъ отъ Россійскаго Государя съ предложеніемъ мира: ^{предлагать миръ} они не являлись. Армія его между тѣмъ истощала запасы продовольствія, найденные въ Москвѣ, и съ величайшимъ трудомъ получала ихъ изъ окрестностей, гдѣ кипѣла война народная. За сѣномъ и соломою выходили цѣлыя полки съ орудіями, и не всегда возвращались съ добычею. Постигая всю опасность своего положенія, Наполеонъ рѣшился самъ заговорить о мирѣ, и съ этою цѣлью отправилъ въ Тарутинскій лагерь генерала Лористона. Кутузовъ отвѣчалъ, что онъ уполномоченъ вести ^{23 Сентября.} войну, а не переговоры, что ему запрещено даже произносить слово миръ, но что впрочемъ онъ

доведеть до свѣдѣнія Государя о желаніи Императора Французовъ. Протекло еще двѣ недѣли; отвѣта не было; голодъ въ Москвѣ увеличился; солдаты питались кониною; кавалерія едва двигалась.

Наступательныя дѣйствія Кутузова.

17. Пятинедѣльное бездѣйствіе Наполеона въ Москвѣ было для Россіи даромъ неба: изнуливъ и разстроивъ непріятеля, оно укрѣпило и почти вдвое усилило Русскую армію, давъ при томъ время разгорѣться войнѣ народной. Кутузовъ привелъ въ Тарутинскій лагерь до 75.000 воиновъ, истомленныхъ тяжкимъ походомъ и непрерывнымъ рядомъ битвъ. Три недѣли отдыха возстановили ихъ силы; сформированныя войска, въ числѣ 30,000 человекъ, присоединились къ арміи; подвезены всякаго рода запасы; прибыли 26 полковъ казачьихъ съ береговъ Дона, гдѣ, по призыву атамана Платова, вооружился старъ и младъ на защиту Вѣры и Царя. Армія кипѣла мужествомъ и жаждою мести за оскорбленіе Россіи. Настало наконецъ время разсѣять мечты Наполеона о мирѣ и выгнать его изъ предѣловъ отечества. 6 Октября Кутузовъ началъ дѣйствовать наступательно.

Пораженіе Мюрата.

Первый ударъ былъ направленъ на авангардъ непріятельскій, стоявшій верстахъ въ десяти отъ Тарутинскаго лагеря подъ начальствомъ Мюрата. Фельдмаршалъ поручилъ генералу Беннигсену на-

пасть на него съ половиною Русской арміи. Положено было: графу Орлову-Денисову къ казачьими полками зайти ему въ тылъ, чтобы отрезать путь къ отступленію; а Багговуту, Остерману и Строгонову атаковать въ одно время Французскій ла- 6 Октября. геръ. Казаки незапнымъ ударомъ привели Мюрата въ такое замѣшательство, что если бы прочія войска своевременно вступили въ дѣло, весь 25 тысячный корпусъ его былъ бы истребленъ или взятъ въ плѣнъ. Смерть Багговута, убитаго первымъ непріятельскимъ ядромъ въ самомъ началѣ сраженія, и нѣкоторыя другія обстоятельства разстроили планъ атаки, и Мюратъ быстрымъ отступленіемъ къ Москвѣ спасъ свой отрядъ. При всемъ томъ графу Орлову-Денисову удалось отнять 38 орудій и захватить немалое число плѣнныхъ. Весь непріятельскій лагерь остался въ рукахъ Русскихъ.

18. Еще прежде пораженія Мюрата, Наполеонъ, ^{Движеніе Наполеона на Калугу} видя изнуреніе своей арміи и уже сомнѣваясь въ успѣхѣ мирныхъ переговоровъ, началъ готовиться къ оставленію Москвы, чтобы сблизиться съ огромными запасными магазинами, устроенными въ Минскѣ, Витебскѣ и Вильнѣ, и съ отдѣльными корпусами своими, стоявшими въ окрестностяхъ Смоленска, Полоцка, Риги и Бреста. Наступательное движеніе Кутузова уничтожило въ немъ послѣднюю надежду на миръ и ускорило походъ. Избранный

имъ путь пролегалъ чрезъ Боровскъ, Малоярославецъ, Калугу, Ельню и Смоленскъ къ Витебску. Кратчайшею дорогою, столбовою Смоленскою, идти онъ не рѣшился, потому, что здѣсь, въ краю опустошенномъ на обширное пространство по обѣимъ сторонамъ дороги, невозможно было найти средствъ къ продовольствію арміи.

Непріятель выступилъ изъ Москвы 7 Октября, имѣя подъ ружьемъ болѣе 100,000 человекъ; за арміею слѣдовали многочисленныя толпы лицъ разнаго званія и тянулся безконечный обозъ, въ четыре ряда повозокъ, фуръ и телегъ, на пространствѣ 30 верстъ, съ небольшимъ запасомъ продовольствія, съ огромнымъ количествомъ военныхъ снарядовъ, съ несмѣтнымъ множествомъ золота, серебра и разныхъ драгоценныхъ вещей, похищенныхъ въ Москвѣ.

✧

Взорваніе
Кремля.

Но еще недовольный безпощаднымъ разграбленіемъ древней столицы нашей, Наполеонъ въ безсильной злобѣ на Александра и Россію, далъ маршалу Мортѣ повелѣніе взорвать Кремль со всѣми церквями и соборами, сжечь царскій дворецъ и разрушить всѣ остальные зданія, уцѣлѣвшія отъ пожара, кромѣ одного Воспитательнаго дома. Варварское намѣреніе его, достойное временъ Аттилы, было исполнено: Мортѣ зажегъ дворецъ,

подвелъ мины подъ Кремль и подъ святыя храмы и оставивъ въ нихъ зажженные фитили удалился съ остатками войска. Въ полночь на 11 Октября взлетѣли Кремлевскія стѣны въ пяти мѣстахъ, дворецъ сгорѣлъ; но соборы уцѣлѣли. Казаки Иловайскаго, тотчасъ по уходѣ Французовъ изъ Москвы, заняли ея пепелище.

19. Въ то самое время Наполеонъ былъ уже въ ^{Вой при Ма-} окрестностяхъ Боровска; главною заботою его было ^{лоярославца} скрыть отъ Кутузова путь своего отступленія, обойти грозныя твердыни Тарутинскія и прежде Русской арміи достигнуть Калуги, откуда ему легко было бы ускользнуть отъ мщенія Русскихъ движеніемъ на Смоленскъ, мѣстами еще неразоренными войною. При первомъ извѣстіи о появленіи враговъ близъ Боровска, дальновидный Фельдмаршалъ проникъ замыселъ хитраго непріятеля и взялъ свои мѣры: вся Русская армія немедленно поднялась съ ^{11 Октября.} береговъ Нары и быстро двинулась къ Малоярославцу, чтобы здѣсь, заслонивъ Калугу, преградить Французамъ путь въ край неразоренный и заставить ихъ выйти изъ Россіи тою же дорогою, которою они пришли, столбовою Смоленскою.

Въ одно время подходили войска обѣихъ сторонъ къ Малоярославцу, Французскія изъ Боровска, Русскія изъ Тарутина, и по мѣрѣ сближенія

12 Октября корпусовъ загоралось сраженіе, долженствовавшее рѣшить участь войны. Первый бой завязался между Дохтуровымъ и Вице-Королемъ Евгеніемъ; вскорѣ вступили въ дѣло Раевскій и Даву; наконецъ и остальные корпуса. Шесть разъ Малоярославецъ переходилъ изъ рукъ въ руки; въ стѣнахъ его кипѣлъ кровавый бой, ознаменованный равнымъ ожесточеніемъ съ той и другой стороны. Когда темная ночь прекратила битву, Кутузовъ отодвинулся отъ Малоярославца за нѣсколько верстъ, чтобы занять болѣе выгодную позицію; съ твердымъ намѣреніемъ отстоять Калугу; но непріятель не рѣшился возобновить сраженія, и отступилъ къ Боровску, чтобы оттуда чрезъ Верею и Борисовъ выйти при Можайскѣ на Смоленскую дорогу.

Отступление
Наполеона.

20. Для выхода изъ обширной Россіи, Наполеону не оставалось иного пути, кромѣ дороги, имъ самимъ опустошенной и усыянной трупами. Начался второй періодъ войны — преслѣдованіе и истребленіе враговъ. «Потушимъ кровію непріятельскою пожаръ Московскій,» сказалъ Кутузовъ, повторяя слова Александра, и погнался за Наполеономъ. Самъ онъ съ главною арміею взялъ направленіе параллельное къ Смоленской дорогѣ; Милорадовичу съ отдѣльнымъ отрядомъ приказалъ не упускать враговъ изъ виду и нападать на нихъ безпрестанно; Платову и Паскевичу идти въ слѣдъ за ними

по пятамъ, казакамъ и партизанамъ тревожить оба фланга.

Милорадовичъ настигъ растянутую армію непріа- ^{Пораженіе}
 теля близъ Вязьмы, отрѣзалъ корпусъ маршала ^{враговъ.}
 Даву, составлявшій арьергардъ, и нанесъ ему
 жестокое пораженіе, убѣдившее Французовъ, что ^{подъ Вязь-}
 ихъ преслѣдуетъ не партія казаковъ, какъ увѣрялъ ^{мою.}
 Наполеонъ, а вся Русская армія. Они дрогнули и 22 Октября.
 ускорили шаги. За Вязьмою постигли ихъ два
 новыя бѣдствія: голодъ и холодъ. Немногіе запасы
 продовольствія, взятые изъ Москвы, истощились;
 на дорогѣ все было разорено; по обѣимъ сторо-
 намъ ея, рядомъ съ арміею, шли партизаны, ка-
 заки, вооруженные крестьяне, истребляя отряды,
 отдѣлявшіеся для собранія съѣстныхъ припасовъ.
 Въ то же время за Вязьмою выпалъ первый снѣгъ,
 забушевала вьюга, настали Русскіе морозы, прав-
 да еще не сильные, но уже нестерпимые для оби-
 тателей полуденной Европы, особенно во время
 ночлеговъ на снѣгу, подъ открытымъ небомъ. Ло-
 шади падали. Орудія и обозы отставали отъ бѣгу-
 щей арміи и были подбираемы казаками. Тѣмъ
 дружнѣе и рѣшительнѣе было преслѣдованіе Рус- ^{близъ Ду-}
 скихъ. За Дорогобужемъ, вправо отъ Смоленской ^{ховщины.}
 дороги, атаманъ Платовъ нагналъ Вице-Короля Евге- 23 Октябл.
 нія и истребилъ весь корпусъ его на берегахъ Вои,
 близъ Духовщины. При Красномъ Кутузовъ настигъ

при Крас-
номъ.

5 Ноября.

самого Наполеона и нанесъ ему сильное пораженіе, между тѣмъ, какъ Милорадовичъ истребилъ цѣлый корпусъ Нея. Отселъ отступленіе Французской арміи обратилось въ бѣгство. Одна гвардія сохраняла воинственный видъ; прочія войска, изнуренныя голодомъ и стужей, въ безпорядочныхъ толпахъ бѣжали отъ грозныхъ казаковъ, гибли въ снѣжныхъ пустыняхъ отъ изнеможенія, или подъ ударами озлобленнаго народа, который вышелъ изъ лѣсовъ съ неумолимою местию. Титулъ Князя Смоленскаго былъ достойною наградою Кутузову за истребленіе большей части силъ Наполеона въ окрестностяхъ Смоленска; но главный, окончательный ударъ, по плану составленному самимъ Александромъ, готовился впереди, на берегахъ Березины. Здѣсь предполагалось уничтожить Французскую армію до послѣдняго человѣка. Этотъ планъ начертанъ былъ еще до занятія непріателемъ Москвы, тотчасъ послѣ Бородинской битвы и полученъ Кутузовымъ во время движенія его съ Рязанской дороги на старую Калужскую.

Военный
планъ Але-
ксандра.

21. Не сомнѣваясь въ неизбѣжномъ отступленіи враговъ изъ Россіи, Государь хотѣлъ преградить имъ путь на Березинѣ, въ окрестностяхъ Борисова. Для этой цѣли предназначились съ юга двѣ арміи, Молдавская адмирала Чичагова и обсервационная генерала Торماسова, слитыя въ одну на Волини,

съ сѣвера корпусъ графа Витгенштейна, оберегавшій пространство между Псковомъ и Полоцкомъ. Государь далъ повелѣніе: Чичагову отбросить противопоставленные ему войска Австрійскія и Саксонскія подѣ начальствомъ князя Шварценберга къ предѣламъ Галиціи, а графу Витгенштейну вытѣснить Французовъ изъ занятаго ими Полоцка, отодвинуть ихъ въ Литву, и на берегахъ Березины соединиться съ Чичаговымъ, для воспрепятствованія Наполеону вырваться изъ Россіи, въ то время, когда главная армія погонить его назадъ. Послѣ сраженія при Малоярославцѣ, Кутузовъ подтвердилъ обоимъ генераламъ волю Государя, извѣстивъ ихъ, что врагъ бѣжитъ изъ предѣловъ отечества. Все шло какъ нельзя лучше. Чичаговъ, озаботивъ Шварценберга корпусомъ генерала Сакена, безъ большаго труда успѣлъ прибыть на Березину и занять Борисовъ сильною арміею Молдавскою, испытанною въ бояхъ, кипѣвшею ищченіемъ и неизнуренною битвами. Графъ Витгенштейнъ съ своей стороны, еще въ началѣ Августа поразивъ маршала Удино при Клястицахъ, въ послѣдствіи выбилъ изъ Полоцка другаго мар- 6 Августа. шала Сень-Сира, принудилъ къ бездѣйствию третьяго маршала Виктора, твердою ногою сталъ на берегахъ Улы, и вступилъ въ связь съ Чичаговымъ.

Приближаясь къ Березинѣ съ арміею голодною, ^{Пораженіе при Бере-} разстроенною, уменьшенною до половины, почти ^{анія.}

безъ конницы, Наполеонъ шелъ на явную гибель. Впереди его въ Борисовъ и за Березиною стояла боевая армія Молдавская; съ тыла неустоимо преслѣдовали его Платовъ, Милорадовичъ и Ермоловъ; слѣва тѣснилъ и гналъ его самъ Кутузовъ, справа стоялъ Витгенштейнъ, ознаменованный пораженіемъ трехъ маршаловъ. Къ довершенію отчаянія непріятеля, послѣ сильныхъ морозовъ, вдругъ наступила оттепель; тронулся ледъ на Березинѣ, и переправа сдѣлалась невозможною. Всевышній явно каралъ враговъ Россіи за пролитую ими кровь, за лютый грабежъ, за оскверненіе святыхъ храмовъ.

Дальновидныя мѣры Александра и мудрыя распоряженія Кутузова не увѣнчались однакожъ полнымъ успѣхомъ. Остатки великой арміи Французской, соединившись съ корпусами Виктора и Удино, успѣли сверхъ всякаго чаянія, хотя съ болѣею 15 Ноябр. потерю, переправиться чрезъ Березину и выбраться на дорогу къ Вильнѣ. Виною тому былъ Чичаговъ. Онъ далъ вытѣснить себя изъ Борисова и потянулся внизъ по Березинѣ, оставивъ безъ вниманія броды, находившіеся въ противоположной сторонѣ, при деревнѣ Студянкѣ. Наполеонъ незамѣтно построилъ здѣсь мосты и перевелъ значительную часть оставшихся у него войскъ, съ потерю 20,000 плѣнными, многихъ тысячъ убитыми, почти всей артиллеріи и обозовъ. Сокровища,

похищенные въ Москвѣ, остались въ рукахъ Русскихъ. Прискорбно было Кутузову слышать объ уходѣ враговъ изъ разставленныхъ имъ съ такимъ искусствомъ сѣтей; но Провидѣніе довершило его дѣло.

На другой день послѣ Березинской переправы, ^{Вѣдствіе враговъ.} за оттепелью наступилъ жестокий морозъ, который съ каждымъ днемъ усиливался и дошелъ до того, что онъ сталъ нестерпимъ даже для Русскихъ солдатъ. Стужа была постоянная отъ 25 до 30 градусовъ. Непріятели костенѣли отъ холода, гибли тысячами и устилали своими трупами пространство отъ Березины до Вильны. Тщетно Наполеонъ хотѣлъ здѣсь остановиться и привести въ порядокъ свои разсѣянные войска; армія его болѣе не существовала. Не доходя Вильны, въ мѣстечкѣ Сморгоняхъ, онъ покинулъ своихъ несчастныхъ сподвижниковъ и съ двумя любимцами своими, Коленкуромъ и Дюрокомъ, ускакалъ въ Парижъ — собирать новое войско.

22. Изъ приведенныхъ имъ въ Россію 700,000 ^{Потери Наполеона.} человекъ, вооруженныхъ и нестроевыхъ, не возвратилось за Пѣманъ и десятой части. Уцѣляли только отдѣльные корпуса Австрійскій и Прусскій, дѣйствовавшіе на Волыни и въ Курляндіи; отъ главной же, или такъ называемой Великой арміи

не осталось и 20,000 человекъ, убѣжавшихъ безпорядочною толпою за Нѣманъ при Ковно. Наполеонъ потерялъ въ Россіи 200 тысячъ плѣнными, болѣе 400 тысячъ погибшими на поляхъ битвы, или отъ ранъ, изнеможенія, голода и стужи, болѣе 1000 орудій, до 100 знаменъ и штандартовъ, и несмѣтное количество всякаго рода запасовъ и снарядовъ. Въ день Рождества Христова Русскій народъ торжествовалъ свое избавленіе *отъ нашествія Галловъ и съ ними двадцати языкъ*: уже ни единого непріятельскаго воина не осталось въ имперіи Александра.

Пожертво-
ванія Россіи.

23. Россія искупила свою независимость, честь и прежнюю славу жертвою достойною: при нашествіи непріятеля число войскъ ея, стоявшихъ по западнымъ границамъ отъ Финляндіи до Дуная, простиралось до 400,000 человекъ; во время войны составились сильные резервы изъ вновь набранныхъ рекрутъ; образовалось многочисленное ополченіе; вооружились Донскіе казаки. Всѣ сіи войска, постепенно принимая участіе въ отечественной войнѣ, къ концу ея слились въ одну массу подъ знаменемъ Кутузова; но Кутузовъ привелъ на берега Нѣмана не болѣе 100,000 человекъ. Въ главной арміи его, составленной изъ войскъ Барклая де Толли и Багратіона, въ послѣдствіи усиленной резервами, ополченіями и казаками не

было и 40,000 человекъ. Много пало сыновъ Россіи на поляхъ битвъ; не мало погибло ихъ и безоружныхъ въ городахъ и селахъ, истребленныхъ врагами, въ пламени жилищъ, отъ меча непріятельскаго, отъ голода, холода и заразительныхъ болѣзней. Въ Смоленской губерніи, въ одномъ податномъ состояніи, еще въ 1816 году оказывался недочетъ до 60,000 душъ противъ исчисленія 1811 года. Несмѣтны также были потери движимаго и недвижимаго имущества. Всѣ города и села отъ Вильны до Москвы на обширное пространство были разорены огнемъ и мечемъ, какъ всепожирающею лавою: исчисленные убытки однихъ частныхъ лицъ въ Московской губерніи простирались до 280 мил. рублей. А кто можетъ оцѣнить потерю памятниковъ отечественной старины и ея Исторіи!

—

II. ОСВОБОЖДЕНІЕ ГЕРМАНИИ ОТЪ ВЛАСТИ НАПОЛЕОНА.

1813.

24. Избавивъ Россію отъ оковъ, приготовленныхъ ей Наполеономъ, Александръ рѣшился освободить и Европу отъ его самовластия. Ему предстоялъ второй великій подвигъ, едва ли не труднѣе

Освобожденіе Европы.

и не славнѣе перваго. Спасая свою имперію отъ хищнаго завоевателя, онъ находилъ огромныя средства въ доблестномъ самоотверженіи Русскаго народа, готоваго умереть за Царя и царство, въ неизмѣнной довѣренности всѣхъ сословій къ могуществу Россіи, въ мужествѣ войска, испытаннаго боями, въ искусствѣ вожда, великаго умомъ и душою, наконецъ въ самомъ пространствѣ имперіи, въ ея суровомъ климатѣ, въ неистощимыхъ способахъ къ подкрѣпленію арміи.

За предѣлами Россіи, Александръ не могъ найти подобныхъ средствъ: его встрѣчала Европа, работѣнно вооруженная за Наполеона. Франція, еще безусловно покорная своему властителю, по первому призыву его, собирала послѣднія силы, и ополчалась вмѣстѣ съ Италіею и Голландіею, которыя составляли области Французской имперіи; Германія съ тайною радостью услышала объ истребленіи великой арміи въ предѣлахъ Россіи; но еще оглушенная недавними ударами Наполеона, не смѣла даже думать о возможности избавиться отъ его господства, слѣпо вѣрила въ его грозное могущество, въ его неизмѣнное счастье, и тѣмъ покорнѣе несла свой тяжкій жребій, что Германскіе владѣтели, большею частію обязанные своими королевскими коронами Императору Французовъ, были его вассалами; онъ располагалъ силами Государей Ба-

варии, Саксонии, Виртемберга, Бадена, Гессена и другихъ членовъ Рейнскаго союза. Король Датскій смотрѣлъ на него, какъ на своего покровителя; на престолѣ Испанскомъ и Вестфальскомъ были его родные братья; королевство Неаполитанское принадлежало его зятю.

Только Австрія и Пруссія, сохраняя тѣнь государственной самостоятельности, подавали Александру слабую надежду на содѣйствіе великодушнымъ усиліямъ его къ освобожденію Европы; но Вѣнскій дворъ выжидалъ, какой оборотъ примутъ дѣла, и колебался между Россією и Францією, склоняясь впрочемъ болѣе на сторону послѣдней, какъ потому, что Императоръ Австрійскій былъ тестъ Наполеона, такъ и потому, что неудачи прежнихъ войнъ были въ свѣжей памяти Австрійцевъ. За уступку Иллирии и сѣверной Италіи Францъ I изъяслялъ готовность ополчить всѣ свои силы на помощь зятю. Пруссія кипѣла мщеніемъ къ своему неумолимому притѣснителю; но всѣ главныя крѣпости ея, самый Берлинъ, находились въ рукахъ Французовъ, и Король ея, при всемъ желаніи успѣховъ Александру, не зналъ, на что рѣшиться до появленія Русскихъ знаменъ на берегахъ Одера.

Однимъ словомъ Европа волею и неволею была вооружена за Наполеона. И тѣмъ труднѣе казалось

бороться съ нимъ, что уже не много старыхъ солдатъ стояло въ рядахъ Русской арміи; для пополненія же ея требовались огромныя усилія, которыя по видимому должны были истощить Россію въ конецъ.

Но Александръ былъ непоколебимъ въ великодушномъ намѣреніи спасти Европу — и спасъ ее, одолевъ препятствія для всякаго другаго неодолимыя. Только онъ, равно мудрый политикъ и полководецъ искусный, равно твердый и великодушный, могъ разувѣрить Европу въ непобѣдимости Наполеона, соединить ея вѣдичесцевъ союзомъ неразрывнымъ, непримѣрнымъ въ Исторіи, и довести ихъ, среди неисчислимыхъ преградъ, подъ знаменемъ побѣды отъ береговъ Эльбы до Парижа; только его войска, имъ лично предводимыя, одушевленные славою недавнихъ подвиговъ, могли устоять противъ новыхъ ударовъ, съ отчаяніемъ наносимыхъ врагомъ грознымъ, и отразить ихъ своею богатырскою грудью.

Переходъ
арміи за гра-
ницу.

25. Добровольно возлагая на себя столь великій и многотрудный подвигъ, Александръ спѣшилъ перенести побѣдоносное оружіе свое на рубежъ земли Нѣмецкой, въ той надеждѣ, что Германскіе народы, увидѣвъ знамена Русскія, возстанутъ за свою независимость, и общій порывъ народовъ

увлечетъ кабинеты. Кутузовъ, достигнувъ Вильны, 30 Ноября. предполагалъ остановиться здѣсь на нѣсколько недѣль, для возстановленія силъ арміи, утомленной быстрымъ преслѣдованіемъ непріятеля, «чтобы было съ чѣмъ, по его словамъ, явиться за границую.» Государь велѣлъ ему, не теряя ни одного дня, идти впередъ и для ускоренія военныхъ дѣйствій, еще болѣе для немедленнаго рѣшенія предстоявшихъ вопросовъ политическихъ, самъ прибылъ въ 11 Декабря. главную квартиру фельдмаршала. Съ сихъ поръ до окончанія войны онъ безотлучно находился при войскахъ. 1 Января 1813 года Кутузовъ перешелъ границу имперіи, рѣку Нѣманъ при Меречѣ, и громкимъ приказомъ возвѣстилъ своимъ сподвижникамъ, что они идутъ, подъ знаменемъ Александра, освобождать Европу. Варшавское герцогство было безъ труда очищено отъ непріятелей, за исключеніемъ главныхъ крѣпостей; Милорадовичъ отѣснилъ Австрійцевъ и Саксонцевъ въ Галицію и занялъ Варшаву; Витгенштейнъ столь же успѣшно дѣйствовалъ противъ Пруссаковъ и Французовъ въ Курляндіи и восточной Пруссіи. Въ началѣ Февраля Русскія знамена уже развѣвались на берегахъ Одера.

26. Между тѣмъ, Государь, предвидя борьбу упорную, повелѣлъ для подкрѣпленія своихъ силъ составить резервную армію изъ запасныхъ войскъ, Составленіе резервовъ.

изъ старыхъ солдатъ, излечившихся отъ ранъ и болѣзней, и изъ вновь набранныхъ по манифесту 30 Ноября 1812 года рекрутъ по 8 человекъ съ 500 душъ. Составленіе резервной арміи поручено было князю Лобанову-Ростовскому, который выполнилъ оправдалъ довѣренность Государя: въ самое короткое время изъ дальнихъ губерній, онъ привелъ на берега Нѣмана и Вислы цѣлые полки рекрутъ, выучилъ ихъ военному дѣлу, устроилъ многочисленную артиллерію, приготовилъ провіантъ и образовалъ шесть корпусовъ. Вскорѣ запыхала война кровавая; Русскіе полки исчезали на поляхъ Саксоніи и Силезіи; но подкрѣпляемая резервами, дѣйствующая армія наша всегда находилась, къ изумленію иностранцевъ, въ полномъ составѣ и самыя жестокія битвы не ослабляли ея.

Союзъ съ
Пруссіею.

27. Благовременное и превосходное устройство резервовъ оказалось тѣмъ болѣе полезнымъ, что надежда Александра на общее, единодушное содѣйствіе Германцевъ къ ихъ собственному освобожденію, исполнилась не скоро, только тогда, когда они удостовѣрились въ крѣпкой защитѣ могущественной Россіи, и Русская армія должна была отразить своею грудью всю тяжесть первыхъ ударовъ Наполеоновыхъ. Народы Германскіе встрѣчали Русскихъ, съ радостію, какъ своихъ избавителей и готовы были соединиться съ ними противъ

общаго врага; но кабинеты еще медлили, сомнѣваясь въ возможности избавиться отъ власти Наполеона. Одинъ Король Пруссій Фридрихъ Вильгельмъ III съ полною довѣренностію бросился въ объятія Александра, заключилъ съ нимъ самую искреннюю дружбу и договоромъ въ Калишѣ обя- 16 Февраля. зался помогать ему всѣми силами. Пруссаки съ восторгомъ читали воззваніе своего Короля о поголовномъ ополченіи, вооружались единодушно и становились подъ знамена Кутузова.

Но Фридрихъ Вильгельмъ долго былъ един- Германія
стоитъ за
Наполеона
ственнымъ союзникомъ Александра и въ началѣ могъ подкрѣпить его немногочисленною арміею, бывъ принужденъ отрядить нѣсколько корпусовъ для осады собственныхъ крѣпостей, занятыхъ непріателемъ. Тщетно Кутузовъ прокламаціею изъ Калиша приглашалъ членовъ Рейнскаго союза послѣдовать примѣру Короля Прусскаго и ополчиться за свою независимость: они собирали послѣднія силы свои для Наполеона. Ряды его арміи быстро наполнялись полками Саксонскими, Баварскими, Виртембергскими, Баденскими, Гессенскими, Вестфальскими. Австрія рѣшилась уклониться до времени отъ участія въ войнѣ и предложила свое посредничество къ общему примиренію, имѣя въ виду собраться съ силами и въ послѣдствіи, смотря по обстоятельствамъ, принять ту или другую сторону.

Усиленіе
Наполеона.

28. Такимъ образомъ Александръ выступилъ на поле священной брани, за освобожденіе Европы, только съ однимъ союзникомъ. Положеніе его было тѣмъ затруднительнѣе, что Наполеонъ, располагая силами Франціи, Голландіи, Италіи и всѣхъ государствъ Рейнскаго союза, въ два мѣсяца, съ непостижимою быстротою, успѣлъ вооружить болѣе 300.000 человѣкъ. Полки его со всѣхъ сторонъ стекались на берега Салы, и уже въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ сосредоточилъ въ окрестностяхъ Лейпцига болѣе 130.000 солдатъ, правда еще молодыхъ, но храбрыхъ, готовыхъ умереть за своего вожда-героя. Неожиданное появленіе его съ такими огромными силами навело ужасъ на Германію и погасило въ ней едва блеснувшую надежду на свободу. Къ довершенію общаго унынія, разнеслась вѣсть, что тотъ, на кого Германцы наиболѣе возлагали свое упованіе, кто впервые разгадалъ тайну побѣдить непобѣдимаго, великій старецъ, князь Кутузовъ лежалъ въ Бунцлау на одрѣ смертномъ.

Умеръ 17
Апрѣля.

Дѣйствія въ
Саксоніи.

29. Союзники имѣли подъ ружьемъ также не менѣе 300.000 человѣкъ; но изъ нихъ многіе полки еще не успѣли прибыть съ береговъ Вислы и Нѣмана, другіе были заняты осадой крѣпостей въ Пруссіи и Польшѣ, такъ, что въ главной союзной арміи считалось съ небольшимъ 70.000. При всемъ томъ Александръ не хотѣлъ долѣе ме-

дать, чтобы не охладить послѣдняго рвенія Германскихъ народовъ, и за болѣзнію Кутузова, назначивъ главнокомандующимъ графа Витгенштейна, велѣлъ ему идти впередъ, для изгнанія враговъ изъ предѣловъ земли Нѣмецкой. Оба Государя находились при войскѣ, раздѣляя съ нимъ всѣ труды похода. Въ Саксоніи они были приняты съ такимъ же восторгомъ, какъ и въ Силезіи, хотя король Саксонскій былъ на сторонѣ непріятеля.

30. Вблизи Люцена, тамъ, гдѣ нѣкогда палъ Люценское сраженіе.
Густавъ Адольфъ, сражаясь за свободу вѣроисповѣданія съ Фердинандомъ II., впервые сразился Александръ за свободу Европы съ Наполеономъ. Витгенштейнъ съ большимъ искусствомъ расположилъ свои движенія и врасплохъ напалъ на Фран- 20 Апрѣля.
цузскую армію съ праваго фланга, въ то время, когда она, вовсе не ожидая атаки съ этой стороны, тянулась отъ Люцена къ Лейпцигу. Искусный планъ Витгенштейна не увѣнчался успѣхомъ сколько отъ несвоевременнаго вступленія въ дѣло Прусскихъ войскъ, столько и отъ оплошности генерала Винценгероде, неумѣвшаго съ пользою употребить Русскую кавалерію, которая, далеко превосходя непріятельскую, должна была рѣшить участь битвы. Наполеонъ успѣлъ возвратить шедшіе къ Лейпцигу корпуса, сосредоточилъ всѣ войска свои въ окрестностяхъ Люцена и взялъ перевѣсъ въ си-

лахъ. При всемъ томъ, послѣ жестокаго боя, продолжавшагося отъ ранняго утра до глубокой ночи, союзники удержали поле сраженія и положили на другой день возобновить битву. Неожиданное препятствіе, недостатокъ военныхъ снарядовъ, принудилъ ихъ возвратиться въ Дрезденъ, оттуда отступить къ Бауцену.

Бауценское
сраженіе.

9 Мая.

Здѣсь они подкрѣпили себя свѣжими войсками, приведенными Барклаемъ де Толли, и за Бауценомъ, на крутизнахъ, омываемыхъ водами Шпрее, заняли крѣпкую позицію, имѣя подъ ружьемъ до 100.000 человекъ. Непріятель напалъ на нихъ съ 150.000 арміею. Сраженіе было жестокое и кровопролитное. Бой кипѣлъ двое сутокъ на пространствѣ 10 верстъ. Наполеонъ истощилъ все свое искусство, чтобы одержать верхъ, и тѣмъ привлечь къ себѣ Австрію, которая уже внушала ему опасенія. Наконецъ онъ восторжествовалъ: союзники оставили поле сраженія, гдѣ съ обѣихъ сторонъ легло до 40 тысячъ человекъ, и отступили въ Силезію, для сближенія съ своими резервами. Наполеонъ преслѣдовалъ ихъ до самаго Одера. Но надежда его на присоединеніе Австріи не исполнилась.

Полѣтика
Австріи.

31. Еще прежде Бауценскаго сраженія, Александръ успѣлъ склонить на свою сторону Импера-

тора Франца I, давъ ему слово возвратить Австріи Иллирію и прежній вѣсъ въ дѣлахъ Европы, чего Вѣнскій дворъ тщетно домогался получить отъ Наполеона. Францъ I тѣмъ охотнѣе согласился содѣйствовать Россійскому Государю, что душею Вѣнскаго двора былъ въ то время Меттернихъ, мужъ ума высокаго и дальновиднаго, вполне разгадавшій Наполеона. Поставивъ себѣ главною цѣлю, при тогдашнихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, возвести униженное отечество свое на прежнюю степень политическаго могущества въ Европѣ, онъ ясно понималъ, что Наполеонъ не допуститъ его до исполненія этого плана: для сего надлежало ограничить Францію прежними предѣлами ея, исторгнуть изъ ея власти Италію, Голландію, Испанію, возратить свободу Германіи и усилить Пруссію. Ту же цѣль имѣлъ и Александръ. Францъ I, удостовѣрившись въ безкорыстномъ великодушіи его, по убѣжденію Меттерниха, рѣшился вскорѣ послѣ Люценскаго сраженія поднять оружіе противъ зятя, жертвуя общему благу Европы игодамъ своего государства мѣжкою привязанностію къ любимой дочери.

Но какъ Австрія тогда еще не готова была *Перемиріе.* выступить на полъ брани, то Вѣнскій дворъ не задолго до Бауценскаго сраженія предложилъ обѣимъ сторонамъ заключить перемиріе для восстано-

вленія общаго мира, при посредничествѣ Австріи. Предложеніе Вѣнскаго двора было принято послѣ Бауценской битвы: Наполеонъ покупалъ свои успѣхи такъ дорого, что ему необходимо было обратиться съ новыми силами; сверхъ того онъ льстилъ себя надеждою во время мирныхъ переговоровъ сблизиться съ Александромъ и разстроить его согласіе съ Францомъ I, чтобы отмстить Австріи за ея вмѣшательство. Тѣмъ охотнѣе желали союзные Монархи прекратить на время военныя дѣйствія: войска ихъ приведены были въ значительное разстройство и только отдохновеніе могло возстановить ихъ силы. Перемиріе заключено было на 6 недѣль въ Пойшвицѣ; для сужденія о мирѣ положено составить конгрессъ изъ уполномоченныхъ лицъ отъ дворовъ Россійскаго, Австрійскаго, Прусскаго и Французскаго.

20 Мая.

Конгрессъ въ
Прагѣ.

Конгрессъ открылся въ Прагѣ, уже къ концу перемирія; остальное время протекло въ бесполезныхъ спорахъ о томъ, какъ вести переговоры, письменно или словесно. Очевидно было, что никто не имѣлъ надежды на миръ и каждый хотѣлъ только собраться съ силами. Наконецъ за два дни до срока, Наполеону сообщены были отъ Вѣнскаго двора условія мира: союзники требовали уничтоженія Рейнскаго союза и Варшавскаго герцогства; возстановленія Пруссіи въ прежнихъ ея предѣ-

лахъ, независимости Испаніи и Голландіи, уступки Иллиріи Императору Австрійскому и ручательства въ общемъ спокойствіи и политическомъ равновѣсіи. Наполеонъ, изъявивъ притворное согласіе на предложенныя ему условія, требовалъ измѣненія по нѣкоторымъ статьямъ и хотѣлъ продлить переговоры, чтобы выиграть время, еще болѣе въ надеждѣ своею хитрою политикою поколебать единодушіе союзниковъ. Но 29 Іюля, едва кончился срокъ перемирію, конгрессъ былъ закрытъ, и война снова запылала.

32. Александръ между тѣмъ приготовилъ огром- Союзъ пяти державъ.
 ныя средства къ 'сокрушенію Наполеона. Русская армія, изнуренная жестокими битвами въ Саксоніи и Силезіи, приведена была въ самое блестящее состояніе умомъ и дѣятельностію Барклая де-Толли, принявшаго надъ нею главное начальство послѣ Бауценскаго сраженія. Силы ея возрасли до 250,000 человѣкъ. Король Пруссій успѣлъ съ своей стороны вооружить также болѣе 200.000. Мало того: въ то самое время, когда открылись переговоры въ Прагѣ, Австрія рѣшительно приняла сторону союзниковъ и договоромъ въ Рейхен- 14 Іюня.
 бахѣ, въ главной квартирѣ Александра, обязалась поднять оружіе противъ Наполеона, если онъ не согласится на предложенныя въ Прагѣ условія. По закрытіи конгресса, Францъ І объявилъ ему раз-

рывъ и 260.000 Австрійцевъ стали въ рядахъ союзныхъ войскъ. Кромѣ того въ Рейхенбахѣ заключенъ договоръ съ Англіею, которая обязалась помогать союзникамъ огромнымъ количествомъ денегъ, снарядовъ и разныхъ вещей; наслѣдный принцъ Шведскій прибылъ съ войскомъ въ сѣверную Германію и также приступилъ къ общему дѣлу. Такимъ образомъ стараніями Александра составилъ противъ Наполеона крѣпкій, неразрывный союзъ изъ пяти державъ и въ два мѣсяца вооружено болѣе 800 тысячъ человекъ съ 2.000 орудій. Наполеонъ съ своей стороны успѣлъ собрать въ Германіи болѣе 400,000 человекъ при 1.300 орудіяхъ.

Александръ
вождь Евро-
пы.

33. Бывъ истиннымъ виновникомъ грознаго ополченія Европы и ревностѣйшимъ ея защитникомъ, Александръ по самымъ талантамъ своимъ имѣлъ неоспоримое право на главное предводительство союзными силами, и какъ Австрійскій Императоръ, такъ и Пруссскій Король неоднократно предлагали ему быть вождемъ Европы. Государь, всегда руководимый рѣдкою скромностью, отклонилъ отъ себя званіе главнокомандующаго, представивъ союзникамъ облечь имъ способѣйшаго изъ генераловъ, съ тѣмъ, чтобы важнѣйшія распоряженія свои онъ представлялъ на разсмотрѣніе верховнаго совѣта, составленнаго изъ трехъ союз-

ныхъ Монарховъ и нѣсколькихъ лицъ, извѣстныхъ опытностью. Выборъ палъ на Австрійскаго фельд-маршала, князя Шварценберга, генерала храбраго, дѣятельнаго и благоразумнаго, но безъ блестящихъ дарованій, далеко уступавшаго эрцгерцогу Карлу, Барклаю де Толли, или Витгенштейну, тѣмъ болѣе Наполеону. Въ послѣдствіи, когда отъ разно-мыслія верховнаго совѣта и ошибокъ Шварценберга, война приняла оборотъ неблагопріятный, Государь сталъ самъ распоряжаться военными дѣйствіями, нерѣдко вопреки намѣреніямъ главнокомандующаго, давалъ отъ себя приказанія отдѣльнымъ арміямъ, вникалъ во всѣ подробности, былъ душою военныхъ и политическихъ соображеній, истиннымъ вождемъ соединенныхъ силъ Европы, Агамемнономъ ея вѣнценосцевъ.

34. По плану, утвержденному союзниками въ Трахенбергѣ, дѣйствующія войска ихъ, за исклю-
 ченіемъ осадныхъ корпусовъ, въ числѣ 488.000
 человекъ раздѣлены были на три арміи: Богем-
 скую или главную, Силезскую и Сѣверную. Первая
 поручена князю Шварценбергу, вторая Прусско-
 му генералу Блюхеру, третья наслѣдному принцу
 Шведскому (Бернадоту). Русскія войска были раз-
 драблены и вошли въ составъ трехъ армій, гдѣ
 Русскіе полководцы заняли второстепенныя мѣста

Составъ со-
 юзныхъ
 силъ.

подъ начальствомъ иностранныхъ генераловъ ¹. Главная армія должна была дѣйствовать наступательно; отдѣльныя развлекать силы непріятеля, прикрывая Силезію, Польшу и Пруссію. Начало похода ознаменовано жестокою неудачею, непоколебавшею только Александра и его воинства.

Дрезденское
сраженіе.

35. Союзники, узнавъ, что Наполеонъ, по закрытіи конгресса въ Прагѣ, обратился съ большою частью своихъ силъ къ предѣламъ Силезіи на Блюхера, условились стать на пути непріятельскихъ сообщеній. Главная армія, въ числѣ 200.000 человекъ, спустилась съ Богемскихъ горъ и подошла къ Дрездену, служившему ключемъ военныхъ дѣйствій Наполеона. Тамъ былъ одинъ только корпусъ Сенъ-Сира. Пользуясь столь благопріятнымъ обстоятельствомъ, Александръ хотѣлъ немедленно вести войска въ бой и овладѣть Дрезденомъ; въ успѣхъ ручалось и мужество войска и явное превосходство силъ союзныхъ; но Шварценбергъ хотѣлъ дожидаться одного Австрійскаго корпуса, отставшаго въ горахъ Богемскихъ, ждалъ его цѣлые сутки и далъ Наполеону время подоспѣть на помощь Сенъ-Сиру съ стотысячною арміею.

1. Барклай де Толли съ корпусами Витгенштейна и Милорадовича подчиненъ былъ Шварценбергу, Сакенъ и Ланжеронъ Блюхеру, Воронцовъ и Винценгероде Бернадоту.

Тогда, по совѣту генерала Жоини, Александръ признавалъ за лучшее отступить, чтобы занять болѣе выгодную позицію; съ мнѣніемъ его были согласны и союзные монархи. Уже отданъ былъ въ главной квартирѣ приказъ къ отступленію; вмѣсто того, сверхъ всякаго чаянія, Шварценбергъ двинулъ всю свою армію пятью колоннами къ Дрездену на приступъ. Александръ увидѣлъ необходимость противъ воли своей вступить въ бой, который вскорѣ закипѣлъ на пространствѣ 8 верстъ во- 15 Августа. кругъ Дрезденскихъ укрѣпленій. Государь стоялъ подъ выстрѣлами: въ двухъ шагахъ отъ него пушечнымъ ядромъ сраженъ знаменитый Моро, незадолго предъ тѣмъ прибывшій изъ Америки въ главную квартиру союзниковъ. Императоръ Австрійскій и Король Пруссій также находились на поляхъ битвы. Одушевляемые присутствіемъ монарховъ, разноплеменные войска ихъ не уступали другъ другу въ мужествѣ; но Наполеонъ, далеко превосходя Шварценберга въ искусствѣ, съ успѣхомъ воспользовался ошибками его; отрѣзалъ цѣлую дивизію Австрійскую, стоявшую на лѣвомъ флангѣ, принудилъ ее положить оружіе и восторжествовалъ на всѣхъ пунктахъ; союзная армія была отбита. Шварценбергъ повелъ ее назадъ въ Богемію. Войска шли въ глубокомъ уныніи, едва проходимыми путями по скатамъ Рудныхъ горъ, среди проливнаго дождя, до того растворившаго

землю, что не только обозы и орудія, но и люди едва могли двигаться. Разстройство было неопи- санное. Къ довершенію всего разнеслась вѣсть, что Богемія уже занята непріятелемъ и путь къ отступленію отрѣзанъ.

Кулявскій
бой.

36. Въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ сраженія подъ Дрезденомъ, уже не сомнѣваясь въ побѣдѣ, Наполеонъ далъ приказаніе генералу Вандаму двигаться съ 35.000 корпусомъ въ тылъ союзной арміи и овладѣвъ Богемскимъ городомъ Теплицемъ, стать на пути ея отступленія. Занятіе Теплица казалось Наполеону такъ важнымъ, что онъ обѣщалъ Вандаму въ случаѣ успѣха жезлъ маршальскій. Неминуемымъ слѣдствіемъ было бы совершенное разстройство союзной арміи, которая могла потерять въ горахъ свои обозы и орудія. Русская гвардія, предводимая графомъ Остерманомъ, спасла ее.

Во время общаго движенія изъ подъ Дрездена, графъ Остерманъ, отступая съ одною гвардейскою дивизіею и частию пѣхотнаго корпуса, узналъ, что Вандамъ уже стоитъ въ дефилеяхъ Рудныхъ горъ на пути къ Теплицу, и рѣшился во чтобы то ни стало не допустить его до столь важнаго пункта: съ 18.000 отрядомъ онъ пробился штыками сквозь Французскій корпусъ, спустился въ Богемію и

сталъ твердою ногою въ трехъ миляхъ отъ Теплица, при Кульмѣ. Здѣсь напалъ на него Вандамъ 17 Августа. всѣмъ корпусомъ своимъ. Русскіе были непоколебимы и съ геройскимъ мужествомъ цѣлый день отражали всѣ усилія вдвое сильнѣйшаго непріятеля. Храбрый вождь ихъ потерялъ руку, оторванную ядромъ; мѣсто его занялъ Ермоловъ и не уступилъ ни шагу.

Между тѣмъ Александръ, свѣдавъ о затруднительномъ положеніи своей гвардіи, поспѣшилъ послать ей на помощь Барклая де Толли и Прускаго генерала Клейста. Въ слѣдствіе благовременныхъ мѣръ Государя, Вандамъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и взятъ въ плѣнъ съ большою частью его корпуса. Кульмская побѣда имѣла чрезвычайно важныя слѣдствія: она разстроила весь планъ Наполеона, принудила его остановиться въ Дрезденѣ, спасла и ободрила главную армію союзниковъ. 18 Августа.

Въ тоже самое время отдѣльныя арміи Силез- Битвы при
ская и Сѣверная одержали значительные успѣхи, Кацбахъ и
которые также не мало содѣйствовали благопріят- Деменницѣ.
ному обороту дѣлъ. Блюхеръ нанесъ жестокое поражение Макдональду на берегахъ Кацбаха; Наслѣдныи принцъ Шведскій разбилъ на голову маршала Удино близъ Берлина при Гросъ-Беренѣ, въ

слѣдъ за тѣмъ поразилъ маршала Нея при Денневицѣ. Во всѣхъ сихъ сраженіяхъ Русскіе принимали самое дѣятельное участіе. Сакенъ былъ правою рукою Блюхера и главнымъ виновникомъ его успѣховъ.

Общее дви-
женіе на На-
полеона.

37. Побѣды подъ Кульмомъ, при Кацбахъ, у Гросъ-Берена и Денневица, принудивъ Наполеона сосредоточить всѣ силы его въ окрестностяхъ Лейпцига, внушили Александру счастливую мысль измѣнить прежній планъ войны и составить новый, по коему союзныя арміи должны были дѣйствовать не отдѣльно, а совокупно и одновременно противъ одного пункта, чтобы стѣснить непріятеля со всѣхъ сторонъ и дружнымъ ударомъ сокрушить его въ конецъ. Исполненіе этого плана труднаго и многосложнаго Государь принялъ на себя: руко-
водствуя движеніями Шварценберга, онъ въ тоже время давалъ отдѣльнымъ арміямъ самыя точныя и опредѣлительныя наставленія, большею частію собственноручныя, какимъ образомъ онѣ должны были вступить въ связь между собою и съ главною арміею; предусматрѣлъ всѣ случаи и на каждый изъ нихъ сообщалъ свое разрѣшеніе. Мудрыя предначертанія его, плоды глубокаго знанія дѣла и опытности воинской, были увѣнчаны самымъ блестящимъ образомъ. Союзныя арміи въ стройномъ порядкѣ, въ одно время съ

разныхъ сторонъ подступали къ Лейпцигу: Блюхеръ и Бернадотъ съ сѣвера отъ Виттенберга, Шварценбергъ съ юга изъ Теплица, Беннигсенъ съ резервною Русскою арміею, составленною въ Польшѣ, отъ стороны Дрездена. Общее движеніе началось въ концѣ Сентября: болѣе полумилліона разноплеменныхъ воиновъ стекалось съ разныхъ сторонъ на берега Эльстера, по указанію Александра.

38. Наполеонъ видѣлъ грозу и бралъ свои мѣры. Лейпциг-
ская битва. Главною заботою его было разстроить сосредоточенное движеніе союзниковъ. Для сего онъ хотѣлъ разбивать ихъ арміи по частямъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ приближались къ Лейпцигу, и кинулся было на Блюхера. Пруссійскій полководецъ, исполняя въ точности повелѣніе Россійскаго Императора, счастливо уклонился отъ приготовленнаго ему удара; между тѣмъ Александръ ускорилъ походомъ главной арміи, быстро подступилъ къ Лейпцигу, отвлекъ Наполеона отъ Блюхера и принудилъ его къ бою, долженствовавшему имѣть самыя важныя слѣдствія. Въ случаѣ побѣды надъ главною арміею союзниковъ, Наполеонъ безъ труда могъ управиться съ Блюхеромъ, потомъ съ Бернадотомъ, и дать всему ходу дѣлу иной оборотъ; въ случаѣ же неудачи, ему угрожала опасность быть окруженнымъ и подавленнымъ огромною массою союзныхъ силъ. Онъ призвалъ на помощь все искусство своего

генія и не восторжествовалъ только потому, что противъ него стоялъ Александръ съ Русскимъ войскомъ. Они сразились 4 Октября.

Первый день
битвы.

Въ пылу сраженія подъ Лейпцигомъ, когда наступила рѣшительная минута, Наполеонъ устремилъ всю свою кавалерію съ огромною массою пѣхоты въ центръ союзной арміи и тяжестью удара прорвалъ его. Войска пришли въ разстройство и отступали въ безпорядкѣ; батареи смолкли. Оставалось сломить одинъ гренадерскій корпусъ Раевского, свернутый въ кареи и со всѣхъ сторонъ окруженный непріятельскою конницею. Но Раевскій стоялъ непоколебимо, какъ твердая скала среди бурнаго моря. Непоколебимъ былъ и Александръ: подъ тучею ядеръ, онъ хладнокровно раздавалъ приказанія о сближеніи резервныхъ войскъ на помощь Раевскому и не прежде уклонился изъ подъ выстрѣловъ, какъ по возстановленіи боя, когда Орловъ-Денисовъ, лейбъ-казаками Государя удержавъ главную массу непріятеля, далъ время Барклаю де Толи ввести въ дѣло тяжелую конницу, а Сухозанетъ выдвинулъ резервную артиллерію и жестокимъ огнемъ изъ 112 орудій привелъ Французовъ въ трепеть и принудилъ ихъ отступить.

Не столь счастливо дѣйствовали Австрійцы на лѣвомъ флангѣ, между Плейссою и Эльстеромъ,

гдѣ Шварценбергъ, вопреки мнѣнію Императора Александра, поставилъ свои войска: заключенныя между двумя рѣками, они двигались съ трудомъ и нѣсколько батальоновъ съ генераломъ Мерфельдомъ положили оружіе.

При всемъ томъ Наполеонъ, отбитый отъ центра, не успѣлъ сломить войскъ Александра, которые ^{Наполеонъ проситъ мира.} удержали за собою поле сраженія, и по окончаніи битвы прислалъ къ союзнымъ монархамъ плѣннаго генерала Мерфельда съ предложеніемъ перемирія, обязуясь удалиться со всѣми войсками за Рейнъ. Александръ оставилъ этотъ вызовъ безъ отвѣта и только ждалъ присоединенія отдѣльныхъ армій къ главной для окончательнаго удара. Вскорѣ онѣ прибыли и заняли свои мѣста, по указанію Александра, образуя полукружіе около Лейпцига между Шейссою и Партою. На правомъ флангѣ сталъ Бернадотъ съ Блюхеромъ, на лѣвомъ Шварценбергъ, въ центрѣ Беннигсенъ, начальствуя войсками Русскими и Прусскими. Число союзныхъ силъ простиралось за 300,000 человекъ. У непріятеля было 170,000 слишкомъ.

6 Октября послѣдовала наконецъ эта общая рѣ- ^{Второй день битвы.} шительная битва, избавившая Германію отъ Наполеона. На пространствѣ одной квадратной мили сразилось до 500,000 человекъ при 2,000 орудій.

Непріятель держался крѣпко въ теченіе цѣлаго дня въ мѣстахъ, удобныхъ къ оборонѣ. Самый упорный бой происходилъ въ центрѣ, гдѣ Русскія войска, въ глазахъ своего Государя, съ обычнымъ мужествомъ нападали на главныя силы Наполеона и тѣснили ихъ къ Лейпцигу. Усилія Русскихъ войскъ съ успѣхомъ поддерживали Бернадотъ, Блюхеръ и Шварценбергъ. Со всѣхъ сторонъ стѣсненный, избитый и разстроенный, при наступленіи ночи непріятель оставилъ поле сраженія и заключился въ Лейпцигъ, чтобы оттуда съ разсвѣтомъ

7 Октября. дня выбраться на дорогу къ Эрфурту и уйти за Рейнъ. Угадывая намѣреніе его, Александръ, при первыхъ лучахъ солнца, повелъ войска свои на приступъ и овладѣлъ Лейпцигомъ послѣ кровопролитнаго боя.

Бѣгство На-
полеона изъ
Германіи.

Наполеонъ, потерявъ около половины своей арміи, большую часть орудій и обозовъ, ударился въ бѣгство и преслѣдуемый легкими войсками, преимущественно казаками, возобновилъ въ памяти своихъ сподвижниковъ несчастное отступленіе отъ Малоюрославца къ Вильнѣ, съ тою только разностью, что не было Русскаго мороза; но было то же разстройство арміи и тотъ же ужасъ преслѣдовалъ ее въ Германіи, какъ и въ Россіи. На Майнѣ готовилось ей окончательное истребленіе. Король Баварскій, по убѣжденію Вѣнскаго двора,

не задолго до Лейпцигской битвы, присоединился къ союзникамъ, и фельдмаршалъ его Вреде, подкрѣпленный Австрійцами, съ 50,000 войскомъ расположился при Ганау, на пути отступленія Французовъ. Наполеонъ смялъ Австро-Баварскую армию и переправился за Рейнъ.

Но Германія была спасена: многочисленныя крѣ- ^{Освобожденіе Германіи.} пости ея, занятыя Французскими войсками, при первомъ извѣстіи о битвѣ подъ Лейпцигомъ, водрузили знамя свободы; Государи Рейнскаго союза провозгласили себя независимыми отъ Императора Французовъ, и вся земля Нѣмецкая торжествовала свое освобожденіе, какъ за годъ предъ тѣмъ Россія, признавая въ одинъ голосъ спасителемъ своимъ Императора Александра.

—

III. НИЗВЕРЖЕНІЕ НАПОЛЕОНА.

1814.

39. Изгнаніемъ непріятеля изъ предѣловъ Герма- ^{Переходъ за Рейнъ.} нии, казалось, достигнута была цѣль союза, заключеннаго въ Теплицѣ, и какъ Австрійскій Императоръ, такъ и Пруссскій Король изъявили желаніе примириться съ Наполеономъ, въ полной увѣренности, что онъ, разбитый и сокрушенный, не рѣ-

шится болѣе тревожить спокойствіа Европы. Они тѣмъ охотнѣе соглашались на миръ, что вторженіе во Францію, унизанную крѣпостями, наполненную храбрымъ и многочисленнымъ народомъ, казалось дѣломъ слишкомъ отважнымъ. Въ слѣдствіе сего, изъ Франкфурта на Майнъ, Австрійскій министръ Меттернихъ далъ знать Французскому правительству о готовности союзниковъ заключить миръ, съ тѣмъ, чтобы Франція ограничилась своими естественными предѣлами, Рейномъ, Альпами, Пиринеями, и чтобы она не вмѣшивалась въ дѣла Германіи, Голландіи, Италіи, Швейцаріи и Испаніи.

Иначе мыслилъ Александръ: лучше союзниковъ постигая характеръ своего противника, онъ зналъ, что Наполеону трудно будетъ отказаться отъ прежняго величія, что миръ будетъ только кратковременнымъ перемиріемъ, и что неистощимый и безпокойный геній его найдетъ средства къ новому потрясенію Европы, которая не будетъ имѣть покоя, доколѣ не сокрушится его могущество. Кромѣ того, мысль отмстить за оскорбленное отечество глубоко запала въ душу Александра. Посему, не отрекаясь отъ участія въ мирныхъ переговорахъ, Государь настаивалъ въ необходимости продолжать войну и убѣждалъ своихъ союзниковъ, для окончательнаго удара, внести оружіе

въ предѣлы Франціи, прежде чѣмъ непріятель соберется съ силами.

Въ самомъ дѣлѣ Наполеонъ, изъявляя притворное согласіе на предложенныя ему условія, требовалъ объясненія по нѣкоторымъ статьямъ, между тѣмъ не торопился присылкою уполномоченнаго для переговоровъ, которые должны были открыться въ Мангеймѣ, и призывалъ Францію къ поголовному ополченію. Союзники убѣдились, что онъ хочетъ только выиграть время, и положили идти за Рейнъ, объявивъ воззваніемъ Французскому народу, что ведутъ войну не съ нимъ, а съ Наполеономъ. Александръ не замедлилъ начертать планъ кампаніи и 1 Января 1814 года перевелъ чрезъ Рейнъ при Базелѣ свою гвардію. По указанію его, перешли чрезъ сію завѣтную рѣку союзныя войска шести державъ Европейскихъ.

Они вступили въ предѣлы Франціи, въ числѣ 400,000 человекъ двумя арміями. Главная, подъ начальствомъ Шварценберга, составленная изъ войскъ Австрійскихъ, Русскихъ, Прусскихъ, Баварскихъ, Виртембергскихъ и Баденскихъ, перешла чрезъ Рейнъ въ концѣ 1813 года на предѣлахъ Швейцаріи и направила путь къ верховьямъ Сены, гдѣ должна была соединиться съ нею армія Силезская, составленная изъ войскъ Русскихъ и Прусскихъ и

предводимая славнымъ Блюхеромъ. Она переправилась чрезъ Рейнъ въ Январѣ 1814 года между Майнцемъ и Кобленцемъ, и оставивъ нѣсколько отрядовъ для блокады Рейоскихъ крѣпостей, быстро двинулась къ верховьямъ Марны. Число Русскихъ войскъ, вступившихъ во Фрацію, простиралось за 100,000 человекъ. Они имѣли своихъ вождей, но по прежнему размѣщены были между Нѣмецкими войсками и состояли подъ главнымъ начальствомъ иноземныхъ полководцевъ. Барклай де Толли и Витгенштейнъ съ своими корпусами находились въ главной арміи; Сакенъ и Ланжеронъ въ Силезской, гдѣ Русскихъ войскъ было почти вдвое болѣе, чѣмъ Прусскихъ. Въ составъ ея поступилъ въ послѣдствіи и 35,000 корпусъ Винценгероде, отдѣленный изъ Голландіи отъ Сѣверной арміи.

Шатльон-
скій кон-
грессъ.

40. Вступивъ въ предѣлы Франціи, союзники почти безъ выстрѣла прошли горы Вогезскія и отрасли Юры и спустились въ долины, омываемые водами Сены и Марны. Неожиданное и смѣлое вторженіе ихъ привело Наполеона въ затруднительное положеніе. Встрѣченный послѣ бѣгства изъ Германіи всеобщимъ ропотомъ своихъ подданныхъ, горькими слезами вдовъ и сиротъ и смѣлыми упреками законодательнаго совѣта, онъ тщетно призывалъ народъ къ поголовному ополченію для изгна-

нія иноземцевъ: Французы вооружались неохотно, и едва 100,000 человекъ могъ онъ собрать подъ свои знамена, для борьбы съ непріятелемъ грознымъ, вчетверо сильнѣйшимъ, одушевленнымъ славою и побѣдами. При всемъ томъ онъ не терялъ ни бодрости, ни увѣренности въ могущество своего генія; ему надобно было только остановить стремленіе союзниковъ хотя на одинъ мѣсяцъ, чтобы воспламенить народъ, усилить и обучить вновь набранное войско и дождаться боевыхъ легионовъ Испанскихъ, коимъ онъ велѣлъ какъ можно скорѣе спѣшить во Францію.

Въ надеждѣ выиграть время, онъ прислалъ въ лагерь союзниковъ министра своего Коленкура, съ увѣреніями въ искреннемъ желаніи мира на объявленныхъ ему изъ Франкфурта на Майнѣ условіяхъ и съ предложеніемъ прекратить военныя дѣйствія, для начатія переговоровъ. Притворное смиреніе его едва не достигло своей цѣли. Въ станѣ союзниковъ заговорили о возможности положить конецъ кровопролитію и вступить въ переговоры. Одинъ Александръ, проникая замыселъ хитраго непріятеля, настаивалъ въ необходимости продолжать войну и предписать Франціи иныя условія, болѣе сообразныя съ успѣхами оружія и жертвованіями союзниковъ. Мнѣніе его одержало верхъ. Перемиріе было отвергнуто: для мирныхъ же пере-

говоровъ рѣшено составить въ Шатильонѣ конгрессъ изъ уполномоченныхъ министровъ Россійскаго, Австрійскаго, Англійскаго и Прусскаго, съ тѣмъ, чтобы они договаривались съ Франціею отъ лица всей Европы, требовали возвращенія ея въ предѣлы 1792 года, независимости Германіи, Голландіи, Италіи, Швейцаріи и Испаніи. Уполномоченному со стороны Россіи графу Разумовскому Государь приказалъ не торопиться ходомъ переговоровъ и не подписывать никакого обязательства, не испросивъ предварительно высочайшаго разрѣшенія.

Новыя условія мира должны были поставить Францію въ тѣ границы, которыя имѣла она до революціи при древнихъ Короляхъ своихъ. Наполеонъ объявилъ, что онъ скорѣе погибнетъ, чѣмъ согласится на столь оскорбительное требованіе, и послѣшно собравъ 70,000 армію двинулся на союзниковъ. Въ одно время открылся конгрессъ въ Шатильонѣ и запылала жестокая борьба на берегахъ Сены и Марны, борьба равно блистательная какъ для Наполеона, такъ и для Александра. Первый явилъ въ ней все свое искусство, всю неистощимость своего генія; второй, не уступая своему сопернику ни въ личномъ мужествѣ, ни въ искусствѣ воинскомъ, восторжествовалъ надъ нимъ необыкновенною твердостью души.

41. Главная армія союзниковъ въ числѣ 230,000 ^{Бріенское сраженіе.} человекъ, предводимая княземъ Шварценбергомъ, выбравшись изъ отраслей Юры, раздробилась на девять колоннъ, которыя разными путями, медленно и несвязно, спускались на берега Сены. Блюхеръ раздѣлилъ свое 130,000 войско также на нѣсколько отрядовъ, и два изъ нихъ оставивъ для осады Майнца и Касселя, съ остальными шелъ на соединеніе съ Шварценбергомъ. Едва достигъ опъ береговъ Марны, Наполеонъ началъ военныя дѣйствія, имѣя въ виду воспользоваться раздробленіемъ союзныхъ силъ, стать въ промежуткѣ обѣихъ армій и поразить ихъ одну за другою. Искусный планъ его едва не увѣнчался успѣхомъ. Онъ стремительно напалъ на Блюхера, который, не подозрѣвая близости непріятеля, застигнутъ былъ врасплохъ и началъ отступать, не сосредоточивъ своихъ отрядовъ. Но мужество Русскихъ войскъ, предводимыхъ Сакеномъ, удержало стремленіе непріятеля и дало время Императору Александру подоспѣть на помощь раздробленной арміи Силезской съ войсками главной арміи. Союзныя силы, благодаря дѣятельности Государя, сосредоточились подъ Бріенномъ. Здѣсь напалъ на нихъ Наполеонъ и опрокинутый на всѣхъ пунктахъ, отступилъ къ городу Труа съ значительною потерей, оставивъ въ рукахъ побѣдителей 73 орудія. Битвою распоряжалъ Блюхеръ, но главнымъ винов-

никомъ успѣха былъ Сакенъ, прорвавшій Русскую пѣхотою центръ непріятельской арміи.

Союзники спѣшили воспользоваться плодами первой побѣды своей на поляхъ Франціи и положили: Блюхеру снова отдѣлиться отъ Шварценберга и берегами Марны чрезъ Шалонъ итти прямо на Парижъ, между тѣмъ, какъ главная армія дѣятельно будетъ преслѣдовать Наполеона и откроетъ себѣ путь къ столицѣ Франціи берегами Сены. Скоро свѣдали, что непріятель не рѣшился держаться въ Труа и отступилъ далѣе; легкое покореніе Парижа казалось несомнѣннымъ и уже составленъ былъ планъ занятія его. Вышло иначе. Сверхъ всякаго чаянія Наполеонъ успѣлъ поселить въ главной квартирѣ союзниковъ разномысліе, которое имѣло пагубныя слѣдствія.

Разномы-
сліе союз-
никовъ.

Пораженный подъ Бріенномъ, Наполеонъ далъ Коленкуру повелѣніе согласиться на всѣ требованія союзныхъ монарховъ и подписать договоръ, если они немедленно прекратятъ военныя дѣйствія. Французскій министръ объявилъ о томъ конгрессу. Полномочные Австрійскій, Прусскій и Англійскій съ радостію услышали столь желанную вѣсть, и хотѣли немедленно приступить къ заключенію трактата; но какъ Разумовскій не рѣшался подписать его безъ воли своего Государя, то министры трехъ

союзныхъ державъ Меттернихъ, Гарденбергъ и лордъ Кастельре представили Россійскому Императору отъ имени своихъ дворовъ сильное мнѣніе, въ коемъ единогласно признавая, что цѣль войны достигнута и что время положить конецъ кровопролитію, испрашивали повелѣнія Разумовскому подписать трактатъ. Тщетно доказывалъ имъ Александръ, что непріятель далекъ отъ намѣренія заключить миръ на предложенныхъ ему условіяхъ и что единственною цѣлью его было выиграть время для пораженія союзниковъ, (въ чемъ Государь и не ошибался, какъ въ послѣдствіи оказалось изъ перехваченныхъ бумагъ Наполеона); министры были непреклонны. Оставалось съ ними согласиться. Къ счастью въ эту критическую минуту получено изъ арміи Блюхера извѣстіе, оправдавшее опасенія Россійскаго Императора.

42. Въ преніяхъ о мирѣ протекло болѣе недѣли; Пораженіе Блюхера. главная армія союзниковъ не преслѣдовала непріятеля, хотя для нее дорогъ былъ каждый часъ. Шварценбергъ, въ слѣдствіе тайнаго повелѣнія своего кабинета, подъ разными предлогами не трогался съ мѣста и спокойно стоялъ въ окрестностяхъ Труа, между тѣмъ, какъ Блюхеръ, въ полной увѣренности, что лѣвый флангъ его прикрытъ главною арміею, безъ опасенія шелъ впередъ берегами Марны и преслѣдуя встрѣченнаго имъ на

пути маршала Мадональда, неосторожно растянулъ свои войска на обширное пространство между Шалонѣмъ и Мо.

Наполеонъ, не дожидаясь отвѣта отъ Коленкура, спѣшилъ воспользоваться бездѣйствіемъ Шварценберга и разобщеннымъ положеніемъ Силезской арміи, зашелъ Блюхеру во флангъ, и началъ бить разбросанные корпуса его по частямъ. Первый жестокий ударъ нанесъ онъ Русскому корпусу Олсуфьева при Шампоберѣ и частью истребивъ его, частью взявъ въ плѣнъ, разрѣзалъ Силезскую армію на двое; въ слѣдъ за тѣмъ быстро напалъ на другой Русскій корпусъ Сакена, также отдѣльный, при Монмиралѣ, и послѣ двухдневнаго кровопролитнаго боя отбросилъ его къ сѣверу съ значительною потерей; наконецъ обратился на самого Блюхера и поразилъ его на голову при Вошанѣ, гдѣ Прусскій полководецъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и едва не попался въ плѣнъ. Силезская армія была разсѣяна. Французы, одушевленные побѣдами своего Императора, дѣятельно стали ополчаться; народная война, доселѣ едва замѣтная, вспыхнула; вооруженные крестьяне высыпали на дороги и нападали на разбитые остатки Силезской арміи. Коленкуръ заговорилъ на конгрессѣ инымъ тономъ.

43. Пораженіе Блюхера и надменный тонъ Ко-
ленкура лучше всего доказали, какъ прозорливъ
былъ Александръ. Союзники убѣдились въ необхо-
димости продолжать войну, доколѣ не сокрушится
могущество Наполеона. Но вопросъ, какъ дѣйстви-
тельно въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ,
снова породилъ жаркія пренія, разсорилъ обоихъ
главнокомандующихъ, возбудилъ ропотъ въ вой-
скахъ, и едва не нарушилъ восстановленнаго со-
гласія кабинетовъ.

Восстанов-
леніе согла-
сія кабин-
етовъ.

Сначала положено было сосредоточить обѣ
арміи въ окрестностяхъ Труа и тамъ вступить
съ Наполеономъ въ рѣшительное сраженіе.
Блюхеръ съ непостижимою быстротою собралъ
свои разбитые корпуса, привелъ ихъ въ поряд-
докъ и ранѣ назначеннаго срока присоеди-
нился къ главной арміи, съ нетерпѣливымъ
желаніемъ боя, котораго жаждало и все войско,
уже роптавшее на бездѣйствіе Шварценберга.
Вмѣсто того Австрійскій полководецъ, при
всемъ превосходствѣ силъ своихъ, не довѣряя
успѣху битвы, счелъ за лучшее отступить и къ
общему неудовольствію потянулся къ верховьямъ
Марны. Блюхеръ рѣшительно отказался слѣдовать
за нимъ, хотѣлъ одинъ драться съ Наполеономъ и
зная, что отступление совершалось вопреки намѣре-
ніямъ Александра, убѣдительно просилъ у него

дозволенія дѣйствовать отдѣльно отъ Шварценберга съ войсками Русскими и Прусскими.

Государь рѣшился положить конецъ всѣмъ недо-
13 Февраля. разумѣніямъ и составилъ военный совѣтъ, на
который пригласилъ обоихъ союзниковъ своихъ съ
ихъ министрами и генералами. Шварценбергъ на-
стаивалъ въ необходимости общаго отступленія къ
Рейну; большинство голосовъ склонялось на его
сторону, наиболее потому, что носился слухъ о
движеніи маршала Ожеро съ 50,000 арміею отъ
Лиона въ тылъ союзниковъ. Тщетно доказывалъ
Александръ, что отступленіе къ Рейну ополчить
всю Францію, приведетъ въ уныніе союзныя арміи
и что войнѣ не будетъ конца. Партія Шварцен-
берга упорно стояла на своемъ, доколѣ Государь
не сказалъ рѣшительно, что въ такомъ случаѣ онъ
отдѣлитъ Русскія войска отъ союзныхъ и съ сво-
ими гренадерами пойдетъ на Парижъ. Король
Прусскій склонился на его сторону; Императоръ
Австрійскій также объявилъ, что онъ не отстанетъ
отъ своихъ союзниковъ. Пренія замолкли и съ
общаго согласія рѣшено: главной арміи въ случаѣ
сильнаго напора непріятеля отступить до Лангра и
тамъ, соединясь съ Австрійскими резервами, при-
нять сраженіе; Силезской обратиться къ Марнѣ,
гдѣ къ ней примкнуть корпуса Винценгероде,
Бюлова и Воронцова; послѣ чего идти ей на Па-

рижъ; на югъ составить отдѣльную армію, которой дѣйствовать противъ маршала Ожеро, для обезпеченія сообщенія съ Рейномъ.

44. Возстановленное единомысліе союзныхъ ^{Шомонскій} монарховъ было утверждено достопамятнымъ догово- ^{договоръ.} ромъ въ Шомонъ. Россія, Австрія, Пруссія и 17 Февраля. Англія обязались не заключать отдѣльнаго договора и не покидать оружія, доколѣ не будетъ достигнуть миръ, который ручался бы въ ненарушимости правъ и независимости государствъ Европейскихъ; на сей конецъ каждая изъ трехъ первыхъ державъ согласилась выставить по 150,000 человекъ; Англія приняла на себя расходы войны. Для утвержденія же политическаго равновѣсія въ Европѣ, определено продолжить силу и дѣйствіе договора на 20 лѣтъ. Въ слѣдъ за тѣмъ объявлено Коленкуру, что если въ теченіе 10 дней условія мира не будутъ приняты, всякіе переговоры прекратятся. Срокъ миновалъ безъ удовлетворительнаго отвѣта, и конгрессъ былъ закрытъ.

45. Между тѣмъ, въ слѣдствіе рѣшенія военна- ^{Битва при} го совѣта, главная армія, уклоняясь отъ боя, ^{Лаонъ.} потянулась назадъ къ Лангру, а Силезская двинулась къ Парижу. Наполеонъ, поручивъ маршалу Удино слѣдовать за Шварценбергомъ, самъ съ главными силами, въ числѣ 40,000 человекъ по-

гнался за Блюхеромъ. Прусскій полководецъ съ радостію услышалъ о своемъ преслѣдованіи, свернулъ съ Парижской дороги вправо, для подкрѣпленія себя войсками Винценгероде и Бюлова, и соединившись съ ними, твердою ногою сталъ въ окрестностяхъ Лаона, имѣя подъ ружьемъ болѣе 100,000 человекъ. Наполеонъ напалъ на него съ арміею, вдвое слабѣе числомъ, но сосредоточенною въ одну массу, между тѣмъ, какъ Блюхеръ разбросалъ свои войска, и графу Воронцову пришлось цѣлые 6 часовъ съ однимъ корпусомъ удерживать стремительный напоръ всѣхъ силъ Наполеона, у Краона. Русскій генералъ отбилъ, не оставивъ въ рукахъ непріятеля ни одного плѣннаго, ни одного орудія, и далъ время главнокомандующему сосредоточить войска подъ стѣнами Лаона; здѣсь произошло общее двудневное сраженіе, ознаменованное новою доблестью Русскихъ войскъ, предводимыхъ Сакеномъ и Воронцовымъ.

26 Февраля, Непріятель былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ и отступилъ къ Соассону, съ потерю 12,000 человекъ и 46 орудій.

Битва при 46. Не успѣвъ поразить Блюхера и отбросить
Аренсъ-его отъ театра войны, Наполеонъ обратился на
Сюръ-Объ. главную армію, которая, между тѣмъ, опрокинувъ
Удино, по настоянію Александра перешла изъ оборонительнаго положенія въ наступательное.

Лаонская побѣда ободрила князя Шварценберга; но въ слѣдъ за тѣмъ узналъ онъ, что корпусъ графа Сень-При разбитъ на голову при Реймсѣ. Это извѣстіе привело фельдмаршала въ неописанное недоумѣніе: онъ двигалъ корпуса взадъ и впередъ, направо и налѣво, и растянулъ свою армію на пространствѣ ста верстъ. Наполеону предстоялъ удобный случай истребить ее по частямъ и снова дать иной оборотъ всему ходу войны.

Въ самомъ дѣлѣ онъ устремился на разбросанные корпуса Шварценберга съ быстротою молніи, въ надеждѣ застигнуть ихъ въ распахъ, однакожъ обманулся. Императоръ Александръ успѣлъ сосредоточить при Арсисъ-Сюръ-Объ до 90,000 человекъ; остановилъ стремленіе непріятеля и самъ напалъ на него. Бой былъ жестокій, но нерѣшительный; 8 Марта. войска обѣихъ сторонъ провели ночь на мѣстѣ сраженія въ виду другъ друга. Въ слѣдующій день битва должна была возобновиться; сверхъ всякаго чаянія, Наполеонъ отступилъ къ берегамъ Марны, по направленію къ Сень-Дизье, въ надеждѣ увлечь за собою союзниковъ къ Рейну и тѣмъ спасти свою столицу, которой уже не могъ отстоять открытымъ боемъ. Онъ полагалъ, что Шварценбергъ испугается, увидѣвъ непріятеля въ тылу своемъ, пойдетъ за нимъ и дастъ случай разбить себя, по крайней мѣрѣ удалится отъ Парижа.

Движеніе къ
Парижу.

47. Надежда его едва не исполнилась. Шварценбергъ хотѣлъ было гнаться за нимъ и уже отдалъ войскамъ повелѣніе итти къ Сень-Дизье, приглашая слѣдовать за собою и Блюхера, который послѣ продолжительнаго бездѣйствія въ Лаонѣ, появился на берегахъ Марны. Александръ распорядился иначе: узнавъ о тайномъ намѣреніи Наполеона, увлечь за собою союзныя силы къ берегамъ Рейна, изъ перехваченнаго письма его къ Маріи Луизѣ, Государь убѣдилъ своихъ союзниковъ обратиться въ противоположную сторону къ открытой и беззащитной столицѣ Франціи, зная, что покореніе ея лишитъ непріятеля средствъ продолжать войну. По мысли и по волѣ Александра, обѣ арміи двинулись на Парижъ, а за Наполеономъ посланъ только одинъ корпусъ барона Винценгероде, чтобы скрыть отъ него направленіе главныхъ силъ.

Бой при
Феръ-Шампе-
нуаза.

48. На пути къ Парижу, близъ Феръ-Шампенуаза, союзники встрѣтили двухъ маршаловъ Мармона и Мортъе, шедшихъ съ значительными силами на соединеніе съ своимъ Императоромъ. Графъ Палень, начальникъ авангарда главной арміи, стремительнымъ ударомъ смялъ ихъ, разбилъ наголову и обратилъ въ бѣгство. Государь, слѣдуя за графомъ Паленомъ, нечаянно встрѣтилъ два другіе непріятельскіе корпуса, опрокинутые

13 Марта.

Блюхеромъ на главную армію, напалъ на нихъ съ одною своею кавалеріею и скоро принудилъ ихъ положить оружіе. Десять тысячъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ 9 генераловъ, 80 орудій и огромный обозъ были трофеями сраженія при Феръ-Шампенуазѣ, ознаменованнаго личною храбростію Александра. Дорога къ Парижу была теперь открыта.

Союзныя войска бодро шли между Марною и Сеною. Мысль, что они идутъ на Парижъ, одушевляла всѣхъ, и генераловъ и солдатъ. Государь непрестанно объѣзжалъ ряды своихъ храбрыхъ сподвижниковъ и говорилъ имъ, что Парижъ недалеко. Они привѣтствовали своего царя - героя громкимъ ура, удваивали шаги, дружно гнали предъ собою разбитые корпуса Мортъе и Мармона; живо наводили разрушенные мосты, выбивали непріятели на переправахъ, и въ пятый день похода съ восторгомъ увидѣли наконецъ высоты Монмартра, освѣщенные яркими лучами заходящаго солнца. «Здравствуй батюшка Парижъ! Какъ то расплатишься ты за матушку Москву!» говорили Русскіе солдаты.

49. Столица Франціи не имѣла никакихъ укрѣплений искусственныхъ; въ замѣнъ того, окружавшія ее съ востока и сѣвера высоты Бельвиля и Монмартра служили ей крѣпкимъ оплотомъ. Онѣ

Бой подъ Парижемъ.

были унижены орудіями и усѣяны войсками, которыя успѣли собрать Мортъе и Мармонъ, счастливо ускользнувшіе отъ преслѣдованія союзниковъ. Разбитые корпуса ихъ подкрѣпила національная гвардія. Сверхъ того вооружились всѣ ветераны и воспитанники Политехнической школы, которые добровольно вызвались управлять орудіями. Пользуясь выгодами мѣстоположенія, маршалы рѣшились обороняться до послѣдней крайности, чтобы дать своему Императору время зайти союзникамъ въ тылъ и разстроить всѣ ихъ планы.

Движеніе союзниковъ къ Парижу недолго оставалось тайною для Наполеона. Едва управились они при Феръ-Шампенуазѣ съ Мортъе и Мармономъ, Наполеонъ вдругъ обратился на слѣдовавшій за нимъ корпусъ барона Винценгероде, который принялъ за авангардъ арміи Шварценберга, напалъ на него всѣми силами при Сенъ-Дизье, нанесъ ему жестокое пораженіе, и отъ плѣнныхъ узналъ, что Александръ уже далеко, на пути къ Парижу. Роковая вѣсть поразила его какъ громомъ. Съ отчаяніемъ въ душѣ онъ погнался за союзниками; пятидесяти-тысячная армія его не шла, а бѣжала берегами Сены для спасенія столицы, и въ то время, когда подступалъ къ ней Александръ, Наполеонъ, опередившій свои войска, былъ уже въ Фонтенебло, въ 50 верстахъ отъ Парижа, съ

нетерпѣніемъ ожидая прибытія отставшей арміи своей, чтобы ударить врагамъ въ тылъ.

Отважное предпріятіе союзниковъ могло имѣть пагубныя слѣдствія отъ малѣйшаго промедленія. Но душею всѣхъ дѣйствій ихъ былъ Александръ, всегда неутомимо дѣятельный, непоколебимо твердый и прозорливый. Подступивъ къ Парижу вечеромъ 17 Марта, онъ немедленно далъ знать жителямъ его прокламаціею отъ имени Шварценберга, о непреклонномъ намѣреніи союзныхъ монарховъ установить во Франціи такое правительство, которое примирило бы ее съ Европою и даровало бы ей тишину и благоденствіе. Парижане приглашались къ содѣйствію этой цѣли. Но какъ маршалы успѣли увѣрить народъ, что предъ глазами его не вся союзная армія, а только остатки корпусовъ, разбитыхъ и гонимыхъ Наполеономъ, и прокламація осталась безъ отвѣта, то Государь, дорожа каждымъ часомъ, не хотѣлъ длить время въ безполезныхъ переговорахъ и отдалъ войскамъ повелѣніе готовиться къ штурму. Всю ночь провелъ онъ въ трудахъ, нетерпѣливо ожидая разсвѣта, чтобы рѣшить судьбу Франціи оружіемъ.

Высоты Бельвиля поручено взять Барклаю де Толли войсками главной арміи; Монмартръ велѣно штурмовать Блюхеру. Оба они должны были дви-

18 Марта. нуться въ одно время, въ 5 часовъ утра. Въ строю союзныхъ войскъ было до 100,000; у непріятеля вдвое менѣе; но Блюхеръ поздно получилъ приказъ о содѣйствіи главной арміи и вступилъ въ дѣло не прежде полудня, такъ что вся тяжесть битвы сначала лежала на однихъ Русскихъ войскахъ Барклая де Толли. Французы встрѣтили ихъ съ ожесточеніемъ, имѣя всѣ мѣстныя выгоды на своей сторонѣ. Русскихъ велъ въ битву тотъ, кто всегда водилъ ихъ къ побѣдѣ, неустрашимый Раевскій. Подкрѣпленный гренадерами Милорадовича, Прусскою и Баденскою гвардіею, онъ сбилъ непріятеля на всѣхъ пунктахъ, отнялъ у него всю артиллерію, утвердился на высотахъ Бельвиля и направилъ Русскія орудія на Парижъ. Мармонъ обратился къ Александру съ просьбою пощадить столицу Франціи. Государь остановилъ грозное стремленіе разъяренныхъ войскъ и послалъ къ маршалу флигель-адъютанта своего Орлова съ требованіемъ немедленно положить оружіе. «Волею или неволею, сказалъ Александръ, на штыкахъ или въ триумфѣ, на развалинахъ или въ чертогахъ, «но сего же дня Европа должна ночевать въ Парижѣ.»

Между тѣмъ, какъ затихъ бой на Бельвилѣ и Орловъ вступилъ въ переговоры съ Мармономъ, раздался громъ орудій на высотахъ Монмартра;

ихъ штурмовали Ланжеронъ и Рудзевичъ. Тутъ дѣйствовали исключительно Русскіе полки: съ обыкновенною храбростію, въ нѣсколько минутъ они взобрались на крутизны, казавшіяся неприступными, утвердили на нихъ Русское знамя и огласили Монмартръ Русскими пѣснями. Австрійцы не принимали участія ни въ томъ, ни въ другомъ сраженіи; прочія войска Нѣмецкія вступили въ дѣло въ концѣ битвы, когда побѣда была уже несомнѣнна. Она куплена Русскою кровью: въ числѣ 9000 союзныхъ воиновъ, положившихъ животъ подъ стѣнами Парижа, 7000 было Русскихъ.

50. Беззащитная столица Франціи, увидѣвъ войска свои разсѣянными, а союзниковъ на высотахъ Бельвиля и Монмартра, пришла въ неописанный ужасъ. Мысль, что Александръ предастъ ее на разграбленіе озлобленнымъ солдатамъ, господствовала и въ стѣнахъ Парижа и въ станѣ союзныхъ воиновъ. Французамъ казалось невозможнымъ оставить безъ отмщенія Москву, столь безжалостно ими разоренную и разграбленную; Русскіе съ своей стороны помнили глубокія раны, нанесенныя непріателемъ ихъ отечеству; еще болѣе злились Пруссакки. Сто тысячъ штыковъ жаждали крови. Одно слово Александра—и столица Наполеона была бы грудой пепла и развалинъ. Великая душа его не знала мести. Какъ скоро смирился Парижъ и

Покореніе
Парижа.

маршалъ Мармонъ подписалъ капитуляцію о безусловной сдачѣ его союзникамъ, Государь объявилъ депутатамъ города, пришедшимъ съ мольбою о пощадѣ, что война съ Франціею кончена, что онъ пришелъ даровать ей миръ и благоденствіе.

19 Марта, въ день навсегда незабвенный для Россіи, Александръ вмѣстѣ съ вѣрнымъ сподвижникомъ своимъ, Королемъ Прусскимъ, торжественно вступилъ въ столицу Франціи. Парижане приветствовали его радостными восклицаніями, и не скрывали ненависти къ Наполеону.

Низложеніе
Наполеона.

51. Пользуясь благопріятною минутою, Государь въ тотъ же день обнародовалъ прокламацію, которою объявилъ, что ни онъ, ни союзники его не намѣрены входить ни въ какіе переговоры съ Бонапартомъ, или съ кѣмъ либо изъ членовъ его семейства, предоставляя самимъ Французамъ учредить у себя правительство, сообразное съ ихъ желаніями и потребностями. Основываясь на этой прокламаціи, Французскій сенатъ объявилъ Наполеона низверженнымъ съ престола. Послѣ сего со всѣхъ сторонъ начали обращаться къ Россійскому Императору представители разныхъ партій съ неотступными просьбами учредить во Франціи правленіе, сообразное съ видами каждой изъ нихъ. Во дворцѣ его толпились и роялисты, и республикан-

цы и Бонапартисты. Одни умоляли о возстановленіи трона Бурбоновъ, другіе домогались народнаго правленія, третьи ходатайствовали за сына Наполеонова. Александръ склонился на сторону первой партіи, какъ самой многочисленной, и Людовикъ XVIII былъ провозглашенъ Королемъ Франціи. Французы присягнули ему безпрекословно, зная, что того хочетъ Императоръ Александръ. Наполеонъ отрекся за себя и за своего сына отъ престола и удалился на островъ Эльбу, подъ прикрытіемъ отряда союзныхъ войскъ, которому стоило не малаго труда спасти его, въ южной Франціи, отъ ярости озлобленной черни.

52. Главное дѣло было кончено: тотъ, предъ ^{Парижскій} кѣмъ такъ долго трепетали цари и народы, кто ^{миръ.} однимъ именемъ своимъ приводилъ въ ужасъ всю Европу и стоялъ на высшей степени величія, дотолъ недоступной ни одному смертному, Наполеонъ былъ низринутъ умомъ и волею Александра. Оставалось опредѣлить положеніе Франціи въ политической системѣ Европейскихъ государствъ. Многіе считали необходимымъ для общаго спокойствія, поставить ее въ число второстепенныхъ державъ, даже раздѣлить на части. Великодушіе Александра спасло ее отъ раздѣла и уничтоженія. Онъ принялъ въ основаніе мира Европы съ Франціею то самое начало, которое имѣлъ въ виду при первой борьбѣ съ Наполе-

ономъ въ 1805 году и которое повторилъ снова по переходѣ чрезъ Рейнъ: Франція, для собственнаго ея спокойствія, должна была остаться нераздѣльною и занять почетное мѣсто на ряду съ первыми державами Европейскими въ политической системѣ ихъ; для спокойствія же сосѣдей и всей Европы, отказаться отъ всякаго насильственнаго вліянія внѣ своихъ естественныхъ границъ. Въ слѣдствіе сего, Государь предложилъ ограничить ее тѣмъ пространствомъ, которое она имѣла при законныхъ короляхъ своихъ до революціи и которое не препятствовало ей быть сильною и счастливою. Союзники согласились съ мнѣніемъ Россійскаго Императора. Людовикъ XVIII долженъ былъ признать справедливость предложенныхъ ему основаній мира тѣмъ болѣе, что самъ онъ былъ чуждъ всѣхъ переворотовъ, потрясавшихъ Европу по смерти брата его Людовика XVI, и договоромъ, заключеннымъ съ союзными монархами въ Парижѣ 18 Мая 1814 года, отказался отъ всѣхъ областей, присвоенныхъ Французскимъ правительствомъ со времени революціи.

Великодушіе Александра.

Общій голосъ требовалъ, чтобы Франція по крайней мѣрѣ вознаградила разныя государства за огромныя траты, нанесенныя имъ самовластіемъ Наполеона. Могущественное ходатайство Александра спасло ее и отъ контрибуціи: онъ убѣдилъ

своихъ союзниковъ уничтожить всѣ долговья притязанія ихъ на Французскомъ правительствѣ. Мало того: памятники искусствъ и художествъ, собранные Наполеономъ въ Парижѣ съ разныхъ странъ Европы въ видѣ дани, остались неприкосновенными, равно какъ и памятники, сооруженные въ воспоминаніе побѣдъ при Аустерлицѣ, Енѣ, Ваграмѣ. Великодушіе Государя тѣмъ не ограничилось: онъ даровалъ свободу и средства возвратиться въ отечество двумъ стамъ тысячамъ Французовъ, находившихся въ Россіи въ плѣну. Франція превозносила до небесъ добродѣтели Александра, признавая его въ одинъ голосъ своимъ спасителемъ. Съ тѣмъ же восторгомъ приняла его свободная Британія, которую посѣтилъ онъ съ Королемъ Прускимъ на возвратномъ пути въ отечество.

53. Россія торжествовала. При первомъ извѣ-
 стіи о взятіи Парижа, святыя храмы наполнились толпами безчисленнаго народа, возсылавшаго теплыя мольбы благодаренія Всевышнему. Всѣ сословія ликовали, ибо каждое изъ нихъ приняло дѣятельное участіе въ великомъ подвигѣ Царя своего, прославившемъ отечество. Никогда радость не была столь общою, никогда чувство народнаго достоинства не выражалось такъ сильно и краснорѣчиво, какъ въ это незабвенное время. Манифестъ Государя, подписанный въ Парижѣ въ день заключе-

Александръ
Благосло-
венный.

нія мира, о прекращеніи лютой брани и о водвореніи въ Европѣ всеобщаго спокойствія, увеичалъ всѣ надежды и довершилъ общія ликованія. Россія съ нетерпѣніемъ ожидала своего Царя-героя, чтобы изъяснить ему свою признательность.

Упреждая единодушное рвеніе всѣхъ сословій, святѣйшій синодъ, государственный совѣтъ и правительствующій сенатъ въ общемъ чрезвычайномъ собраніи постановили: «1) принести Государю Императору отъ лица торжествующей Россіи всеподданныйшее поздравленіе и живѣйшую «благодарность за великіе труды, подъятыя имъ «для славы и благоденствія державы; 2) приложить къ священному имени его титулъ *Благословеннаго*, тѣмъ болѣе приличный скромности и смиренію Государя, что великіе подвиги его очевидно «ознаменованы покровительствомъ высшаго Промысла; 3) для преданія потомству славы Россіи и «сердечной благодарности къ виновнику оной, «сбить медаль и воздвигнуть памятникъ, съ надписью: *Александрѣ Благословенному, Императору «Всероссійскому, великодушному державѣ возстановителю, отъ признательной Россіи.*» Для исходатайствованія на все сіе монаршаго согласія отправлены были три знатные сановника, въ качествѣ депутатовъ, съ просьбою, подписанною всѣми членами чрезвычайнаго собранія. Депутатами были

князь Куракинъ, генералъ Тормасовъ и графъ Салтыковъ. Они встрѣтили Государя, на возвратномъ пути его въ Россію, въ Баденскихъ владѣніяхъ. Онъ ѣхалъ подъ именемъ генерала Романова, уклоняясь отъ пышныхъ встрѣчъ и восторженныхъ привѣтствій освобожденной имъ Германіи. Признательность подданныхъ тронула его до глубины души; но на принятіе подносимаго титула и на сооруженіе памятника онъ не согласился, въ слѣдствіе принятыхъ имъ правилъ скромности и смиренія, всегда руководившихъ его поступками. «Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, отвѣчалъ Государь, да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я его благословляю въ моемъ сердцѣ.»

IV. ВОДВОРЕНІЕ ВЪ ЕВРОПѢ ВСЕОБЩАГО МИРА И СПОКОЙСТВІЯ.

1815—1825.

54. Освободивъ Европу отъ грознаго завоевателя, Александръ принялъ дѣятельное участіе и въ возстановленіи государствъ, ниспровергнутыхъ или потрясенныхъ революціею и Наполеономъ. Въ Па-

Вѣнскій
конгрессъ.

рижѣ, при подписаніи мирнаго договора, онѣ условился съ своими союзниками, составить въ томъ же году общій конгрессъ для распредѣленія земель, возвращенныхъ отъ Франціи и для окончательнаго устройства политическихъ дѣлъ Европы. Съ этою цѣлью въ Сентябрѣ 1814 года собрались въ Вѣнѣ многіе короли, герцоги, принцы и полномочные министры отъ всѣхъ державъ Европейскихъ. По прибытіи Государя изъ Россіи, конгрессъ открылся. Никогда въ Европѣ не было столь торжественнаго и блестящаго соединенія знаменитыхъ вѣнценосцевъ и мужей государственныхъ, никогда и предметы совѣщаній не были такъ важны и многосложны: надлежало перестроить всю Европу, не теряя изъ виду ни старыхъ правъ, ни новыхъ притязаній, распутать безчисленныя столкновенія, утвердить политическое равновѣсіе державъ и обезпечить цѣлость и спокойствіе народовъ.

При разрѣшеніи столь трудныхъ вопросовъ главнымъ руководителемъ, душею конгресса, былъ Александръ: среди всѣхъ вѣнценосцевъ, онѣ первенствовалъ на поприщѣ политики такъ точно, какъ на поляхъ брани, и дальновиднымъ умомъ и возвышеннымъ характеромъ. Къ нему обращались короли и министры; онѣ самъ велъ переговоры съ тѣми и другими, входилъ въ жаркія прѣнія и собственною рукою писалъ дипломатическія ноты

съ тѣмъ же увлекательнымъ краснорѣчіемъ, которое было такъ плѣнительно въ устахъ его. Полномочные министры Россіи, участвовавшіе въ конгрессѣ, графы Разумовскій, Штакельбергъ и Нессельроде были только исполнителями его предначертаній.

Изъ всѣхъ вопросовъ, предложенныхъ Вѣнскому конгрессу, самымъ запутаннымъ и съ тѣмъ вмѣстѣ наиболѣе важнымъ для Россіи, былъ вопросъ о Польшѣ.

55. Въ слѣдствіе неотразимаго хода событій, около двухъ вѣковъ постепенно разрушаясь и умирая отъ собственныхъ неустройствъ, отъ внутреннего смертельнаго недуга, Польша въ концѣ XVIII столѣтія утратила бытіе самостоятельное и вошла въ составъ трехъ сосѣднихъ державъ, Россіи, Австріи и Пруссіи. Приговоръ судьбы, предугаданный за полтораста лѣтъ Яномъ Казимиромъ, былъ исполненъ. Полякамъ оставалось покориться неизбежному року и терпѣливо сносить свою долю, или, справедливѣе, благословлять Провидѣніе, избавившее ихъ отъ бѣдствій безначалія, включившее ихъ въ семейство трехъ могущественныхъ народовъ и даровавшее имъ тишину, подъ защитою законовъ, въ нѣдрахъ государствъ благоустроенныхъ. Они судили иначе.

Царство
Польское.

Мечта о златой вольности не покидала ихъ, тревожила легковѣрные умы, внушала имъ разные несбыточные планы, наконецъ утвердила ихъ въ мысли о возможности возстановить рѣчь посполнѣтую могущественною рукою Наполеона. На него Поляки смотрѣли какъ на своего спасителя, съ радостію стекались подъ его знамена и торжествовали побѣды его надъ Австріею, Пруссіею, какъ свои собственныя. Наполеонъ поддерживалъ ихъ мечты. Очень хорошо понимая, что Польша не можетъ существовать самобытно, онъ хотѣлъ только привязать къ себѣ Поляковъ и употребить ихъ орудіемъ къ исполненію властолюбивыхъ замысловъ своихъ на Россію. Съ этою цѣлью образовалъ онъ въ 1807 году, изъ Польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, герцогство Варшавское, далъ ему конституцію, съ особеннымъ управленіемъ, подъ верховною властью Короля Саксонскаго, и чрезъ два года потомъ расширилъ предѣлы герцогства присоединеніемъ земель, отнятыхъ у Австріи по Вѣнскому договору.

Обольщаемые словами и поступками хитраго честолюбца, Поляки умоляли его довершить возрожденіе Польши присоединеніемъ къ герцогству Великаго княжества Литовскаго, и съ восторгомъ слышали наконецъ о разрывѣ его съ Александромъ: они думали, что сильнымъ ударомъ непобѣдимаго

сокрушится Россія и на развалинахъ ея воскреснетъ рѣчь посполитая, вовсе не подозрѣвая, что незадолго предъ тѣмъ Наполеонъ предлагалъ нашему Государю истребить изъ актовъ и исторіи самое имя Польши. При нашествіи его на Россію, герцогство Варшавское ополчилось поголовно, и не взирая на слабыя средства свои, выставило 80,000 храбрыхъ воиновъ, которые подъ начальствомъ Понятовскаго присоединились къ великой арміи, и съ безпощадною злобою вступили въ предѣлы нашего отечества. Поляки не уступали самимъ Французамъ въ мужествѣ подъ стѣнами Смоленска, на поляхъ Бородинскихъ, и далеко превосходили ихъ неумолимою ненавистью ко всему Русскому: съ ожесточеніемъ разрушали Москву, не давали пощады ни возрасту, ни полу, не уважали ни святыни, ни памятниковъ древности. Между тѣмъ Варшава мятежными воззваніями волновала Литву; въ Вильнѣ также праздновали побѣды Наполеона; многіе паны измѣнили долгу присяги. Поляки торжествовали, и легко вообразить ужасъ ихъ, когда сверхъ всякаго чаянія, вопреки всѣмъ расчетамъ и надеждамъ, въ слѣдъ за бѣгущими толпами великой арміи, на берегахъ Вислы появилось грозное Русское воинство, предводимое Кутузовымъ. Польша оцѣпенѣла отъ страха и съ безмолвнымъ смиреніемъ ожидала приговора Россійскаго Императора.

Занятая вооруженною рукою, она не смѣла и думать о снисхожденіи раздраженнаго побѣдителя, готовилась испытать всѣ тягости контрибуціи, всѣ ужасы военной расправы; ожидала конечнаго разоренія своихъ городовъ и селъ, пожаровъ, грабежей, ссылокъ, заточеній, всѣхъ бѣдствій неумолимаго мщенія. Александръ поступилъ иначе. Войскамъ повелѣно соблюдать строжайшій порядокъ; запрещено заводить съ народомъ ссоры и дѣлать ему упреки; для управленія общественными дѣлами учрежденъ Верховный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Ланскаго, изъ природныхъ Поляковъ; оставлены неприкосновенными лица, права и законы; дарована пощада не только герцогству, но и Литвѣ; о контрибуціи не было и слова. Мало того: на расходы по управленію, которыхъ не въ силахъ были покрыть истощенные Наполеономъ Польскіе финансы, Государь неоднократно присылалъ значительные суммы изъ Россіи.

Невольны пораженные столь неожиданнымъ великодушіемъ, Поляки благословляли имя Александра, и уже потерявъ всякую надежду на возрожденіе рѣчи посполитой, молили его объ одной милости, о присоединеніи герцогства Варшавскаго къ Россіи. Государь однимъ указомъ могъ бы включить Польшу въ составъ своей имперіи, какъ страну, покоренную Русскимъ оружіемъ. Онъ готовилъ ей иную долю.

Давно уже въ душѣ его таилась мысль о возможности согласить выгоды Россіи съ притязаніями Поляковъ на самостоятельность народную. Онъ полагалъ, что соединивъ раздробленные части Польши въ одно цѣлое и давъ ей сообразное съ обычаями народными особенное управленіе, подъ верховною властію Россійскаго Императора, можно будетъ достигнуть двоякой цѣли: съ одной стороны успокоить умы въ Польшѣ и пресѣчь ея внутреннія волненія, съ другой же стороны образовать изъ нее крѣпкій оплотъ для имперіи на западѣ. Александръ думалъ, что Поляки подъ сѣнію его престола найдутъ то, чего они такъ давно и такъ тщетно искали, и обязанные своимъ счастіемъ, исполненіемъ самыхъ пламенныхъ желаній своихъ единственно великодушію Россійскаго Императора, примирятся съ Россією и станутъ за нее грудью въ случаѣ разрыва ея съ кѣмъ либо изъ западныхъ сосѣдей. Такимъ образомъ, всегда вѣрный исполнитель плановъ мудрой бабки своей, онъ уклонился отъ ея политики только въ одномъ этомъ случаѣ. Польша вскорѣ доказала ему, какъ справедливо мыслила и дѣйствовала Екатерина II.

Не сомнѣваясь въ готовности Поляковъ признать верховную власть Россійскаго Императора, Александръ отсрочилъ исполненіе своей мысли до окончанія борьбы съ Наполеономъ, тѣмъ болѣе, что

герцогство Варшавское возникло изъ областей, принадлежавшихъ Австріи и Пруссіи, и присоединеніе его къ Россіи, безъ предварительнаго согласія той и другой державы, могло бы повредить предположенному союзу нашего двора съ обоими кабинетами, столь необходимому при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Въ слѣдствіе сего, въ Камиль и Теплицъ, Государь условился съ Королемъ Прусскимъ и Императоромъ Австрійскимъ рѣшить дѣло о герцогствѣ Варшавскомъ съ общаго согласія трехъ державъ, при возстановленіи мира въ Европѣ. Поляки такъ усердно желали быть въ подданствѣ Россійскаго Императора, что когда, по заключеніи договора въ Рейхенбахѣ, разнеслась молва о намѣреніи союзныхъ монарховъ вновь раздробить герцогство, депутаты отъ всѣхъ воеводствъ явились къ Александру, шедшему въ то время на Парижъ, съ мольбою не предавать ихъ въ руки Нѣмцамъ и включить Польшу въ составъ Россійской имперіи. Онъ совѣтовалъ имъ ждать благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ, обѣщалъ сдѣлать для нихъ то, чего они сами не ожидаютъ, и исполнилъ свое обѣщаніе.

Первымъ словомъ его на Вѣнскомъ конгрессѣ была Польша. Онъ объявилъ, что герцогство Варшавское, покоренное и исторгнутое изъ власти Наполеона Русскимъ оружіемъ въ то время, когда

Россія боролась съ нимъ одна, безъ союзниковъ, должно служить ей вознагражденіемъ за ея огромныя пожертвованія и усилія къ спасенію Европы, и что онъ предоставляетъ себѣ дать герцогству устройство, наиболѣе сообразное съ выгодами имперіи и желаніями Польскаго народа. А какъ въ составъ герцогства вошли области, отнятыя Наполеономъ у Пруссіи и Австріи, и конгрессъ принялъ за основное правило поставить объ державы на ту степень, которую занимали онѣ до своего раздробленія, то и начертанъ былъ планъ вознаградить ихъ землями, исторгнутыми оружіемъ союзниковъ у Наполеона или его приверженцевъ, Австрію Иллирію, Пруссію Саксонію, лишивъ Короля Саксонскаго наслѣдственнаго государства за упорную привязанность его до послѣдней минуты къ общему непріятелю.

Кабинетъ Берлинскій охотно соглашался на эти мѣры, потому что Саксонія достаточно вознаграждала Пруссію за прежнія потери ея. Кабинеты Лондонскій и Вѣнскій, признавая съ своей стороны справедливымъ вознагражденіе Пруссіи на счетъ Саксоніи, находили присоединеніе Польши къ Россіи несовмѣстнымъ съ системою политическаго равновѣсія и предлагали образовать изъ нее государство независимое, подъ управленіемъ особенной династіи. Еще болѣе настаивалъ на самостоятель-

ность Польши Французскій полномочный министр Талейранъ, который сверхъ того съ жаромъ вступился за Короля Саксонскаго. Такимъ образомъ Россія за всѣ свои пожертвованія и усилія къ освобожденію Европы отъ власти Наполеона должна была довольствоваться одною славою великодушнаго подвига, между тѣмъ, какъ державы, ею спасенныя, приобрѣли бы новыя области и силы.

Александръ тѣмъ менѣе могъ согласиться на возстановленіе Польши въ прежнемъ видѣ, что самостоятельность ея была бы одною мечтою и непріязненные намъ кабинеты не преминули бы утвердить въ ней свое вліяніе ко вреду Россіи. Австрійскій министръ князь Меттернихъ составилъ иной планъ, съ которымъ согласился и Англійскій полномочный, лордъ Кастельре: раздѣлить герцогство Варшавское на три равныя части между Россією, Австрією и Пруссією, съ тѣмъ, чтобы сей послѣдней державѣ уступить еще сѣверную Саксонію, а южную оставить во власти наследственнаго Короля. Государь объявилъ, что кабинеты могутъ дѣлить герцогство какъ имъ угодно, но что прежде надобно выгнать оттуда Русскія войска. Испуганныя угрозою Александра, Англія и Франція заключили противъ Россіи тайный союзъ, къ которому, по приглашенію ихъ, приступили Баварія и другія Нѣмецкія державы. Германія забыла все,

что ни сдѣлалъ для нее Государь Россіи, и готова была обнажить мечъ на своего освободителя.

Всеобщая война казалась неизбѣжною. Александръ не страшился борьбы съ Европою, но его ужасала мысль о новомъ кровопролитіи, о новыхъ бѣдствіяхъ народовъ. Францъ I также не рѣшился поднять оружіе на своего друга, которому онъ столько былъ обязанъ. Фридрихъ Вильгельмъ съ своей стороны хотѣлъ быть въ мирѣ съ Россіею и Австріею. Одушевленные чувствомъ самой искренней пріязни, союзные монархи согласились сдѣлать другъ другу взаимныя уступки, и въ то время, когда полномочные министры ихъ потеряли всякую надежду на миръ, дружба вѣнценосцевъ спасла Европу отъ всеобщей брани, которая могла имѣть самыя пагубныя слѣдствія. Рѣшено было герцогство Варшавское присоединить навсегда къ Россіи, подъ именемъ царства Польскаго, за исключеніемъ области Познаньской, отданной Королю Прусскому, области Краковской, объявленной республикою, и соляныхъ копей Велички, возвращенныхъ Австріи вмѣстѣ съ областью Тарнопольскою, которая съ 1809 года принадлежала Россіи. Саксонія раздѣлена на двѣ части: сѣверная присоединена къ Пруссіи; южная оставлена во владѣніи наслѣдственнаго Короля. Полномочные министры Англіи и Франціи не смѣли прекословить приго-

вору трехъ могущественныхъ монарховъ, и вождельнное согласіе возстановилось на конгресѣ, въ то самое время, когда только единодушіе кабинетовъ могло спасти Европу отъ новаго потрясенія, приготовленнаго ей неутомимымъ честолюбіемъ Наполеона.

Вторичное
изъясненіе
Наполеона.

56. Свѣдавъ о разномысліи кабинетовъ на Вѣнскомъ конгресѣ и о возникшихъ въ то же время неурядицахъ во Франціи, гдѣ народъ ропталъ на правленіе Людовика XVIII, Наполеонъ думалъ, что заключенный противъ него союзъ рушился и что ему, при столь благоприятныхъ обстоятельствахъ, не трудно будетъ взволновать легкомысленный народъ и низринуть Бурбоновъ. Съ этою цѣлью тайно оставивъ Эльбу, онъ сдѣлалъ высадку въ южной Франціи. Надежда на Французовъ не обманула его: они толпами стремились къ нему на встрѣчу; города принимали его съ торжествомъ; войска измѣняли Королю и предавались похитителю. Онъ безъ выстрѣла дошелъ до Парижа и едва не захватилъ Людовика. Франція провозгласила его своимъ Императоромъ. Но не то сказала Европа.

По изгнаніи Людовика въ Бельгію, овладѣвъ кормиломъ правленія, Наполеонъ извѣстилъ союзныхъ монарховъ, что призванный на престолъ единодушнымъ желаніемъ Французскаго народа,

онъ готовъ исполнять всѣ условія Парижскаго договора и жить въ мирѣ со всѣми державами. Отвѣтомъ ему была достопамятная декларация конгресса, который торжественно предъ лицомъ Европы объявилъ его врагомъ и возмутителемъ всемірнаго спокойствія, лишившимъ себя покровительства законовъ и заслужившимъ одно ищеніе гражданскихъ обществъ. Наполеонъ не потерялъ ни бодрости, ни надежды разсорить союзниковъ, призвалъ Францію къ поголовному ополченію и сообщилъ Александру найденный въ кабинетъ Людовика XVIII тайный договоръ, заключенный противъ Россіи, во время споровъ за Польшу, дворами Вѣнскимъ, Лондонскимъ и Тюльерійскимъ. Государь даже не подозрѣвалъ существованія подобнаго трактата. Изумленный и огорченный столь неожиданною новостію, въ особенности участіемъ Людовика XVIII въ договоръ, онъ не поколебался однакожъ въ намѣреніи низложить врага Европы, оставилъ безъ отвѣта всѣ предложенія его, подтвердилъ дружбу съ Австріею, Англіею, Пруссіею, пригласилъ къ общему союзу всѣхъ владѣтелей Европейскихъ, и по прежнему явился на поляхъ брани главою вѣнценосцевъ, душою всѣхъ предначертаній, истиннымъ вождемъ соединенныхъ силъ Европы.

При первомъ извѣстіи о быстрыхъ успѣхахъ Наполеона, Александръ составилъ изъ первенствующую

щихъ генераловъ, находившихся въ Вѣнѣ, военный совѣтъ, который, слѣдуя указаніямъ Государя, опредѣлилъ: 1) немедленно выставить противъ Франціи три арміи, чтобы дружнымъ ударомъ съ трехъ сторонъ сокрушить непріятеля. 2) Шварценбергу дѣйствовать съ Австрійскими, Баварскими, Виртембергскими и Баденскими войсками отъ предѣловъ Швейцаріи, Блюхеру съ Пруссаками отъ Нижняго Рейна, Веллингтону съ Англичанами и Голландцами изъ Бельгіи. 3) Русской арміи, незадолго предъ тѣмъ вступившей въ царство Польское, спѣшить на помощь союзникамъ къ берегамъ Рейна, подъ начальствомъ Барклая де Толли. Европа снова ополчилась.

Александрѣ предстоялъ новый трудъ соглашать въ одно время и своекорыстные притязанія державъ въ Вѣнѣ и разнородныя мнѣнія союзниковъ на счетъ военныхъ дѣйствій. Общая опасность помогла ему уладить дѣла на конгресѣ. Онъ оставилъ Вѣну, выступилъ на театръ войны и расположился въ Гейдельбергъ, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждалъ прибытія своихъ войскъ, чтобы подкрѣпить Блюхера, жестоко разбитаго непріателемъ при Лянжи. Въ числѣ 225 тыщъ Русская армія быстро шла съ береговъ Вислы къ берегамъ Рейна; стройные полки ея уже начали появляться въ окрестностяхъ Гейдельберга, когда разнеслась вѣсть о рѣшитель-

номъ пораженіи Наполеона при Ватерло соединенными силами Веллингтона и Блюхера. Александръ немедленно перевелъ свои войска чрезъ Рейнь при Мангеймъ и двинулся прямо на Парижъ.

Едва миновалъ онъ Вогезскія горы, какъ получено извѣстіе, что столица Франціи уже занята войсками Веллингтона и Блюхера, что въ ней господствуетъ безначаліе и всеобщее смятеніе, и что народъ, раздираемый партіями, доведенный до отчаянія поступками Англичанъ и Пруссаконъ, въ одинъ голосъ призываетъ Александра спасти его отъ бѣдствій войны междоусобной и отъ мщенія озлобленныхъ побѣдителей. Государь опередилъ свои войска, съ малочисленною свитою проѣхалъ болѣе 200 верстъ, по странѣ непріязненной, гдѣ сотня удалцовъ могла захватить его, незапно явился въ Парижъ и былъ принятъ народомъ какъ ангель-спаситель. Военное самоуправство было немедленно прекращено, законное правительство возстановилось; Людовикъ XVIII снова вступилъ на престолъ. Политическое поприще Наполеона кончилось: захваченный Англичанами въ Рошфоръ, онъ, по опредѣленію союзныхъ монарховъ, заточенъ на островъ св. Елены. Многочисленные приверженцы его положили оружіе, какъ скоро узнали, что участь его рѣшена невозвратно. Франція смирилась и съ покорностію ожидала приговора союзныхъ монарховъ

о будущей судьбѣ своей, возлагая все упованіе единственно на великодушіе Императора Александра. Надежда не обманула ея.

Второй Па-
рижскій
миръ.

57. Европа въ одинъ голосъ требовала вознагражденія за всѣ свои траты и вѣрнаго ручательства въ будущей безопасности. Удовлетворяя общему желанію, нѣкоторые кабинеты снова изъяснили мысль отдѣлить отъ Франціи все, чѣмъ завладѣла она со временъ Людовика XIV и что издревле входило въ составъ Германской имперіи. Эта мысль нашла отголосокъ и въ Вѣнѣ: тамъ думали образовать изъ Бургундіи, Лотарингіи и Эльзаса независимое королевство Бургундское и отдать его эрцгерцогу Карлу. Молва о раздѣлѣ быстро разнеслась по всему королевству и поразила народъ глубокою скорбью. Король былъ въ отчаяніи.

Великодушіе Александра вторично спасло Францію отъ раздробленія. Онъ убѣдилъ своихъ союзниковъ оставить ее въ прежнихъ предѣлахъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ пограничныхъ мѣстъ, уступленныхъ Голландіи, Пруссіи, Австріи, Швейцаріи и Сардиніи. Его же могущественное посредничество облегчило и условія договора, которымъ Франція купила миръ Европы. Союзники требовали отъ нее 800 милліоновъ франковъ контрибуціи, полного удовлетворенія частнымъ лицамъ и вѣдом-

ствамъ разныхъ державъ по долговымъ притязаніямъ и уступки союзнымъ войскамъ на семь лѣтъ 18 крѣпостей въ сѣверовосточныхъ областяхъ, для утвержденія внутренняго спокойствія Франціи и для охраненія безопасности сосѣднихъ державъ. Александръ сбавилъ съ контрибуціи 100 милліоновъ и двумя годами сократилъ срокъ военнаго занятія, давъ слово и ранѣ вывести союзныя войска изъ предѣловъ Франціи, если дозволить то ея внутреннее состояніе.

На сихъ основаніяхъ заключенъ второй Парижскій миръ, 8 Ноября 1815 года. Какъ ни тягостны были для Франціи условія договора, учредившаго надъ нею опеку Европейскихъ державъ и обязавшаго ее огромною контрибуціею, но безъ великодушнаго покровительства Александрова, она испытала бы совсѣмъ иную участь, въ чемъ сознаются всѣ историки безпристрастные.

58. Окончательное примиреніе Франціи съ Евро- Примиреніе Франціи съ Европою.
пою было также дѣломъ Россійскаго Государя, даровавшаго ей возможность выполнить одно изъ самыхъ трудныхъ условій договора, безъ чего она не скоро освободилась бы отъ войскъ союзныхъ. Французское правительство, обязавшись, сверхъ заплаты контрибуціи, удовлетворить долговыя притязанія частныхъ лицъ и вѣдомствъ разныхъ дер-

жавъ, засвидѣтельствованныя законнымъ образомъ, съ ужасомъ увидѣло, что сумма предъявленныхъ счетовъ болѣе чѣмъ втрое превосходила самую контрибуцію. Не имѣя никакихъ средствъ къ буквальному исполненію договора, оно неоднократно обращалось къ разнымъ державамъ съ убѣдительною просьбою положить предѣлъ неумѣреннымъ требованіямъ ихъ подданныхъ, и вездѣ слышало одни отказы. Въ особенности настойчивы были мелкіе владѣтели Нѣмецкіе. Въ Вѣнѣ и Берлинѣ также говорили о необходимости полного удовлетворенія. Къ довершенію злополучія Франціи, ее постигъ голодъ. Народъ былъ въ отчаяніи. Людовикъ XVIII рѣшился прибѣгнуть къ великодушному посредничеству Александра, и снова нашелъ въ немъ спасителя своего королевства.

Государь склонилъ своихъ союзниковъ уполномочить герцога Веллингтона для разсмотрѣнія долговыхъ притизаній и для окончательнаго по нимъ расчета съ Французскимъ правительствомъ; въ то же время собственноручнымъ письмомъ изъяснилъ герцогу свое искреннее участіе къ Франціи и убѣдительно просилъ его облегчить ея злополучную долю. Герцогъ, исполняя волю Россійскаго Императора, кончилъ всѣ расчеты къ полному удовольствію Людовика XVIII.

1818

13 Апрѣля.

Ободренный столь счастливымъ успѣхомъ, Лю-Ахенскій
 довикъ прибѣгнувъ къ Александру съ новою прось-
 бою: освободить Францію отъ военнаго занятія, ^{конгрессъ,}
 которое, кромѣ огромныхъ расходовъ на содержаніе
 150,000 арміи, оскорбляло народное самолюбіе.
 Для рѣшенія сего вопроса, Государь предложилъ
 своимъ союзникамъ составить конгрессъ изъ полно-
 мочныхъ министровъ пяти державъ Россіи, Авст-
 ріи, Пруссіи, Англіи и Франціи. Предложеніе его
 было принято: конгрессъ открылся въ Ахенѣ, куда
 прибылъ и самъ Государь съ Императоромъ Авст-
 рійскимъ и Королемъ Прусскимъ. Совѣщанія были
 непродолжительны. Александръ, удостовѣренный
 Французскимъ министромъ, герцогомъ Ришелье, въ
 спокойствіи Франціи и въ безопасности сосѣднихъ
 державъ, предварительно изъявилъ согласіе на
 исполненіе просьбы Короля Французскаго. Все кон- 1818.
 чилось въ два засѣданія. Франція была освобожде- 27 Сентября.
 на и, какъ держава самостоятельная, заняла свое
 мѣсто въ политической системѣ Европы, въ числѣ
 государствъ первокласныхъ.

59. По водвореніи въ Европѣ вождѣннаго ^{Священный}
 мира на сушѣ и на моряхъ, главною цѣлью внѣш- ^{союзъ.}
 ней политики Императора Александра, въ остальные
 годы его царствованія, было охраненіе всеобщаго
 спокойствія народовъ и политическаго равновѣсія
 державъ отъ новыхъ потрясеній. Вопреки пред-

сказаніямъ Наполеона, онъ не думалъ господствовать, подобно ему, въ Европѣ, не искалъ ни новыхъ пріобрѣтеній для своей имперіи, ни новаго блеска для собственной славы. Душа его, чуждая прельщеній земнаго величія, доступна была одному желанію, внушенному св. вѣрою и живѣйшею любовью къ человечеству, соединить Европу въ одно семейство, утвердить братское согласіе между враждебными народами и подчинить политику кабинетовъ высокимъ истинамъ закона христіанскаго. Руководимый симъ неземнымъ побужденіемъ, онъ предложилъ еще въ 1815 году, незадолго до подписанія втораго Парижскаго договора, вѣрнымъ друзьямъ и сподвижникамъ своимъ, Императору Австрійскому и Королю Прусскому, заключить неразрывный союзъ, основанный на св. заповѣдяхъ Христа Спасителя, благовѣствующаго людямъ жить не во враждѣ и злобѣ, а въ мирѣ и любви. Предложеніе его было принято безъ прекословія, и 14 Сентября 1815 года тремя Государями подписанъ въ Парижѣ начертанный Александромъ актъ *Священнаго союза*.

Монархи согласились: «какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ, руководствоваться заповѣдями св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ своимъ

«къ одной частной жизни, должны непосредственно управлять волею царей и водительствовавшихъ дѣянiями, какъ единственное средство, утверждающее человѣческія постановленія и вознаграждающее ихъ несовершенства. Въ слѣдствіе сего положили: соединиться узами неразрывнаго братства и оказывать другъ другу во всякомъ случаѣ, во всякомъ мѣстѣ, взаимную помощь и доброжелательство; подданныхъ же своихъ считать какъ бы членами одного семейства и управлять ими въ томъ же духѣ братства, для охраненія вѣры, правды и мира.»

Актъ Священнаго союза былъ обнародованъ Александромъ, по возвращеніи изъ Франціи въ отечество, въ день Рождества Христова. Его читали въ церквахъ. Христіанскіе вѣнцееосцы одинъ за другимъ приступили къ союзу, за исключеніемъ только Англійскаго Короля, который объявилъ, что онъ признаетъ святость правилъ, провозглашенныхъ Россійскимъ Государемъ, но по формамъ Англійской конституціи не можетъ дать торжественнаго обязательства.

Цѣль Священнаго союза съ бѣльшею точностію опредѣлена Ахенскимъ конгрессомъ. Декларация, 1818 написанная рукою Александра и обнародованная *Сентября 27* отъ имени пяти державъ Россіи, Австріи, Англіи,

Франціи и Пруссіи, возвѣстила Европѣ, что Священный союзъ не клонится ни къ новымъ политическимъ соображеніямъ, ни къ перемѣнѣ отношеній, опредѣленныхъ существующими трактатами, что единственнымъ предметомъ дѣйствій его всегда будетъ соблюденіе тишины и утвержденіе постановленій, которыя служатъ основаніемъ и залогомъ спокойствія народовъ; что союзные монархи признають непремѣнною обязанностію своею слѣдовать неуклонно указаніямъ народнаго права и что они почтутъ себя счастливыми, если попеченіемъ ихъ умножится внутреннее благосостояніе государствъ, процвѣтутъ мирныя искусства гражданскія и утвердятся въ сердцахъ народовъ спасительныя чувства вѣры и нравственности, коихъ благотѣльное дѣйствіе столь видимо ослабѣло, какъ сказано въ деклараціи, въ наши времена злополучныя.

Реполуціон-
ные замыс-
лы.

60. Чистый по началу, безкорыстный по дѣли, не стѣсня свободнаго развитія ни умственныхъ, ни промышленныхъ силъ народныхъ, требуя только неприкосновенности уставовъ, мира и тишины, Священный союзъ былъ для Европы щитомъ противъ новыхъ потрясеній, болѣе чѣмъ когда либо угрожавшихъ ея спокойствію. Во время всеобщей борьбы народовъ съ Наполеономъ, въ западныхъ государствахъ возникли многочисленныя тайныя общества, подъ разными названіями, имѣвшія

сначала главною цѣлью свергнуть ненавистное иго и возстановить независимость державъ. Въ послѣдствіи, когда цѣль сія была достигнута, общества приняли иной характеръ: во всей западной Европѣ они распространили страсть къ политическимъ переменамъ, несбыточныя надежды и мечты. Духъ революціи, какъ тлетворная язва, заразилъ умы въ Германіи, Италіи, Испаніи. Своекорыстные честолюбцы спѣшили воспользоваться благопріятными для нихъ обстоятельствами, чтобы ниспровергнуть едва возстановленный Вѣнскимъ конгрессомъ порядокъ и на развалинахъ его утвердить собственное владычество. Благовременныя и рѣшительныя мѣры, предложенныя княземъ Меттернихомъ и утвержденныя Нѣмецкими кабинетами на Карлсбадскомъ конгрессѣ, предохранили Германію отъ приготовленныхъ ей демагогами бѣдствій. Въ Испаніи, слабое и съ тѣмъ вмѣстѣ несправосудное правленіе Фердинанда VII не въ силахъ было подавить зло. Революція вспыхнула среди войска; народъ принялъ сторону мятежной арміи. Король, доведенный до крайности, согласился на конституцію, которая лишила его всѣхъ правъ верховной власти и предоставила ихъ кортесамъ. Подобное волненіе вскорѣ обнаружилось въ королевствѣ Неаполитанскомъ: люди ничтожныя, изъ общества Корбонаріевъ, возмутили чернь, войско и принудили Короля Фердинанда IV принять Испанскую

конституцію. Духъ мятежа проникъ въ Португалію и въ сѣверную Италію.

Участіе Але-
ксандра въ
дѣлахъ Ев-
ропы.

61. Встревоженный волненіемъ Италіянскихъ народовъ, Вѣнскій дворъ, для безопасности собственныхъ областей, собралъ на южныхъ границахъ многочисленную армію; между тѣмъ обратился къ Императору Александру съ просьбою о содѣйствіи къ защитѣ Европы отъ революціонныхъ замысловъ, и съ предложеніемъ составить для этой цѣли конгрессъ, на основаніи Ахенскаго договора. Государь изъявилъ свое согласіе и немедленно отправился, для свиданія съ Австрійскимъ Императоромъ, въ Троппау.

Конгрессъ въ
Троппау.

Ноябрь.

1820

Здѣсь въ присутствіи обоихъ монарховъ учредился конгрессъ изъ полномочныхъ министровъ Россіи, Австріи, Англіи, Франціи и Пруссіи. При самомъ началѣ совѣщаній возникъ вопросъ, имѣютъ ли право союзныя державы вмѣшиваться въ дѣла самостоятельнаго государства? Князь Меттернихъ доказывалъ необходимость сего начала для общаго спокойствія Европы, безъ чего не могла быть достигнута и цѣль Священнаго союза. Прусскій министръ князь Гарденбергъ держался того же правила; полномочные Англіи и Франціи были противнаго мнѣнія. Александръ согласился съ Меттернихомъ. Въ слѣдствіе сего рѣшено было воз-

становить законный порядокъ въ Неаполѣ силою оружія союзныхъ войскъ; Короля же Неаполитанскаго пригласить въ Лайбахъ, для совѣщанія о мѣрахъ къ утвержденію его престола; между тѣмъ на помощь ему послать Австрійскую армію.

Новое важное событіе еще болѣе убѣдило Александра въ необходимости мѣръ, предложенныхъ ^{Конгрессъ Лайбахскій.} Меттернихомъ: едва прибылъ онъ въ Лайбахъ для ^{Январь 1834} свиданія съ Фердинандомъ и для окончательнаго рѣшенія дѣлъ Италіянскихъ, какъ вспыхнула революція въ Пиемонтѣ. Австрійскому войску велѣно вступить и въ сію страну. Неаполитанскіе мятежники разсѣялись при первомъ появленіи генерала Фримона; не храбрѣе были Карбонаріи и въ Пиемонтѣ. Тѣ и другіе, постыднымъ бѣгствомъ спасая приступную жизнь свою, доказали, что единственною цѣлю ихъ возстанія былъ грабежъ и разореніе мирныхъ гражданъ. Законныя правительства были возстановлены безъ труда какъ въ южной, такъ и въ сѣверной Италіи. Оставалось успокоить Испанію, которая, ставъ жертвою безначалія, обратилась въ кровавое позорище мятежей и всякаго рода неистовствъ.

Для рѣшенія судьбы ея, союзные монархи условились въ непродолжительномъ времени составить ^{Конгрессъ Веронскій.} новый конгрессъ въ одномъ изъ Италіянскихъ го-

1822
Октябрь.

родовъ, пригласивъ къ участию въ немъ полномочныхъ министровъ Англіи и Франціи, уклонившихся отъ постановленія Лайбахскаго. Конгрессъ открылся въ Веронѣ. Здѣсь, по мысли Императора Александра, съ общаго согласія пяти державъ, рѣшено было укротить волненія Испаніи силою оружія; а исполненіе этой мѣры возложено на Людовика XVIII. Французское войско, предводимое герцогомъ Ангюлемскимъ, перешло Пиринеи, разсѣяло мятежныя толпы, овладѣло Мадритомъ, разогнало кортесовъ и возстановивъ власть королевскую, утвердило Фердинанда VII на престолѣ.

Возстаніе
Грековъ.

62. Между тѣмъ, какъ западная Европа, подѣштитомъ Александра, успокоивалась отъ внутреннихъ волненій и духъ революціи замѣтно сталъ ослабѣвать, встрѣчая грозное противодѣйствіе въ Священномъ союзѣ, на востокъ совершилось весьма важное событіе, обратившее на себя вниманіе всего христіанскаго мира и въ особенности озабогтившее Александра въ остальное время его жизни. То было возстаніе Грековъ противъ Порты Оттоманской.

Около четырехъ вѣковъ подвластные народу иновѣрному и жестокому, обремененные тягостными налогами, гонимые и презираемые, Греки не утрагтили однакожъ ни воспоминаній прежней свободы,

ни надежды на избавленіе отъ ига несноснаго, и непримиримую ненависть къ своимъ тиранамъ передавали изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ, какъ завѣтъ священный. Отъ того, со времени паденія Константинополя, рѣдкое двадцатилѣтіе проходило безъ кровавой брани; каждое поколѣніе, подъ знаменемъ креста, ратовало за вѣру и свободу; возстаніе обнаруживалось почти непрерывно, то на островахъ Архипелага, то въ ущеліяхъ Эпира и Пелопонеза; иногда дѣйствовали отдѣльныя дружины отважныхъ удалцовъ, клефтовъ и паликаровъ, иногда поднимались и цѣлыя области. Въ началѣ XIX вѣка, рѣзались съ Турками Сфакіоты на островѣ Критѣ, Майноты въ Пелопонезѣ, Сульоты въ Эпирѣ. Султанъ едва могъ смирить ихъ.

Европейскіе кабинеты не только не оспаривали у Грековъ права мести и защиты вооруженною рукою, но и нерѣдко подавали имъ надежду на содѣйствіе христіанскихъ державъ къ освобожденію ихъ отъ ига. Болѣе всего уповали Греки на единовѣрную Россію и во всѣхъ войнахъ ея съ Турціею, со временъ Императрицы Анны, принимали дѣятельное участіе. Россійское правительство съ своей стороны дѣлало все возможное къ облегченію злополучной доли ихъ. Екатерина II договоромъ Кайнарджійскимъ обязала Султана не притѣснять Грековъ въ свободѣ богослуженія, не обременять

ихъ излишними налогами, господствовать надъ ними съ кротостью и предоставить имъ право переселенія въ другія земли. Всѣ сии условія подтверждены въ Яссахъ и потомъ, при Александрѣ I, въ Бухарестѣ.

Вопреки торжественнымъ обязательствамъ, Порта угнетала Грековъ и единовѣрныхъ имъ Сербовъ правленіемъ столь же несправедливымъ, какъ и жестокимъ. Иго становилось тѣмъ несноснѣе, что въ Грецію, до конца XVIII вѣка покрытую мракомъ невѣжества, мало по малу началъ проникать свѣтъ наукъ, непримиримый врагъ деспотизма. Въ особенности онъ сталъ быстро распространяться съ тѣхъ поръ, когда въ Вѣнѣ, въ 1814 году, возникло тайное общество, подъ именемъ Гетеріи, имѣвшее цѣлью приготовить Эллиновъ къ грядущему возрожденію самымъ дѣйствительнымъ способомъ, образованіемъ. Основанное людьми благомыслящими, съ цѣлью утѣшительною, общество возбудило живѣйшее участіе къ своимъ трудамъ во всей Европѣ; въ числѣ членовъ его были многіе вѣнценосцы. Оно располагало огромными суммами, воспитывало молодыхъ Эллиновъ въ лучшихъ университетахъ Европейскихъ, учреждало въ Греціи народныя школы, водворяло въ ней духъ братства, единодушіе и пламенное желаніе свободы.

Въ самое короткое время Греки какъ будто переродились и готовы были, по первому призыву, ополчиться на Оттомановъ. Оставалось склонить къ участию въ освобожденіи ихъ главные Европейскіе кабинеты, безъ чего самое единодушное возстаніе не въ силахъ было бы свергнуть ига Турецкаго. Содѣйствіе державъ христіанскихъ казалось несомнительнымъ; близъ трона Императора Александра, располагавшаго политикою и судьбою Европы, стоялъ ревностнѣйшій изъ гетеристовъ, мужъ знаменитый умомъ, великій душою, родомъ Грекъ, изъ острова Корфу, графъ Іоаннъ Каподистрія. Съ 1815 года, любимый статсъ-секретарь Императора, ввѣрившаго ему самыя важныя дѣла политическія и высоко цѣнившаго его таланты, онъ неотступно ходатайствовалъ за своихъ злосчастныхъ единоземцевъ предъ Государемъ равно великодушнымъ и благочестивымъ, и уже не отчаявался въ успѣхъ, когда неожиданное событіе, слѣдствіе необузданнаго предпріятія, разстроило всѣ его планы, уничтожило всѣ надежды. То было возстаніе князя Александра Ипсиланти въ Молдавіи, преждевременно взволновавшее всю Грецію.

Сынъ Молдавскаго господаря, умерщвленнаго Князь Ипсиланти. самымъ вѣроломнымъ образомъ, по волѣ Султана, вскорѣ по заключеніи Яскаго мира, Александръ Ипсиланти съ двумя братьями своими нашелъ

убѣжище въ Россіи, поступилъ въ военную службу и бывъ еще юпошею ознаменовалъ себя и доблестью и славными ранами во время борьбы Александра съ Наполеономъ: двадцати лѣтъ онъ потерялъ руку подъ Кульмомъ. Государь пожаловалъ его въ генералъ-маіоры и осыпалъ милостями все его семейство. По окончаніи всеобщей войны, Империанти сблизился съ графомъ Каподистрією, познакомился съ главнѣйшими членами Гетеріи, узналъ истинную цѣль ихъ союза и побуждаемый сколько мщеніемъ за отца, столько и личнымъ честолюбіемъ, рѣшился дѣйствовать немедленно.

Въ 1821 году, онъ явился въ Молдавіи, собралъ малочисленную дружину и пышнымъ манифестомъ, обнародованнымъ въ Яссахъ, возвѣстилъ Грекамъ, что часъ ихъ свободы насталъ, что Россія готова подать имъ руку помощи и что онъ беретъ на себя званіе главнаго вождя въ борьбѣ за вѣру и свободу. Случилось то, чего надобно было ожидать. Въ Морѣ и на островахъ Архипелагскихъ обнаружилось волненіе.

Александръ тогда находился въ Лайбахѣ. Озабоченный мятежами Испаніи, Португаліи, Неаполя и Піемонта, онъ съ огорченіемъ услышалъ о возстаніи Грековъ, которое, казалось, было слѣдствіемъ революціонныхъ покушеній, колебавшихъ западную

Европу, и торжественно изъявилъ свое неудовольствіе. Князь Ипсиланти былъ исключенъ изъ Русской службы; а Портъ дано знать чрезъ Россійскаго посла барона Строганова, что Государь не только не одобряетъ мятежа, столь несогласнаго съ его правилами, но и предлагаетъ свое содѣйствіе къ возстановленію тишины въ предѣлахъ Оттоманскихъ, въ полной увѣренности, что Турецкое правительство, наказавъ виновниковъ бунта, окажетъ пощаду людямъ невиннымъ. Султанъ Магмудъ II отвѣчалъ послу самыми несправедливыми и обидными упреками, винилъ Россію въ преступномъ намѣреніи князя Ипсиланти, отдалъ приказъ не пропускать Русскихъ судовъ чрезъ Босфоръ безъ строгаго дозора и въ собраніи дивана изъявилъ страшное намѣреніе истребить въ своей имперіи все народонаселеніе христіанское. Турки были призваны къ поголовному возстанію въ защиту Магомета.

Угадывая волю своего повелителя, они съ умолимою злобою напали на безоружныхъ Грековъ. Въ Константинополѣ и другихъ городахъ открылось зрѣлище ужасное, которое будетъ приводить въ содраганіе самое отдаленное потомство: кровь христіанъ лилась рѣкою; не было пощады ни женамъ, ни дѣтямъ; не было убѣжища для злосчастныхъ ни въ домахъ, ни въ св. храмахъ. Греческій патріархъ Григорій былъ замученъ са-

мымъ безчеловѣчнымъ образомъ: злодѣи распяли его съ двумя епископами, въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ онъ совершалъ божественную службу въ день Воскресенія Христова.

63. Испуганные остервененіемъ изступленнаго народа, представители христіанскихъ державъ въ Константинополѣ трепетали за собственную жизнь и едва смѣли ходатайствовать о пощадѣ злосчастнымъ Грекамъ. Одинъ Русскій посолъ, баронъ Строгановъ, съ благородною твердостію вступился за своихъ единовѣрцевъ и въ сильныхъ выраженіяхъ требовалъ отъ Султана унять безчеловѣчное кровопролитіе, возстановить разрушенныя церкви, оправдаться предъ Европою въ убіеніи первосвященнаго и исполнить всѣ условія договоровъ, заключенныхъ съ Россією, угрожая въ противномъ случаѣ чрезъ 8 дней удалиться изъ Константинополя. Убіиства прекратились; но другія требованія удовлетворены не были. По минованіи назначеннаго срока, посолъ сѣлъ на корабль и отправился въ Одессу, гдѣ жители приняли его съ торжествомъ, за его великодушную твердость. Государь одобрилъ всѣ дѣйствія барона Строганова и отдалъ повелѣніе сосредоточить войска на южныхъ предѣлахъ имперіи. Война съ Турцією казалась неизбежною. Россія ожидала ее съ нетерпѣніемъ. Вышло иначе.

Кабинеты Лондонскій и Вѣнскій, опасаясь нарушенія системы политическаго равновѣсія, предложили Императору Россійскому свое посредничество къ примиренію его съ Султаномъ. Государь, искренно желая всеобщей тишины, согласился возобновить переговоры съ Турціею, въ надеждѣ кончить всѣ споры съ нею миролюбивымъ образомъ. Порта съ своей стороны изъявила намѣреніе удовлетворить требованіямъ нашего двора, тайно рѣшившись не исполнять ихъ. Переговоры съ нею ведены были чрезъ Англійскаго посла въ Константинополь, лорда Странгфорда. Султанъ соглашался на сдѣланныя ему предложенія о выводѣ Турецкихъ войскъ изъ Молдавіи и Валахіи, о пропускѣ Русскихъ судовъ изъ Чернаго моря въ Средиземное безъ досмотра, о возобновленіи торговли, о дарованіи пощады Грекамъ, о возстановленіи церквей; но подъ разными предлогами откладывалъ исполненіе сихъ условій.

Тщетно Императоръ Александръ и союзники его, въ доказательство миролюбивыхъ расположеній своихъ къ Турціи, на Веронскомъ конгрессѣ вновь объявили торжественно, что они не одобряютъ возстанія Грековъ, даже не приняли отправленнаго ими посольства; Султанъ по прежнему дѣйствовалъ двусмысленно и посылалъ войско за войскомъ въ Морею и острова Архипелагскіе истреблять

христіанъ. Кровавыя мѣры его довели Грековъ до отчаянія; они рѣшились или умереть съ оружіемъ въ рукахъ, или избавиться отъ ига. Четырехлѣтніе переговоры съ Портою остались безуспѣшны. Она не исполнила ни одного изъ справедливыхъ требованій нашего двора. Терпѣніе Александра истощилось: въ Октябрѣ 1825 года онъ повелѣлъ вручить Султану сильный протестъ и предвидя необходимость обнажить мечъ за оскорбленное достоинство Россіи, и въ защиту остальныхъ Грековъ, еще непогибшихъ отъ изувѣровъ, извѣстилъ о томъ Европейскіе кабинеты. Преждевременная кончина постигла его при самомъ началѣ новаго великаго подвига, который былъ такъ необходимъ для славы его царствованія.

V. ВНУТРЕННІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА I.

1801 — 1825.

Возстанов-
леніе правъ
сословіи.

64. Возвеличивая государство извнѣ, Александръ въ то же время неутомимо заботился о внутреннемъ благоустройствѣ своей имперіи. Современники еще помнятъ, да и самые акты свидѣтельствуютъ,

съ каимъ неусыпнымъ рвеніемъ трудился онъ для блага своихъ подданныхъ, какъ внимательно вникалъ во всѣ нужды ихъ и какъ тщательно старался все привести въ порядокъ, укрѣпить, обезпечить, смягчить и облагородить. Подъ благотворнымъ скипетромъ его Россія какъ будто переродилась: поколѣніе ему современное, или имъ воспитанное, рѣзкою чертою отдѣлилось отъ стараго въ образѣ жизни, въ желаніяхъ и надеждахъ; многостороннее образованіе стало необходимымъ условіемъ, потребностію общества; нравственныя, умственныя, промышленныя силы Русскаго народа развились замѣтнѣе прежняго и принесли вождѣлѣнные плоды.

Первымъ дѣломъ Александра, по восшествіи на престолъ, было исполнить то, что изрекъ онъ при самомъ воцареніи, къ неизъяснимой радости всей Россіи, давъ обѣтъ править государствомъ по законамъ и по сердцу бабки своей Екатерины II, коей память была такъ любезна и ему и народу. Во 2 день Апрѣля 1801 года онъ прибылъ въ Сенатъ и въ общемъ собраніи повелѣлъ прочесть подписанные имъ въ тотъ же день пять манифестовъ: первымъ онъ утвердилъ всѣ права и привилегіи благороднаго сословія, изображенныя въ пожалованной дворянству грамматѣ; вторымъ возстановилъ городовое положеніе во всемъ пространствѣ его; третьимъ облегчилъ участь земледѣльцевъ,

отмѣнивъ разныя повинности и запретительныя правила, стѣснявшія сельскую промышленность; четвертымъ даровалъ помилованіе всѣмъ лицамъ, находившимся подъ слѣдствіемъ и судомъ, исключая уголовныхъ преступниковъ; пятымъ уничтожилъ Тайную розыскныхъ дѣлъ Канцелярію, существовавшую подъ именемъ Тайной Экспедиціи, предавъ дѣла ея вѣчному забвенію. Вскорѣ послѣ того, присутствуя въ Святѣйшемъ Синодѣ, онъ повелѣлъ возстановить законъ Императора Павла I, объ освобожденіи священниковъ и діаконовъ, впадшихъ въ уголовныя преступленія, отъ торговой казни. День коронаціи, 15 Сентября 1801 года, ознаменованъ дѣломъ незабвеннымъ: Сенату поручено освободить изъ заточенія и ссылки множество всякаго званія людей, пострадавшихъ болѣе за неосторожные и легкомысленные поступки, чѣмъ за дѣла, дѣйствительный вредъ государству наносящія. Уничтоженіе пытки довершило подвигъ Александра великодушія: краснорѣчивымъ указомъ, даннымъ Сенату, Государь повелѣлъ во всей имперіи объявить непремѣнную волю свою, чтобы нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, судебныхъ мѣста, при изслѣдованіи преступленій, не допускали никакихъ истязаній или пристрастныхъ допросовъ, и чтобы самое названіе *пытки*, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, было навсегда изглажено изъ памяти народной.

Въ послѣдствіи Александръ даровалъ своимъ подданнымъ разныя новыя преимущества, главною цѣлью коихъ было возбудить промышленную дѣятельность и возвысить духъ сословій. Дворянству предоставлено право участвовать въ заграничной оптовой торговлѣ произведеніями своихъ имѣній и записываться въ первыя двѣ гильдіи купечества. Духовенству разрѣшено пріобрѣтать земли, съ освобожденіемъ домовъ священнослужителей отъ постоя, поземельнаго сбора и другихъ повинностей. Купечеству даны новыя выгоды, отличія и способы къ распространенію торговыхъ предприятий: право записываться въ гильдіи и пользоваться ихъ преимуществами предоставлено однимъ вѣрноподаннымъ; учреждены почетныя званія первостатейныхъ купцовъ и мануфактуръ-совѣтниковъ; купцамъ первой гильдіи открытъ путь къ пріобрѣтенію орденовъ особенными заслугами; купцы 3 гильдіи освобождены отъ рекрутской повинности, наравнѣ съ двумя первыми; обществамъ дана власть исключать изъ своего сословія людей, избличенныхъ въ безчестныхъ поступкахъ. Крестьянамъ казеннымъ дозволено пріобрѣтать незаселенныя земли и записываться въ купечество. Крестьянамъ помѣщичьимъ дарована защита правительства, въ случаѣ жестокихъ поступковъ владѣльцевъ; увеличенію крѣпостнаго состоянія положенъ рѣшительный предѣлъ прекращеніемъ

раздачи населенныхъ земель въ собственность частнымъ лицамъ.

Учрежден-
ныя министерствъ.

65. Изливая милости на всѣ сословія, обезпечивая ихъ права и преимущества, возстановляя мудрыя учрежденія Екатерины II, измѣненные или ослабленные послѣ ея кончины, Александръ въ то же время изыскивалъ средства къ дѣятельному и непрерывному развитію всѣхъ отраслей государственнаго благоустройства и народнаго благосостоянія. Установленные для сей цѣли Петромъ Великимъ коллегіи, благотѣльные для своего времени, не соотвѣтствовали болѣе потребностямъ вѣка, послѣ тѣхъ перемѣнъ, которыя совершились въ состояніи Русскаго народа въ XVIII столѣтіи. Кругъ государственной и общественной дѣятельности такъ расширился, что коллегіи не могли обнимать всѣхъ отраслей ея и при обветшалыхъ формахъ своихъ не въ силахъ были содѣйствовать намѣреніямъ Государя, пламенно желавшаго дать всему новую жизнь. Онъ преобразовалъ ихъ въ министерства.

Цѣль учрежденія министерствъ изъяснена въ манифестѣ 8 Сентября 1802 года; тамъ сказано, что «благоденствіе народа незыблемо и нецарушимо утверждено быть можетъ тогда единственно, когда «правительство будетъ имѣть спасительныя средства «не только исправлять всякое явное, пагубными

«слѣдствіями обнаруживаемое зло, но въ особенно-
 «сти искоренять самое начало онаго, отвращать
 «всѣ причины, дающія поводъ къ нарушенію об-
 «щаго и частнаго спокойствія, открывать нужды
 «парода, предупреждать ихъ, и благоразумно,
 «ревностно, дѣятельно способствовать соблюденію
 «необходимаго во всемъ порядка и умноженію
 «богатства природныхъ и искусственныхъ произве-
 «деній, основаніемъ силъ и могуществу имперіи
 «служащихъ.» Для этой цѣли раздѣлены государ-
 ственныя дѣла на разныя части, сообразно ихъ
 естественной между собою связи, и поручены вѣдѣнію
 избранныхъ самимъ Государемъ министровъ. ¹ Имъ
 вмѣнено въ обязанность непрерывнымъ дѣйствіемъ
 и надзоромъ доставлять законамъ и учрежденіямъ

1. Первоначально учреждено было восемь Министерствъ: военное, морское, иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, коммерціи и народнаго просвѣщенія. Въ послѣдствіи, при повелѣніи распредѣленія государственныхъ дѣлъ въ 1810 году, образовано министерство полиціи, а министерство коммерціи упразднено, и дѣла его распредѣлены между министерствами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Въ 1816 году кругъ дѣйствій *военнаго министра* ограниченъ одною хозяйственною частью; прочія дѣла поручены *начальнику главнаго штаба* (что продолжалось до преобразованія военнаго министерства въ 1836 году). Въ 1817 году съ министерствомъ народнаго просвѣщенія соединено главное управление дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій, въ послѣдствіи однакожъ (въ 1824 году) снова отдѣленное. Въ 1819 году министерство полиціи упразднено и дѣла его переданы въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Первыми министрами были: военнымъ генералъ Вязмитиновъ, морскимъ адмиралъ Мордвиновъ, иностранныхъ дѣлъ канцлеръ графъ Воронцовъ, внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей, юстиціи дѣйст. тайн. совѣт. Державинъ, финансовъ графъ Васильевъ, коммерціи графъ Румяновъ, народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій.

- скорое и точное исполненіе, съ обширнымъ кругомъ власти по всѣмъ дѣламъ, не выходящимъ изъ установленнаго порядка; для сужденія же о дѣлахъ, требующихъ общаго соображенія всѣхъ министровъ или Высочайшаго разрѣшенія, учрежденъ Комитетъ министровъ; а въ случаѣ необходимости новаго закона или отмѣны прежняго, министрамъ предоставлено вносить дѣло въ государственный Совѣтъ, установленный еще въ 1801 году и окончательно образованный въ 1810, изъ лицъ, пользовавшихся особенною довѣренностью Государя. Совѣту поручено соображать всѣ части государственнаго управленія въ главныхъ отношеніяхъ къ законодательству, разсматривать законы, уставы, учрежденія въ первоначальныхъ предначертаніяхъ и повѣрять отчеты министровъ. Наблюденіе же за точнымъ исполненіемъ законовъ, также разрѣшеніе разныхъ недоумѣній и все, что касается суда гражданскаго или уголовнаго, возложено на правительствующій Сенатъ, какъ высшее судебное сословіе.

По учрежденіи министерствъ, Государь имѣлъ болѣе возможности выплнуть во всѣ части общественнаго благоустройства и сообщить имъ то направленіе, которое соответствовало его видамъ. Если же по вліянію разныхъ обстоятельствъ, не всѣ отрасли государственной жизни доведены были

до желаемого совершенства: за то многія изъ нихъ обнаружили успѣхи изумительные.

66. Военныя силы имперіи, въ царствованіе Войско. Александра, достигли до необыкновеннаго развитія. Послѣ непрерывнаго семилѣтняго ряда войнъ тягостныхъ, ознаменованныхъ жестокими битвами въ Австріи, Пруссіи, Финляндіи, на Дунаѣ, за Кавказомъ, Россія нашла въ нѣдрахъ своихъ довольно средствъ для борьбы со всею Европою: покинутая всѣми союзниками, безъ посторонней помощи, она собственною грудью отразила напоръ соединенныхъ силъ двадцати западныхъ народовъ и мужествомъ сыновъ своихъ сокрушила могущество завоевателя, казавшееся непоколебимымъ. Мало того: по окончаніи общей брани, требовавшей неимоверныхъ жертвований, она готова была снова поднять оружіе противъ новыхъ возмутителей спокойствія, и въ 1815 году Русская армія была даже сильнѣе, чѣмъ въ 1812. Столь изумительное явленіе было слѣдствіемъ мудрыхъ мѣръ Александра, умѣвшаго воспользоваться оборонительными способами неистощимой имперіи своей и дать имъ стройное направленіе. Ему принадлежитъ неоспоримая слава образователя нашей побѣдоносной арміи. Отъ начала до конца царствованія, онъ съ неутомимою заботливостію вникалъ во всѣ части военнаго управленія, въ самыя мелкія подробности, изыскивалъ средства

къ лучшему содержанію и продовольствію войска, вводилъ полезныя перемены въ составъ полковъ, въ ихъ вооруженіи, въ самомъ наружномъ видѣ, поддерживалъ строгую дисциплину, требовалъ отъ всѣхъ чиновъ неуклонной точности, исправности и знанія военного дѣла. Исполнителями его мыслей и предначертаній были преимущественно два министра: Аракчеевъ и Барклай-де-Толли. Первый довелъ до высшей степени совершенства артиллерию и разныя отдѣльныя части военного управленія; второй установилъ стройный порядокъ въ общемъ составѣ военного вѣдомства двумя важными положеніями: *образованіемъ военнаго министерства и учрежденіемъ большой дѣйствующей арміи.*

Мало того, съ самаго восшествія Александра на престолъ, въ рядахъ нашей арміи воскресъ ратный духъ временъ Екатерины II. Дворянство охотно становилось подъ знамена юнаго Государя, умѣвшего вдохнуть въ благородное сословіе живѣйшее соревнованіе и любочестіе. Пораженіе при Аустерлицѣ оскорбило народную гордость, и битвы при Пултускѣ, Гейльсбергѣ, Прейсишъ-Эйлау, при самомъ Фридландѣ, были предвѣстниками того немовѣрнаго самоотверженія, съ которымъ Русскія войска вскорѣ вступили въ рѣшительную борьбу со всѣми силами западной Европы. Погибнуть или одолѣть было единственною ихъ мыслію: глубокое

чувство народной чести, ясное сознаніе своего долга, одушевило каждого воина, отъ фельдмаршала до солдата. Это чувство, врожденное Русскому народу, но еще не вполне развитое, пробудилъ Александръ своими краснорѣчивыми манифестами, еще болѣе собственнымъ примѣромъ, явившимъ свѣту высокій образецъ и умиительнаго самоотверженія и возвышеннаго сознанія собственного достоинства.

Александръ сроднилъ свои войска и съ другимъ не менѣе благороднымъ чувствомъ, которое внушала имъ Екатерина II: грозныя въ битвахъ, неумолимы ко врагу вооруженному, они щадили непріятеля безоружнаго, не разоряли безъ воинской необходимости городовъ и селъ, какъ бывало прежде, и до такой степени были снисходительны къ побѣжденнымъ народамъ, что по взятіи Парижа, Французы радовались, когда въ домахъ ихъ становились Русскіе солдаты. Славы побѣдителей великодушныхъ не отнять у насъ Европа; а слава воинская останется неизгладимою въ скрижаляхъ Исторіи, гдѣ всегда будутъ сіять имена Кутузова, Барклая де Толли, Багратіона, Витгенштейна, Дохтурова, Раевского, Коновницина, Милорадовича, Остермана-Толстаго, Платова, Невѣровскаго, Паскевича, Ермолова, Толя и многихъ другихъ вождей, которые образовали свои таланты наиболѣе въ царствованіе

Александра, служившаго для нихъ примѣромъ и личного мужества и военного искусства.

Промышленность.

67. Промышленные силы народа въ первую половину Александрова царствованія не обнаруживали замѣтной дѣятельности. Какъ ни заботился Государь о распространеніи и усовершенствованіи всѣхъ отраслей трудолюбія, даруя льготы, облегченія, поощряя и покровительствуя все полезное, наши фабрики и мануфактуры долго оставались въ томъ же положеніи, въ какомъ онѣ были при Екатеринѣ II, едва удовлетворяя самымъ существеннымъ потребностямъ государства: въ 1809 году, правительство съ трудомъ могло заготовить необходимыя для арміи вещи, а сельское хозяйство даже упало болѣе прежняго; торговля внутренняя и внѣшняя равнымъ образомъ находилась въ большомъ разстройствѣ. Виною столь тягостнаго положенія дѣлъ было стеченіе многихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Прочному основанію и дѣятельному развитію промышленности мануфактурной препятствовалъ чрезвычайный ввозъ издѣлій чужеземныхъ, подавлявшій ее въ самомъ зародышѣ. Промышленность сельская много пострадала отъ континентальной системы, которая, заградивъ сбытъ за границу моремъ сырыхъ произведеній, составлявшихъ главное богатство наше, нанесла равно сильный ударъ и купцу и земледѣльцу, ни сколько

не вознаграждая причиненнаго ею вреда мнимымъ содѣйствіемъ нашей мануфактурной промышленности: она не препятствовала наплыву сухимъ путемъ черезъ западную границу издѣлій иностранныхъ, по прежнему наводнявшихъ имперію. Лишенные возможности сбывать свои громадскіе продукты моремъ, единственнымъ путемъ для ихъ перевозки, мы въ то же время не могли получать колоніальныхъ произведеній, столь необходимыхъ для нашихъ фабрикъ, и болѣе чѣмъ когда либо обращали свои капиталы въ пищу чужеземной дѣятельности и роскоши.

Въ такомъ положеніи находилась наша промышленность въ первыя десять лѣтъ Александрова царствованія, когда наконецъ положенъ предѣлъ тому и другому закону: тарифомъ 1810 года разрешенъ привозъ колоніальныхъ произведеній и запрещены всѣ издѣлія чужеземныя, роскошь питающія. Этотъ тарифъ, возбудившій столь сильное негодованіе Наполеона, имѣлъ для Россіи самыя благодѣтельныя слѣдствія: фабрики и заводы быстро начали возникать; капиталы не переводились за границу; все приняло иной видъ въ государствѣ. Спустя шесть лѣтъ, тарифъ 1810 года дополненъ новыми правилами, главною цѣлью коихъ было облегчить нужды потребителей и возбудить соревнованіе въ промышленномъ сословіи.

Необходимость запретительной системы для успѣховъ отечественной промышленности обнаружилась въ 1820 году, когда, по изданіи новаго тарифа ма противоположныхъ началахъ, быстрое паденіе многихъ фабрикъ и заводовъ доказало, что они не въ силахъ соперничествовать съ иностранными и только охранительныя мѣры правительства могутъ ихъ поддерживать. Въ слѣдствіе сего, первымъ дѣломъ графа Канкрина, по назначеніи его министромъ финансовъ, было возстановленіе системы 1810 года, съ значительными перемѣнами и улучшениями, въ числѣ коихъ въ особенности замѣчательно преобразование таможеннаго управленія, положившее преграду тайному ввозу иностранныхъ товаровъ.

Когда установилась такимъ образомъ прочная, на истинныхъ началахъ и потребностяхъ государства основанная система охраненія и поощренія отечественной промышленности, многочисленныя мѣры Александра, принятыя къ оживленію разныхъ отраслей ея съ самаго начала его царствованія, принесли вождѣнные плоды. Дарованныя имъ льготы, при бдительномъ надзорѣ и руководствѣ правительства, оживили земледѣліе, скотоводство, шелководство и винодѣліе въ краю полуденномъ, благословенномъ природою, но дотолъ еще мало воздѣланномъ трудами человѣка. Тамъ, гдѣ прежде

были степи, въ царствованіе Александра появились многочисленныя стада овецъ тонкорунныхъ и табуны превосходныхъ коней. Крымскій полуостровъ обратился въ цвѣтущій садъ. Промыслы горныя, приведенныя въ лучшее устройство горнымъ положеніемъ, уже не ограничивались одною выплавкою чугуна и мѣди: богатая Сибирь открыла своимъ сокровища государству и частнымъ промышленникамъ, получившимъ отъ щедрого Государя право добывать и разрабатывать въ свою пользу драгоценные металлы. Въ особенности изумительны были успѣхи горнаго дѣла въ послѣдніе годы Александрова царствованія, когда ученые изслѣдованія обнаружили за Ураломъ неисчерпаемые источники богатства государственнаго и частнаго. Просвѣщенное руководство, охраненіе, поощреніе, всякаго рода льготы пробудили промышленность мануфактурную; торговля внутренняя и внѣшняя оживилась какъ вообще отъ развитія промышленныхъ силъ народа, такъ въ особенности отъ лучшаго устройства путей сообщенія, водяныхъ и сухопутныхъ, получившихъ иной видъ съ тѣхъ поръ, какъ учредился корпусъ путей сообщенія.

Вѣнцомъ Александровыхъ трудовъ для блага образованія Россіи, славнѣйшимъ дѣломъ его блестящаго царствованія было распространеніе образованія во всѣхъ концахъ имперіи, во всѣхъ слояхъ народныхъ. Съ

тѣхъ поръ, какъ Великій Петръ задумалъ просвѣ-
тить Россію и мощною рукою двинулъ ее къ этой
цѣли, всѣ преемники его поставляли себѣ за долгъ,
за славу поддерживать данное имъ направленіе; но
никто изъ нихъ, не исключая и Екатерины II,
не заботился объ исполненіи мыслей Петра съ
такимъ жаромъ, съ такимъ вождѣленнымъ успѣ-
хомъ, какъ Александръ. Онъ первый призналъ
образованіе народа непременнымъ условіемъ благо-
устроеннаго государства, столь же необходимымъ
для его могущества, для благоденствія общаго и
частнаго, какъ сильное войско, цвѣтущіе финансы,
дѣятельная промышленность, нелицепріятное пра-
восудіе, и руководствуясь симъ правиломъ, учре-
дилъ министерство народнаго просвѣщенія.

Оно немедленно занялось исполненіемъ намѣреній
Государя и начертало планъ общаго народнаго
24 Января образованія, утвердившій просвѣщеніе Россіи на
1803. прочныхъ началахъ. Доселѣ въ городахъ губерн-
скихъ и уѣздныхъ существовали *главныя* и *малыя*
народныя училища, открытыя при Екатеринѣ II,
но большею частию только по имени; многія не
имѣли ни домовъ, ни средствъ къ своему содер-
жанію; наставниковъ и воспитанниковъ было мало;
званіе учителя не обѣщало никакихъ выгодъ, ко-
торыя могли бы привлечь людей достойныхъ къ
поднятію тяжкаго бремени; успѣшное окончаніе

курса наукъ также не вознаграждалось особенными преимуществами для учащагося; молодые дворяне охотнѣе шли въ полкъ, чѣмъ въ училище, и еще въ началѣ XIX столѣтія не мало нашлось въ арміи унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ, не знавшихъ грамоты.

Александръ, переименовавъ главные народные училища въ гимназіи, малыя въ уѣздныя училища, даровалъ тѣмъ и другимъ средства къ ихъ содержанію; повелѣлъ сверхъ того для первоначальнаго образованія учредить училища приходскія; установилъ бдительный надзоръ, единство и порядокъ въ управленіи, осыпалъ наставниковъ и учащихся важными преимуществами, и объявилъ, что по прошествіи пяти лѣтъ, никто не будетъ опредѣленъ къ гражданской должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ ученія въ общественномъ училищѣ. Между тѣмъ основаны педагогическіе институты въ Москвѣ и С. Петербургѣ для образованія учителей, вызваны изъ заграницы ученые профессора, преобразованы университеты Московскій, Виленскій и Дерптскій, учреждены университеты въ Казани, Харьковѣ, въ послѣдствіи въ С. Петербургѣ; къ довершенію всего, указомъ 1809 года запрещено производить въ 8 и 5 классы не имѣющихъ университетскихъ аттестатовъ. Въ слѣдствіе сихъ мѣръ учебныя

заведенія наполнились молодыми людьми всѣхъ сословій, и поколѣніе, возникшее подъ державою Александра, съ жаромъ предалось наукѣ. Его Преемнику предоставлено было преобразованіемъ всѣхъ частей народнаго воспитанія, согласно съ потребностями времени и съ духомъ своего государства, довершить великое дѣло, задуманное Петромъ, развитое Екатериною и Александромъ.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СТАТЬЯ I.

О СИСТЕМѢ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

(Писано въ 1836 году.)

При всеобщемъ стремленіи ученаго міра къ раскрытію истинныхъ началъ каждой науки, къ расширенію сферы знаній, къ присканію лучшей системы изложенія, при господствѣ всеобщей мысли о необходимости сочетать теорію съ практикою, Русскіе ученые, еще юные атлеты на поприщѣ образованности, неоднократно и съ успѣхомъ пробовали свои силы въ развитіи наукъ точныхъ. Признавая однакожъ главною потребностію объясненіе всего національнаго, они чаще устремляли испытующій взоръ на такіе предметы, которые недоступны ученой Европѣ, понятны только Русскому уму, Русской душѣ. Въ числѣ этихъ предметовъ первое мѣсто занимаетъ отечественная Исторія: надъ нею мы болѣе всего трудились и достигли

наконецъ того, что за нѣсколько лѣтъ предъ симъ издано было сочиненіе, которое заслужило живѣйшій восторгъ, и общимъ голосомъ признано было достойнымъ стоять на ряду съ лучшими произведеніями Европы въ томъ же родѣ. Хотя въ наше время безотчетная похвала уступила мѣсто критическому изслѣдованію, не всегда выгодному для автора; при всемъ томъ, трудъ его служить до сихъ поръ почти исключительнымъ, по крайней мѣрѣ, главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній и понятій о древнѣйшей судьбѣ нашего отечества, въ отношеніи и къ фактамъ и къ общему ходу событий: я говорю о сочиненіи Карамзина: *Исторія государства Россійскаго*. Но какъ науки не могутъ оставаться въ одномъ положеніи, обогащаясь новыми истинами, новыми открытіями, усвоивая направленіе, сообразное съ потребностями вѣка, то весьма естественно, весьма справедливо было желаніе, обнаружившееся еще при жизни Карамзина, дополнить какъ его сказанія, такъ и изслѣдованія предшествовавшихъ ему бытописателей, новыми взглядами. Съ этою цѣлю въ послѣдніе 10 лѣтъ изданы многіе, дотола неизвѣстные матеріалы; даже было намѣреніе представить въ иномъ, лучшемъ видѣ, все, что писано и Карамзинымъ, и его предшественниками. Плодомъ этихъ усилій были двѣ истины, въ особенности утвердившіяся въ послѣднее время.

Прежде всего образовалось всеобщее убѣжденіе въ томъ, что едва ли есть народъ, который могъ бы съ такими утѣшительными мыслями оглянуться на прошедшее и получить отъ него столько пользы въ настоящемъ, какъ мы, Русскіе. Съ одной стороны, мы справедливо съ гордостью можемъ сказать, что предки наши, застигаемые неоднократно безпримѣрными бѣдствіями, какихъ не вынесъ бы ни одинъ народъ, спасали себя, не случаемъ, не чужеземною помощію, а собственными силами; что они умѣли вынудываться съ честью и славой изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ; что страницы нашей Исторіи озаглавлены болѣе дѣлами доблести, нежели порока, и что, наконецъ, только она описываетъ дѣянія Петра Великаго. Съ другой стороны, послѣ рѣшительнаго вліянія на насъ Европейскаго образованія, когда пробудилась мысль о народности, обещающая столь вожделѣнные плоды въ будущемъ, кто удовлетворительнѣе Исторіи скажетъ намъ, въ чемъ заключаются элементы Русской народности, или тѣ основныя начала, изъ коихъ развилась наша жизнь общественная, гражданская и семейная? Наконецъ, Русская Исторія должна рѣшить, самымъ положительнымъ образомъ, великій современный вопросъ о Польшѣ и о подвластной ей нѣкогда Западной Россіи.

Между тѣмъ, съ постепеннымъ развитіемъ идеи о высокомъ значеніи отечественной Исторіи, столь

понятномъ для всѣхъ людей просвѣщенныхъ, образовалось убѣжденіе и въ томъ, что у большей части нашихъ бытописателей не достаетъ правильного критическаго воззрѣнія; что они оставили безъ отвѣта многіе важные вопросы, и что цѣлые періоды нашего государственнаго существованія покрыты непостижимою темнотою, которая лишаетъ насъ почти всѣхъ средствъ извлечь изъ минувшаго пользу для настоящаго. Лучшее, полнѣйшее изъ сочиненій, объясняющихъ древнюю судьбу нашу, *Исторія государства Россійскаго*, многимъ даже не взыскательнымъ читателямъ стало казаться не удовлетворительнымъ: говорятъ, что при всей красотѣ повѣствованія, оно наполняетъ умъ какими-то несвязными картинами, часто образами безъ лицъ, еще болѣе неправильными очерками; что въ немъ напрасно будемъ искать развитія жизни общественной, успѣховъ законодательства, промышленности. Однимъ словомъ, всѣ постигаютъ высокое значеніе историческаго знанія, и всѣ говорятъ въ одинъ голосъ, что Россія еще не имѣетъ своей Исторіи.

Виною столь ощутительнаго въ наше время недостатка могутъ быть два главныхъ обстоятельства: 1) недостатокъ матеріаловъ; 2) неудачный выборъ плана, или неуспѣшное исполненіе его. Въ самомъ дѣлѣ, нѣрѣдко случается слышать, что

источники Русской Исторіи слишкомъ скудны, и что нѣтъ никакого средства объяснить непостижимыя загадки, безпрестанно встрѣчающіяся въ каждомъ періодѣ жизни Русскаго народа. Эта мысль столь распространилась, что многіе изъ нашихъ писателей впадаютъ въ забавныя ошибки; напримѣръ, авторъ книги подъ заглавіемъ: *Царствованіе Алексѣя Михайловича*, говоритъ, что по странному случаю, всѣ акты, относящіеся ко времени сего Государя, истреблены, забывъ, что въ Полномъ Собраніи законовъ напечатано 618 однихъ узаконеній Царя Алексѣя Михайловича, и что въ архивахъ хранятся цѣлыя кипы Дворцовыхъ записокъ его времени. Для доказательства, какъ неосновательны жалобы на недостатокъ историческихъ матеріаловъ, довольно замѣтить, что Карамзинъ напелъ свѣдѣнія для 12 томовъ, не коснувшись временъ даже Михаила Ѳеодоровича и подтвердивъ каждый фактъ ссылкой; что о Петрѣ Великомъ мы имѣемъ 30 томовъ Дѣяній, изъ коихъ по крайней мѣрѣ третья часть достовѣрныхъ, кромѣ 15 томовъ Петровыхъ узаконеній. Возражать, что не всякому удастся быть въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ коихъ находились Карамзинъ и Голиковъ; отвѣчаю: во-первыхъ, при заботливости нашего Правительства объ успѣхахъ отечественнаго бытописанія, у насъ архивы доступны также, какъ и въ другихъ странахъ; во-вторыхъ, отъ бытописателя требуется не

только искусство изложенія, но и трудъ присканія и обработки матеріаловъ. Скажу болѣе: даже печатные матеріалы наши такъ обильны, что Гиббонъ навѣрное не имѣлъ въ рукавъ такого сокровища, описывая упадокъ и разрушеніе Римской Имперіи.

Причины неудовлетворительности нашихъ историческихъ сочиненій скрываются въ самомъ планѣ, отъ коего много зависитъ успѣхъ исполненія. Конечно, ни одна изъ наукъ, въ примѣненіи къ нашему отечеству, не требуетъ, относительно выбора системы, такихъ глубокихъ соображеній, какъ Русская Исторія. При начертаніи Русской Географіи, Русской Статистики, мы съ успѣхомъ можемъ руководствоваться счастливыми опытами Европейскихъ ученыхъ, заимствовать у нихъ основныя начала въ выборѣ предметовъ, въ раздѣленіи ихъ, въ постепенномъ порядкѣ, въ методѣ изслѣдованія; систему же Русской Исторіи должны мы создать сами, не придерживаясь ни Юма, ни Миллера; ибо у насъ развитіе государственной и гражданской жизни совершалось по инымъ началамъ, подъ вліяніемъ иныхъ обстоятельствъ. Но трудность удачнаго выбора системы можетъ служить только оправданіемъ нашихъ историковъ, особенно при началѣ поприща, гдѣ ошибки неизбѣжны; положеніе же, что мы не имѣемъ прагматической Исторіи,

основанной на истинныхъ началахъ науки и соотвѣтствующей потребностямъ времени, остается во всей своей силѣ. Въ доказательство этого положенія, я считаю нужнымъ: 1) изложить главные условія отечественной Исторіи въ смыслъ науки; 2) представить основныя идеи тѣхъ бытописателей, которые, почерпая свои свѣдѣнія изъ первыхъ матеріаловъ, сами служили источниками для сочиненій, имѣвшихъ предметомъ отдѣльныя части отечественной Исторіи.

Русская Исторія въ смыслъ науки, какъ основательное знаніе минувшей судьбы нашего отечества, должна объяснить постепенное развитіе гражданской жизни нашей, отъ перваго начала ея до позднѣйшаго времени, съ тѣмъ, чтобы разливъ свѣтъ на главные условія быта общеннаго и раскрывъ, почему они существуютъ такъ, а не иначе, указать, какое мѣсто занимаетъ Россія въ системѣ прочихъ государствъ; какія правила политики внутренней и внѣшней наиболѣе были сообразны съ ея выгодами; какія причины, какъ плоды времени и обстоятельствъ, ускоряли и замедляли успѣхи промышленности и образованности. Цѣлью науки опредѣляется предметъ ея. Русская Исторія достигаетъ своей цѣли вѣрнымъ изображеніемъ перемѣнъ, случавшихся въ состояніи Русской державы, съ указаніемъ причинъ тому и

слѣдствій. Такимъ образомъ предметъ ея — постепенный переходъ Россіи изъ одного положенія въ другое. Какъ перемѣны государственныя всегда зависятъ отъ стеченія многихъ обстоятельствъ, отъ причинъ ближайшихъ и отдаленныхъ, отъ прямого и косвеннаго дѣйствія ихъ: то Исторія должна обнимать все, что имѣло вліяніе на судьбу государства, что оставило по себѣ слѣды замѣтныя. Въ слѣдствіе того, она изображаетъ: достопамятныя дѣйствія людей, управлявшихъ внутреннею и внѣшнею политикою Россіи; успѣхи законодательства, промышленности, наукъ и художествъ; вліяніе религіи, нравовъ и обычаевъ.

Въ такомъ смыслѣ, отечественная Исторія займетъ высокое мѣсто въ кругу наукъ общественнаго образованія. Какъ вѣрная повѣсть всего роднаго, какъ завѣтъ предковъ къ потомству, объясняя рядомъ картинъ геній народа, плоды сѣмянъ добрыхъ и злыхъ, озаря въ неразрывной цѣпи вѣковъ все отечественное, она разовьетъ идею Россіи во всемъ объемѣ ея, покажетъ истинныя свойства народа и потребности государства, подтвердитъ умозрительныя изслѣдованія всего, что относится до Россіи, и послужитъ лучшимъ пособіемъ къ примѣненію всякаго рода уставовъ: ибо все улучшается опытомъ; Исторія же есть самый обильный запасъ разнообразныхъ опытовъ.

Два условія необходимы для достиженія высокой цѣли Исторіи: прежде всего, самое подробное, вѣрное и отчетливое знаніе фактовъ. Оно приобретается постояннымъ изученіемъ современныхъ памятниковъ минувшаго и знакомствомъ съ позднѣйшими изыскателями: первые сообщаютъ живое понятіе о старинѣ, вторые поясняютъ недосказанное ими болѣе или менѣе удачными соображеніями. Но этого еще мало: это не что иное, какъ приготовленіе, сборъ матеріаловъ: чтобы воздвигнуть величественное зданіе, нуженъ умъ искуснаго зодчаго. Самое подробное знаніе фактовъ не принесетъ существенной пользы, если они не будутъ приведены въ стройную систему, гдѣ каждое явленіе было бы на своемъ мѣстѣ, какъ слѣдствіе предъидущаго и причина послѣдующаго; каждое событіе имѣло бы свое знаменованіе, сообразное съ его важностію, и вело бы къ предполагаемой Исторіею цѣли. Для соединенія же фактовъ въ одно стройное цѣлое, въ одну живую картину минувшаго, правильно очерченную и ярко освѣщенную, необходимо: а) вникнуть въ общій смыслъ Исторіи и найти нить, связывающую всѣ явленія непрерывною цѣпью (эта нить образуется самымъ ходомъ событій, вліяніемъ вѣка, геніемъ народа и по мѣрѣ измѣненія тѣхъ и другихъ пружинъ, измѣняетъ свое направленіе); б) опредѣлить точки, гдѣ общій ходъ событій получаетъ иной характеръ, въ слѣдствіе стремитель-

наго переворота дѣлъ, или быстрого развитія гражданственности, и сообразно этому измѣненію раздѣлить всѣ факты на нѣсколько разрядовъ для лучшаго обзора и уразумѣнія ихъ; с) принаравляясь къ общему историческому ходу, размѣстить всѣ явленія по мѣрѣ важности, такъ, чтобы въ изображеніи ихъ соблюдена была точность и соразмѣрность, съ правильною связью причинъ и слѣдствій. Перспектива, въ особенности правильное освѣщеніе, необходимы какъ въ живописи, такъ и въ Исторіи. Вотъ главныя условія прагматическаго изложенія. Теперь взглянемъ, въ какой степени выполняли ихъ наши бытописатели.

Первоначальною формою нашей Исторіи была Лѣтопись — хронологическая повѣсть событій, безъ всякой прагматической связи: люди скромные, любознательные, большею частію безъименные, по всей вѣроятности духовные, вносили въ свои сборники замѣтки о томъ, что они видѣли или слышали, и что по духу времени, по ихъ отношеніямъ, казалось имъ достопамятнымъ: записывали междоусобныя войны Князей, походы на враговъ вѣнскихъ, вторженіе иноземныхъ народовъ, случаи церковные, знаменія небесныя, естественныя бѣдствія, морь, засуху и проч. Все это идетъ одно за другимъ, большею частію въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Здѣсь не кстати судить о началѣ и достовѣр-

ности нашихъ Лѣтописей; тѣмъ не умѣстиѣ подводить ихъ подъ тѣ условія, которыя мы выше изложили, разсуждая о цѣли, предметѣ и значеніи отечественной Исторіи. Довольно замѣтить, что предки имъ вѣрили безусловно, что въ нихъ они искали отрады въ своихъ страданіяхъ, смотрѣли на нихъ такъ же, какъ мы нынѣ смотримъ на акты государственные, и патріархъ Ермогенъ, призывая Русскихъ къ спасенію вѣры и отечества, ободрялъ защитниковъ Россіи тѣмъ, что подвиги ихъ онъ впишетъ въ Лѣтописи.

Лѣтописи наши прекратились около того времени, когда быстро исчезли почти всѣ формы древняго Русскаго міра, при Петрѣ Великомъ. Между тѣмъ уже давно пробудилась мысль о сводѣ старинныхъ хроникъ въ одно цѣлое: въ этомъ духѣ составлены были Степенныя книги, Лѣтопись Никома; съ тою же цѣлію, въ первой половинѣ XVIII вѣка, трудился и Татищевъ. Предшествовавшіе ему собиратели отличаются отъ лѣтописцевъ только тѣмъ, что иногда вставляли отъ себя немногія разсужденія, чаще выписки изъ Византійскихъ хроникъ, разумѣется, безъ всякихъ признаковъ критическаго изслѣдованія. Татищевъ хотѣлъ составить сводъ ученый: имѣя подъ рукою весьма многіе, по словамъ его, древніе списки, кои болѣею частию нынѣ утрачены, онъ выбиралъ изъ нихъ все достопамят-

ное, чисто историческое, и размѣщаль факты по годамъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, не измѣняя ни тона разсказа, ни самаго языка; сверхъ того писалъ примѣчанія, основываясь отчасти на иноземныхъ авторахъ, о народахъ, издревле обитавшихъ въ Россіи, о географическомъ положеніи мѣстъ, о хронологіи и проч. Не взирая на то, что въ текстѣ онъ ограничивался однѣми Русскими Лѣтописями, трудъ его былъ бы чрезвычайно важенъ для послѣдующихъ бытописателей, какъ собраніе матеріаловъ, если бы авторъ выполнилъ свое предпріятіе отчетливо и добросовѣстно. Въмѣсто безполезныхъ и частію забавныхъ толкованій о Скифахъ и Сарматахъ, въ особенности о Сарматскомъ языкѣ, слѣдовало объяснить, какіе были въ рукахъ его списки, къ какому времени они относились, и что именно заимствовано изъ того или другаго. Татищевъ не только все это упустилъ изъ вида, но и навлекъ на себя, едва ли не основательное, подозрѣніе въ подлогѣ: онъ предпочиталъ простымъ, достовѣрнымъ сказаніямъ Нестора нелѣпыя бредни такъ называемой Іоакимовой Лѣтописи, по всѣмъ признакамъ составленной въ новѣйшія времена изъ баснословныхъ преданій Скандинавовъ, съ примѣсью свѣдѣній, сохранившихся въ нашихъ хроникахъ. При такихъ недостаткахъ, трудъ Татищева, коимъ такъ дорожили Миллеръ, Болтинъ и другіе, въ наше время, при строгихъ требованіяхъ исторической

критики, не имѣетъ почти ни какой цѣны, не взирая на то, что въ немъ есть показанія весьма важныя, не встрѣчающіяся въ другихъ источникахъ. Опасеніе подлога, въ родѣ Іоакимовой Лѣтописи, устрашаетъ самыхъ довѣрчивыхъ изыскателей.

Татищевъ былъ послѣднимъ представителемъ второй системы нашей исторіографіи, т. е. свода Лѣтописей. Незадолго до него князь Хилковъ, или справедливѣе, секретарь Хилкова, вздумалъ изобразить минувшую судьбу Россіи, въ прагматическомъ разсказѣ, т. е. съ объясненіемъ вліянія одного событія на другое, съ указаніемъ причинъ и слѣдствій, уже не тономъ и не слогомъ Лѣтописей, а въ духѣ современномъ, лучшимъ, по его мнѣнію, языкомъ. Съ тою же цѣлю, съ тѣми же притязаніями, въ первой и особенно во второй половинѣ XVIII столѣтія, писали Ломоносовъ, Щербатовъ, Элагинъ, Эминъ, Стриттеръ, Левекъ и нѣкоторые другіе. Входить въ подробное разсмотрѣніе плана cadaго сочиненія, было бы утомительно и бесполезно. Какую услугу могли принести отечественной Исторіи писатели, изъ коихъ одинъ занимался ею въ Шведской темницѣ безъ необходимыхъ пособій; другой не могъ отличить Владиміра на Клязми отъ Владиміра Волынскаго; третій съ трудомъ понималъ Русскій языкъ; четвертый считалъ преданія объ Ольгиныхъ воробьяхъ такъ значительнымъ, что

хотѣлъ собственнымъ опытомъ удостовѣриться въ истинѣ сказанія, и съ приличною важностію описываетъ свои эксперименты; пятый, наконецъ, выдумывалъ не только рукописи, но и печатныя сочиненія, коихъ никогда никто не издавалъ, и на которыя онъ ссылался! Не взирая на всѣ хлопоты, до временъ Карамзина не было и тѣни прагматической Русской Исторіи. Попытки предшествовавшихъ ему писателей нынѣ любопытны только, какъ младенческія лепетанья; у нихъ вы не встрѣтите ни одной яркой мысли, ни одного свѣтлаго взгляда. О точности плана и говорить нечего. Иначе впрочемъ и быть не могло: они занимались Исторіею мимоходомъ, частію отъ скуки, частію по приказанію.

Послѣ такихъ писателей, Карамзинъ явился истиннымъ гигантомъ. Литераторъ просвѣщенный, художникъ по призванію, по влеченію души, отказавшійся отъ всѣхъ расчетовъ честолюбія для одной науки, постоянно вѣрный до конца жизни своему зову, онъ рѣшился написать Исторію своего отечества съ истиннымъ рвеніемъ художника, съ огромнымъ запасомъ матеріаловъ, со всею отчетливостію, какую только требовала важность предмета, и совершилъ подвигъ великій съ честію и славою. Ему надлежало бороться съ немовѣрными затрудненіями: не имѣя ни одного надежнаго путеводителя, исклю-

чая Шлецера (и то только до Владиміра), онъ долженъ былъ собирать матеріалы, о существованіи коихъ никто даже не предполагалъ; соглашать безпрестанныя противорѣчія въ числахъ, въ именахъ лицъ, въ названіи городовъ, народовъ; бороться съ укоренившимися предрасудками; однимъ словомъ разрабатывать руду неоцѣненную, но почти не тронутую; онъ, говорю, исполнилъ свой долгъ съ честію и славою: самые строгіе судьи его могутъ говорить, разсуждать и спорить только о томъ, что описалъ Карамзинъ; далѣе предѣла, гдѣ пресѣклась его Исторія, они не восходятъ.

Главною цѣлію Карамзина было, собрать свѣдѣнія о минувшей судьбѣ отечества изъ всѣхъ возможныхъ источниковъ, размѣстить ихъ въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ и одѣть въ изящную форму разсказа. Заботливость его о сохраненіи всѣхъ преданій минувшаго простиралась до такой степени, что самые ничтожные случаи, даже сказки, нашли мѣсто въ его сочиненіи, если не въ текстѣ, то въ примѣчаніяхъ. Кромѣ того, ни одно, сколько нибудь важное, показаніе не осталось безъ подтвержденія ссылками на первые источники. Мало того: авторъ не довольствовался однимъ наборомъ фактовъ; держась строго хронологіи, онъ старался дать значеніе каждому событію, угадывалъ характеръ дѣйствовавшихъ лицъ, вникалъ въ духъ вре-

мени, собиралъ черты жизни гражданской и семейной, слѣдилъ за промышленностью, законодательствомъ, словесностью, художествами, ремеслами; однимъ словомъ, хотѣлъ нарисовать самую полную картину Россіи.

Главнымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли онъ признавалъ искусство разсказа, говоря, что «знаніе всѣхъ правъ на свѣтѣ, ученость Нѣмецкая, остроуміе Вольтерова, ни самое глубокомысліе «Макиавеля, въ историкѣ не замѣняютъ таланта «изображать дѣйствія.» Многіе упрекали Карамзина за предпочтеніе разсказа всѣмъ другимъ достоинствамъ бытописателя: ибо въ такомъ случаѣ Исторія будетъ повѣстью, сказкою, а не наукою, имѣющею предметомъ развитіе идеи о человѣчествѣ. Упрекъ несправедливый: Карамзинъ смотрѣлъ на искусство повѣствованія, какъ на умѣнье автора выражать ясно, вѣрно, изящнымъ слогомъ, не безотчетныя идеи, а результатъ предвѣтительныхъ критическихъ соображеній. Онъ не хотѣлъ затемнять текстъ изслѣдованіемъ противорѣчій другихъ историковъ, помѣщая свои разысканія въ примѣчаніяхъ, и стараясь представить только то, что послѣ многихъ изслѣдованій считалъ результатомъ.

Не оспаривая началъ, принятыхъ Карамзинымъ, и признавая ихъ совершенно сообразными съ цѣлію

Исторіи, имѣющей предметомъ развитіе государственной жизни, рассмотримъ, въ какой степени онъ выполнилъ свое предпріятіе. Само собою разумѣется, что здѣсь первый вопросъ о томъ, какъ смотрѣлъ онъ на общій ходъ событій! Основная мысль его о характерѣ Русской Исторіи выражена слѣдующимъ образомъ: «Мужъ ученый и славный, «Шлецеръ, сказалъ, что наша Исторія имѣетъ пять «главныхъ періодовъ; что Россія отъ 862 года до «Святополка должна быть названа раждающеюся; «отъ Ярослава до Монголовъ, раздѣленною; отъ «Батые до Іоанна III, угнетенною; отъ Іоанна до «Петра Великаго, побѣдоносною; отъ Петра до «Екатерины II, процвѣтающею. Сія мысль, замѣ- «чаетъ Карамзинъ, кажется мнѣ болѣе остроумною, «нежели основательною: 1) вѣкъ Св. Владиміра «былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не «рожденія; 2) государство дѣлилось и прежде «1015 года; 3) если по внутреннему состоянію и «внѣшнимъ дѣйствіямъ Россіи надобно означать «періоды, то можно ли смѣшать въ одно время «Великаго Князя Димитрія Александровича и Дон- «скаго, безмолвное рабство съ побѣдою и славою? «4) вѣкъ Самозванцевъ ознаменованъ болѣе за- «счастіемъ, нежели побѣдою. Гораздо лучше, истин- «нѣе, скромнѣе, заключаетъ исторіографъ, Исторія «наша дѣлится на Древнѣйшую отъ Рюрика до «Іоанна III, на Среднюю отъ Іоанна до Петра, и

«Новую отъ Петра до Александра. Система удѣловъ была характеромъ первой эпохи, единовластіе второй, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ третьей.»

Съ перваго взгляда доводы Карамзина кажутся основательными, и читатель изумляется, какъ могъ такой ученый и отчетливый систематикъ, какъ Шлецеръ, впасть въ столь грубую ошибку. Но вникая въ основныя начала того и другаго писателя, мы находимъ, что раздѣленіе Шлецера, имѣющее свои неудобства, правильнѣе раздѣленія Карамзина. Доказательства наши слѣдующія:

1) Шлецеръ, назвавъ Русь до Святополка или справедливѣе до Ярослава I раждающеюся, очевидно хотѣлъ сказать, что не прежде, какъ въ первой половинѣ XI вѣка, установились главныя условія ея бытія, опредѣлились границы Русской земли, исчезло различіе между Славянами и поселившимися среди ихъ Норманнами, означились отношенія Великаго Князя къ Удѣльнымъ; главное же, утвердилась Христіанская вѣра Греческаго закона. Последнее условіе рѣшило навсегда судьбу Руси, отдаливъ ее отъ Рима и положивъ начало самобытному государству.

2) Удѣльная система, согласно съ мнѣніемъ Шлецера, была господствующею, главною пружиною,

только отъ Ярослава до Монголовъ. Она обнаруживалась и прежде Ярослава, но тогда уступала вѣншему расширенію Норманновъ, или стремленію ихъ къ завоеванію земли Славянской; обнаруживалась и послѣ нашествія Монголовъ, но тогда ее подавляло господство Золотой Орды, дававшее направление всѣмъ событіямъ.

3) Столь же правильно опредѣлялъ Шлецеръ общій характеръ времени отъ нашествія Монголовъ до Іоанна III, назвавъ Россію угнетенною. Подвигъ Дмитрія Донскаго возвысилъ Москву и Князей ея внутри Россіи, показавъ возможность свергнуть иго рабства, но не спасъ отечества отъ Монголовъ; самъ Дмитрій, послѣ побѣды Куликовской, платилъ дань; сынъ его ѣздилъ въ Орду бить челомъ; внукъ судился тамъ съ родственниками, и только воля Хана утвердила его на престолѣ Великаго Князя.

4) Наконецъ, опровергая мнѣніе Шлецера о четвертомъ періодѣ, когда Россія, по словамъ ученаго критика, была *побѣдоносною*, Карамзинъ видитъ въ эпохѣ Самозванцевъ одно злосчастіе. Но если предки наши восторжествовали, отбились отъ враговъ, тѣснившихъ отечество со всѣхъ сторонъ, кончили борьбу со славою: развѣ это не побѣда! Безъ сомнѣнія тѣмъ славнѣйшая, чѣмъ затрудни-

тельнѣе было положеніе Россіи. Притомъ же паденіе Золотой Орды, расширеніе предѣловъ на западѣ, завоеваніе царства Казанскаго, почти всей Сибири, приобрѣтеніе Малороссіи, все это совершилось въ то время, которое Шлецеръ называлъ побѣдоноснымъ. Конечно, случались неудачи; во вообще перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ. — Ниже объяснится односторонность и неполнота раздѣленія Шлецерова. Правильнѣе ли смотрѣлъ Карамзинъ на ходъ нашихъ событій?

Сказавъ: «Русская Исторія лучше, истиннѣе, скромнѣе дѣлится на *Древнюю*, *Среднюю* и *Новую*», онъ очевидно принималъ эти слова въ томъ значеніи, въ какомъ понимаютъ ихъ Европейскіе ученые при разсматриваніи Всемирной Исторіи; т. е. Древняя Исторія представляетъ міръ исчезнувшій; Средняя служить переходомъ отъ Древняго къ Новому; Новая объясняетъ начало и развитіе тѣхъ элементовъ, изъ коихъ образовалась современная жизнь. Если допустить эти основанія, идея о древнемъ Русскомъ мірѣ поведетъ къ ложнымъ умозаключеніямъ. Въ такомъ случаѣ надобно будетъ предположить, что со временъ Іоанна III, послѣ крутого переворота, начался новый порядокъ вещей, измѣнились отношенія внутреннія и внѣшнія, и весь составъ государства былъ потрясенъ въ своихъ основаніяхъ. Но событія говорятъ противное: Іоаннъ III и преемники

его развивали ту же мысль, которая родилась почти за полтора столѣтія до него въ головѣ Іоанна Калиты; именно: главною цѣлю всѣхъ Государей Московскихъ было — сосредоточить Русскую землю въ одно цѣлое, утвердить ее за однимъ родомъ, избавить отъ чуждаго вліянія Монголовъ и Поляковъ. Всѣ они дѣйствовали въ одномъ духѣ, болѣе или менѣе удачно, принаравляя политику къ обстоятельствамъ времени, то лаская враговъ, то сокрушая ихъ оружіемъ. Въ слѣдствіе того, все, что не противорѣчало ихъ намѣреніямъ, оставалось неизмѣннымъ: внутреннее устройство, въ отношеніи къ суду и расправѣ, къ финансовой системѣ, къ управленію церкви, было развитіемъ и поясненіемъ прежняго порядка вещей. Все старое оставалось по старому, если только согласовалось съ политикою Государей Московскихъ. Что значать судебники, уставныя грамоты, тарханья, таможенныя! Это не что иное, какъ выраженіе давно существовавшихъ законовъ, или обычаевъ, имѣвшихъ силу закона, съ дополненіемъ новыхъ правилъ, но въ прежнемъ духѣ. Конечно, удѣльная система исчезла, но не вдругъ, не при Іоаннѣ III: она стала исчезать при Іоаннѣ Калитѣ и рушилась окончательно при Іоаннѣ IV. Иго Монгольское равнымъ образомъ ослабѣвало исподоволь, съ постепеннымъ развитіемъ могущества государства Московскаго, отъ Іоанна Калиты до конца княженія Іоанна III, если не до

Іоанна IV. Іоаннъ III безъ сомнѣнія начинаетъ новую эпоху въ Русской Исторіи, но въ томъ же почти смыслѣ, какъ служили эпохами правленіе Ярослава I, нашествіе Монголовъ, правленіе Іоанна Калиты, Самозванцы, вступленіе на престолъ Михаила Ѳеодоровича, и раздѣлить временемъ Іоанна III все пространство отъ начала Руси до Петра Великаго на двѣ отличныя половины, мнѣ кажется ошибкою, тѣмъ болѣе важною, что отъ этого зависитъ неправильное воззрѣніе какъ на общій ходъ событій, такъ и на частныя подробности: ибо авторъ долженъ былъ придерживаться главной идеи, принятой имъ за основаніе.

Отличительнымъ характеромъ Древней Исторіи, говоритъ Карамзинъ, была система удѣловъ. Я согласенъ, что право удѣльное опредѣляло порядокъ престолонаслѣдія и взаимныя отношенія членовъ господствующей фамиліи; но 1) справедливо ли принимать одно право престолонаслѣдія основаніемъ историческаго дѣленія? не слѣдуетъ ли обращать вниманія на другія обстоятельства? особенно когда видимъ, что удѣльная система была господствующимъ явленіемъ, источникомъ событій только отъ Ярослава до Монголовъ; до Ярослава же, главнымъ явленіемъ было быстрое расширеніе Норманскаго господства надъ Славянами и основаніе Руси, а съ покореніемъ отечества Монголами, начался раз-

дѣль Руси на Восточную и Западную и образовались два могущественныя государства, Московское и Литовское. 2) Право удѣльное господствовало у насъ до самаго прекращенія Рюриковой династїи въ лицѣ Царевича Дмитрія Углицкаго, послѣдняго Удѣльнаго Князя. Слѣдовательно, въ такомъ случаѣ удѣльная система будетъ служить отличительнымъ характеромъ нашей Исторїи не до половины XV вѣка, а полтораста лѣтъ долѣе, до конца XVI вѣка. Вы скажете, что послѣ Іоанна III ее замѣнили иныя пружины; я отвѣчаю: то же самое было до Ярослава, то же самое при Монголахъ, особенно если не упустимъ изъ вида западной Россїи, гдѣ удѣльная система рушилась за 100 лѣтъ до Іоанна III.

Касательно идеи Карамзина о Средней Исторїи, или о пространствѣ времени отъ Іоанна III до Петра Великаго, мы уже выше замѣтили, что этого названія не лзя допустить въ смыслѣ перехода отъ древняго порядка вещей къ новому, тѣмъ болѣе, что здѣсь не было аналогическихъ явленій съ папизмомъ и феодализмомъ. Переходъ отъ древняго міра къ новому у насъ былъ дѣйствительно; но онъ совершился въ одно царствованіе Петра Великаго, въ началѣ XVIII вѣка: здѣсь предѣлъ древняго Русскаго міра и начало тѣхъ элементовъ, изъ коихъ образовалась нынѣшняя сфера наша. Неправильно будетъ названіе Средней Исторїи и

въ томъ смыслѣ, какой даетъ ей Карамзинъ, сказавъ, что отличительною чертою ея было стремленіе къ самодержавію. Это стремленіе родилось въ умѣ Іоанна Калиты, живо обнаружилось при Дмитріи Донскомъ и достигло своей цѣли при Іоаннѣ III. Съ тѣхъ поръ самодержавіе принято за непремѣнное условіе бытія Русской Державы, такъ точно, какъ Христіанская вѣра Греческаго исповѣданія. Напрасно будемъ приводить въ примѣръ Іоанна IV: Іоаннъ допустилъ на нѣсколько лѣтъ управлять собою Сильвестру и Адашеву, не думавшимъ о правѣ удѣльномъ; но какъ скоро онъ изъявилъ намѣреніе править самъ, никто съ нимъ не спорилъ. Если же Іоаннъ губилъ вельможъ, истреблялъ княжескія поколѣнія, то онъ же губилъ слабыхъ женщинъ, служителей своихъ, иноковъ, родныхъ, наконецъ умертвилъ и собственнаго сына. Слѣдовательно, въ дѣйствіяхъ его обнаруживается не потребность вѣка, а причудливость нрава. Самъ авторъ видѣлъ невозможность держаться принятой имъ идеи: ибо чѣмъ наполнилъ онъ рассказъ отъ начала XVI, даже отъ половины XV вѣка, до начала XVII столѣтія? Войнами съ Монголами, съ Польшею, Ливонскимъ Орденомъ, съ Швеціею, отчасти дѣйствіями внутренняго управленія.

Онъ измѣнилъ своей идеѣ однакожь только въ Средней Исторіи; въ Древней хотѣлъ быть вѣрнѣе

принятымъ началамъ, и впалъ въ другую, не менѣе важную ошибку. Все пространство времени отъ Рюрика до половины XV вѣка представляетъ непрерывную цѣль княжескихъ междоусобій, описанныхъ со всѣми мелочными подробностями: ни одно движеніе самаго ничтожнаго Князя не оставлено безъ вниманія, если только оно сохранилось въ лѣтописяхъ, между тѣмъ, какъ другіе важнѣйшіе предметы, имѣвшіе рѣшительное вліяніе на судьбу нашего отечества, замѣчены слегка, какъ будто вскользь, и то въ связи съ удѣльными браками. Въ доказательство моихъ словъ, укажу на главныя явленія, упущенныя имъ изъ вида.

1) Авторъ принимаетъ за истину, что Норманны положили въ землѣ Славянской начало Руси; слѣдовательно, какъ виновники бытія Русской Державы, они заслуживали самаго тщательнаго вниманія бытописателя. Мы вправѣ требовать, чтобы онъ далъ ясную идею о Норманнахъ, о характерѣ ихъ дѣйствій въ другихъ странахъ Европы, о правилахъ, коимъ они слѣдовали, утверждая свое господство, объ отношеніяхъ побѣдителей къ покореннымъ, о томъ, что они могли ввести въ покоренныя страны и что сами могли заимствовать, и проч. Въ такомъ случаѣ, читатель былъ бы въ состояніи смотрѣть съ правильной точки зрѣнія на первые два вѣка своего отечества, когда брошены

были смена послѣдующихъ явленій. Вмѣсто того, въ *Исторіи государства Россійскаго* хитрости Ольгины описаны со всѣми подробностями сказки, даже съ догадками и предположеніями; о Норманнахъ мы находимъ нѣсколько словъ. Возраженіе, что авторъ не могъ дополнить лѣтописей, рассказывающихъ о началѣ Руси весьма кратко, будетъ неосновательно: Эверсъ, рассматривая тотъ же предметъ, только въ одномъ отношеніи къ развитію права, нашелъ средства дать ясную идею о господствѣ Норманновъ.

2) Столь же мало развито понятіе о слѣдствіяхъ введенія Христіанской вѣры Греческаго исповѣданія и о вліяніи Византіи. Можно ли умолчать объ этомъ предметѣ, когда размыслимъ, что со введеніемъ Греческаго исповѣданія, судьба нашего отечества приняла совершенно отличное направленіе отъ судьбы западныхъ народовъ, что вѣра Христіанская Греческаго закона, при самомъ началѣ, посредствомъ перевода Библіи на Славянскій языкъ, слилась съ Русскою жизнію и составила первое, главнѣйшее условіе нашей народности, и что наконецъ изъ Византіи заимствовано все устройство нашей іерархіи, столь сильно дѣйствовавшей во всѣхъ Христіанскихъ государствахъ на гражданскую участь народовъ! Авторъ слегка намѣкаетъ на означенные нами предметы; но этого мало. По

самому свойству, подобныя явленія должны стоять на первомъ планѣ, а не въ тѣни.

3) Къ той же категоріи относится владычество Монголовъ надъ Русскою землею; недостатки изложенія тѣ же. Здѣсь упущены два обстоятельства: первое, какъ властвовали Монголы, почему оставили Русскихъ Князей на престолахъ, отъ чего сами не поселились въ нашемъ отечествѣ, въ какихъ отношеніяхъ были къ Князьямъ, до какой степени вмѣшивались во внутреннее управленіе; второе, какія были слѣдствія Монгольскаго ига, какъ долго они сохранялись, когда исчезли, или замѣтны и донынѣ. Авторъ говоритъ о послѣднемъ обстоятельствѣ; но упустивъ изъ вида первое, онъ не могъ вполне объять втораго. Въ его сочиненіи нѣтъ даже связной Исторіи Золотой Орды, между тѣмъ, какъ она властвовала надъ нами и была главною пружиною важнѣйшихъ явленій. Нельзя оправдываться недостатками матеріаловъ: изъ записокъ однихъ Латинскихъ миссіонеровъ можно сдѣлать многіе выводы, не говоря объ источникахъ восточныхъ.

Здѣсь однакожъ кстати повторить прежнее наше замѣчаніе: мы не думаемъ обвинять Карамзина. Онъ совершилъ такой подвигъ, что поистинѣ нельзя не удивляться ему, — и упрекать его, почему онъ

не сдѣлать того, другаго, было бы несправедливо. Чтобы написать одну Исторію Золотой Орды, потребуется, можетъ быть, по крайней мѣрѣ половина труда и времени, употребленнаго Карамзинымъ на сочиненіе 12 томовъ; онъ сдѣлалъ все, что могъ, и безъ сомнѣнія болѣе, чѣмъ ожидали современники, при необработанности нашихъ матеріаловъ. Мы разсуждаемъ только о томъ, въ какомъ положеніи находится наша прагматическая Исторія, какіе видимъ въ ней недостатки, и ма что надобно обратить особенное вниманіе новыхъ тружениковъ.

Но если мы не вправѣ требовать отъ Карамзина огромныхъ ученыхъ разысканій, едва ли даже возможныхъ при тогдашнемъ положеніи матеріаловъ, то съ другой стороны вправѣ желать болѣе отчетливости, болѣе системы въ изложеніи самыхъ фактовъ. Не забудемъ, что искусство изображать событія считалъ самъ исторіографъ главнымъ достоинствомъ бытописателя, выше всякой учености. Въ какой же степени красоты изложенія выкупаютъ недостатки общаго плана?

Искусство разсказа, по моему понятію, состоитъ въ счастливомъ талантѣ новѣстствователя: говорить плавно, ясно, сообразно съ предметомъ; сдѣлать все случаи или факты непрерывною цѣлью; давать

каждому изъ нихъ свой вѣсь; удачно опредѣлять тотъ моментъ, когда положеніе дѣлъ измѣняется; наконецъ въ повѣствованіи такихъ случаевъ, гдѣ на сценѣ являются въ одно время многіе дѣйствователи, каждому изъ нихъ указывать свое мѣсто, и притомъ слѣдить не столько лица, сколько общій ходъ событій. Прилагая эти начала къ разсказу Карамзина, я нахожу слѣдующее: слогъ его въ полномъ смыслѣ заслуживаетъ названіе образцоваго, по чистотѣ, ясности, точности языка и по сообразности съ предметомъ. Если авторъ пойметъ свой предметъ, онъ разскажетъ такъ, что самъ Титъ-Ливій не превзойдетъ его. Звучные, стройные періоды Карамзина, гдѣ каждое слово на своемъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ничего лишняго, ничего неумѣстнаго, тѣмъ болѣе неправильнаго, доселѣ служатъ образцомъ Русскаго слога и превосходнѣйшею школою для молодыхъ писателей. Можно ручаться, что *Исторія государства Россійскаго* всегда будетъ стражемъ нашего языка противъ всѣхъ усилій истерзать его нововведеніями.

Но, разсматривая порядокъ изложенія, я встрѣчаю весьма важные недостатки. Авторъ ведетъ не нить событій, постепенно обнаруживавшихся въ нашемъ отечествѣ, а рядъ Великихъ Князей и Царей. Сообразно принятому имъ плану, каждая глава его *Исторіи* заключаетъ въ себѣ не общее какое ни-

будь явленіе, что нибудь цѣлое, образовавшееся изъ многихъ частныхъ событій и господствовавшее въ извѣстныхъ границахъ, а біографію Великаго Князя или Государя. Онъ рассказываетъ, напрямѣръ, о Владимірѣ Мономахѣ: говорить, какъ Владиміръ вступилъ на престолъ, какъ онъ княжилъ въ своихъ удѣлахъ, что въ то же время происходило въ другихъ княжествахъ, хотя Владиміръ тамъ и не господствовалъ; какіе издалъ законы, какъ умеръ, и что наконецъ еще замѣтили лѣтописцы объ его времени: были ли перемѣны въ церкви, случались ли знаменія небесныя, засухи и т. п., потомъ начинаетъ главу о сынѣ его, Мстиславѣ Великомъ, и рассказываетъ объ немъ въ томъ же порядкѣ, подводя событія разныхъ удѣльныхъ княжествъ подъ одинъ извѣстный годъ. Такой планъ изложенія утомителенъ и для автора и для читателя. Авторъ встрѣчаетъ величайшее затрудненіе соединить разнообразныя случаи въ одну раму, особенно, если хочетъ показать еще взаимную связь ихъ. Ему остается держаться тона лѣтописнаго; иначе онъ впадетъ въ погрѣшности, если захочетъ связать факты не хронологіею, а прагматизмомъ. Тѣмъ тягостнѣе читателю, который, не имѣя никакой нити къ соображенію, не въ силахъ постигнуть, отъ чего все это было и къ чему все это ведетъ, что рассказываетъ авторъ. Кромѣ того, неизбѣжна безпрестанная перемѣна

сцены дѣйствія: на примѣръ, одинъ Князь Черниговскій жилъ въ правленіе трехъ Великихъ Князей Суздальскихъ: авторъ принужденъ обращаться къ нему 6, 10 разъ, оставлять его и снова выводить на сцену, единственно отъ того, чтобы показать случаи одного года, хотя не имѣющіе ни какой связи между собою. — Неудобства этого плана въ особенности ощутительны при описаніи событій XI, XII и XIII столѣтій: никакая память не въ силахъ объять того, что рассказываетъ исторіографъ объ удѣльныхъ браняхъ. Князья являются, спорятъ, толпятся, исчезаютъ, уступаютъ мѣсто другимъ Князьямъ; чѣмъ ближе къ Монголамъ, тѣмъ труднѣе сообразить ходъ событій. Между тѣмъ не надобно думать, чтобы удѣльный періодъ былъ такъ запутанъ и непонятенъ: должно только слѣдить общее направленіе событій и не привязывать ихъ къ одному лицу Князей Суздальскихъ. Ниже я постараюсь доказать это положеніе.

Раздѣленіе Исторіи на главы по царствованіямъ Государей, можно допустить со временъ Іоанна Калиты, когда все становится дѣломъ отдѣльнаго лица; но и здѣсь, описывая правленіе какого нибудь Государя, необходимо вести болѣе прагматическую нить, нежели хронологическую. Первый вопросъ — какое значеніе извѣстнаго Государя, на примѣръ Іоанна III, въ нашей Исторіи? Второй —

какими средствами дѣйствовалъ Іоаннъ и какъ дѣйствовалъ? Авторъ видитъ въ немъ Государя великаго, уничтожившаго удѣльную систему, покорившаго Новгородъ, свергнувшаго иго Монголовъ, познакомившаго Россію съ Европою, наконецъ мудраго строителя державы. Идея справедливая, при всей неполнотѣ ея; но прочтите Исторію Іоанна, вникните во всѣ дѣла его: въ умѣ нашемъ останется совсѣмъ не тотъ порядокъ явленій, какого держался исторіографъ. Въ вашей памяти рѣзко запечатлѣются слѣдующія явленія: прежде всего остается мысль о раздѣленіи отечества на многіе удѣлы; далѣе вы видите постепенное уничтоженіе этихъ удѣловъ, потомъ рѣшительный ударъ, нанесенный Новгороду; послѣ того постепенное сверженіе ига; борьбу съ родомъ Гедиминова за Русь западную; начало тѣсной связи съ Европейскими Государями, и такъ далѣе. Раскрытіе этихъ явленій надлежало, по моему мнѣнію, представить какъ нѣчто цѣлое, въ отдѣльныхъ картинахъ, именно потому, что они большею частію не сдѣлялись одно съ другимъ и развивались въ своей сферѣ. Всѣ они происходили изъ одной мысли Іоанна — о необходимости сосредоточить Русскую землю въ одно самостоятельное, независимое государство; но каждое шло своею полосой. Слѣдовательно, безпрестанно разрывать ихъ, единственно для того, что въ такомъ-то году случилось то-то и то-то, значить

писать не прагматическую Исторію, а Лѣтопись, чего не желалъ однако авторъ. Если бы онъ вѣлѣ нить событій однородныхъ, то не впалъ бы во многія погрѣшности. Напримѣръ, въ самомъ началѣ Исторіи Іоанна, представляя всеобщее уныніе народа, послѣ предшествовавшихъ бѣдствій при Василии Темномъ, увеличившееся мыслию о близкомъ концѣ міра, авторъ говоритъ, что Великій Князь хотѣлъ ободрить народъ и предпринялъ походъ на Казань. Но, во 1) едва ли война можетъ служить ободреніемъ народу; во 2) всѣ послѣдующія дѣйствія Іоанна служатъ доказательствомъ, что покореніе Казани онъ считалъ однимъ изъ главныхъ средствъ къ сверженію ига, напрягалъ всѣ усилія для ея обузданія и достигъ своей цѣли, Слѣдовательно, Казанскія войны его имѣютъ высокое значеніе и тѣсно связаны не съ мыслию о преставленіи свѣта, а съ рѣшительнымъ намѣреніемъ освободить Россію отъ Монголовъ. Приведу другой примѣръ: въ слѣдъ за описаніемъ неудачнаго похода Ахматова на Россію, авторъ говоритъ: «вскорѣ послѣ того Великій Князь и всѣ Москвитяне были огорчены преждевременною кончиною Юрія Васильевича.» Если бы цѣлью его сочиненія было показать, когда радовался и печалился Іоаннъ, извѣстіе о смерти Юрія было бы на своемъ мѣстѣ; но авторъ желалъ изобразить, что было и какъ было въ нашемъ отечествѣ: смерть Юрія была важнымъ событіемъ

для удѣльной системы; Великій Князь присоединилъ его города къ своей отчинѣ. Конечно, послѣдовательный, хронологическій порядокъ событій есть необходимое условіе историческаго сочиненія; но онъ измѣняется по цѣли автора: большое различіе, пишетъ ли онъ Лѣтопись, или прагматическую Исторію. Въ первомъ случаѣ, онъ обязанъ слѣдить день за день и обращать вниманіе на порядокъ времени, не думая о разнородности событій; во второмъ, онъ размѣщаетъ факты на извѣстные разряды и показываетъ взаимное вліяніе одного на другой. Приведу еще одинъ примѣръ: въ числѣ событій времени Василия Темнаго описанъ Флорентійскій соборъ весьма подробно. Этотъ случай чрезвычайно важенъ въ нашей Исторіи, но въ отношеніи не къ Василию Темному, а къ судьбѣ западной Россіи, какъ зародышъ Уніи, которая также рассказана не у мѣста въ Исторіи Феодора Іоанновича, между тѣмъ, какъ она имѣла рѣшительное, прямое вліяніе на судьбу не Московскаго государства, а Литовскаго княжества.

Въ подтвержденіе моихъ мыслей о недостаткахъ прагматическаго изложенія Исторіи государства Россійскаго, я обратилъ вниманіе на тѣ части, которыя лучше другихъ отдѣланы. Если бы разсматривать слабѣйшія мѣста, напримѣръ удѣльный періодъ, мы увидѣли бы еще болѣе несообразностей. Довольно

замѣтить, что авторъ, описывая XII и XIII столѣтія, выставляетъ на первомъ планѣ обыкновенно Князей Суздальскихъ, какъ будто они властвовали надъ всею Русскою землею; между тѣмъ ходъ событий удостовѣряетъ, что въ Русской землѣ въ началѣ XIII столѣтія было по крайней мѣрѣ 10 системъ или государствъ, раздѣленныхъ на многіе удѣлы и имѣвшихъ своего Великаго Князя. Многіе изъ нихъ, напримѣръ, Галицкіе Великіе Князья играли роль важнѣе Суздальскихъ.

Сообразивъ все вышесказанное, я вывожу слѣдующее положеніе: Карамзинъ заставилъ насъ забыть почти всѣхъ предшествовавшихъ ему бытописателей и оказалъ величайшую услугу отечественной Исторіи тѣмъ, что онъ привелъ въ извѣстность почти всѣ ея источники, выбралъ изъ нихъ факты съ рѣдкою отчетливостію и добросовѣстностію, не упустивъ ни одной черты, ни одного замѣчательнаго слова; представилъ событія въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ и приготовилъ матеріалы для прагматическаго бытописателя. Трудъ его всегда будетъ украшать нашу Словесность, какъ богатѣйшій запасъ историческихъ свѣдѣній, изложенныхъ самымъ изящнымъ слогомъ. Но прагматическій бытописатель долженъ искать въ немъ однихъ фактовъ, и каждую догадку или предположеніе его подвергать строгой исторической критикѣ: ибо въ

слѣдствіе принятаго исторіографомъ плана, при недостаткѣ критическаго воззрѣнія, выводы его не всегда могли быть вѣрны.

Оправдывая незабвеннаго исторіографа самою огромностію предпринятаго имъ труда, и признавая въ немъ явный перевѣсъ достоинствъ надъ недостатками, мы тѣмъ болѣе вправѣ судить строго современнаго намъ писателя, автора *Исторіи Русскаго народа*, который, рѣшившись написать прагматическую Исторію послѣ Карамзина, имѣлъ гораздо болѣе готовыхъ матеріаловъ, открытыхъ какъ путешественникомъ его, такъ и другими учеными изыскателями. Мы не станемъ входить въ подробное изслѣдованіе его сочиненія, считая достаточнымъ опредѣлить, лучше ли Карамзина понималъ онъ отечественную Исторію, чего искалъ въ ней, что нашелъ и какъ представилъ найденное имъ!

Полевой писалъ не Исторію государства Россійскаго, какъ того хотѣлъ Карамзинъ, а *Исторію Русскаго народа*. По мнѣнію его, въ словахъ *Русское государство* заключалась главная ошибка прежнихъ писателей: «Государство Русское, говоритъ онъ, начало только существовать со времени сверженія ига Монгольскаго. Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ, Аскольдъ, Диръ и Рогволодъ основали не одно, но отдѣльныя, разныя государства. Три

«первые были соединены Рюрикомъ; съ переселеніемъ Олега въ Кіевъ, послѣдовало отдѣленіе сѣверной Руси и образованіе оной въ видѣ республики. Кіевское государство, усиленное Игоремъ, Ольгою, Святославомъ, Владиміромъ и Ярославомъ, дѣлалось потомъ особо отъ сѣвера и представляло особую систему феодальныхъ Русскихъ государствъ. При такомъ взглядѣ, заключаетъ авторъ, измѣняется совершенно вся Древняя Исторія Россіи, «и можетъ быть только Исторія Русскаго народа, «а не Исторія Русскаго государства.» Вотъ всѣ доводы, на коихъ онъ утвердилъ основную идею объ отечественной Исторіи. Если даже признать ихъ удовлетворительными, то автору слѣдовало кончить свой трудъ половиною XV вѣка; отъ сего же времени говорить не о народѣ, а о государствѣ; между тѣмъ онъ намѣренъ довести свое сочиненіе до нашихъ временъ, подъ прежнимъ заглавіемъ, хотя самъ же признается, что со времени Іоанна III идетъ Исторія государства, а не народа. Мнѣ кажется, здѣсь явная несообразность.

Кромѣ того, нельзя принять изложенныхъ имъ доводовъ основаніемъ и той мысли, что до половины XV вѣка мы видимъ народъ, а не государство. Что такое государство? Соединеніе поколѣній одного извѣстнаго племени или нѣсколькихъ племенъ въ одно гражданское общество, имѣющее свои законы,

свою вѣру и управляемое :верховною властію. Допустимъ, что въ первые шесть или семь вѣковъ бытія Руси было въ ней нѣсколько такихъ обществъ, возникшихъ въ Славянскомъ племени и основанныхъ Норманнами: значить, что Русь была раздѣлена на нѣсколько государствъ, въ чемъ согласенъ и самъ авторъ; слѣдовательно, надлежало только говорить не объ одномъ, а о многихъ государствахъ; или справедливѣе, надобно было писать Исторію Руси, не страны и не народа, а государства, подвластнаго одной господствующей фамиліи, раздѣленнаго сначала, по удѣльному праву, между многими владѣтелями одного дома, въ послѣдствіи между двумя отраслями, между поколѣніемъ Іоанна Калиты и домомъ Гедемина. Все будетъ рѣчь о государствахъ, или, если угодно, о государствахъ, а не о народѣ. По смыслу Русскаго языка, Исторія народа можетъ быть въ такомъ только случаѣ, когда главнымъ дѣйствующимъ лицомъ будетъ народъ, такъ точно, какъ напримѣръ, Исторія Петра Великаго, Фридриха II, Французской Революціи. У Полеваго народъ также рѣдко является на сценѣ, какъ и у Карамзина — и весьма естественно: все зависѣло отъ Князей; народъ, исключая одного Новгорода и частію Пскова, былъ въ сторонѣ.

Но этого мало: въ самыхъ доводахъ автора нѣтъ исторической истины; онъ говорить: во 1) что въ

самомъ началѣ основано не одно, а шесть отдѣльныхъ Русскихъ государствъ. Мнѣніе несправедливое: государства Рюриково, Синеусово, Труворово составляли одну державу, сперва раздѣленную между тремя братьями, по праву удѣльному, потомъ чрезъ два года соединившуюся въ одно цѣлое, по смерти двухъ братьевъ. О Рогвольдѣ Полоцкомъ сказаніе лѣтописи слишкомъ неясно и неопредѣлительно, чтобы изъ него вывести какой нибудь положительный фактъ. Во многихъ лѣтописяхъ именно сказано, что Полоцкъ принадлежалъ Рюрику. Аскольдъ и Диръ дѣйствительно при Рюрикѣ правили въ Кіевѣ отдѣльно отъ Новгородскаго Князя, только не разнo, а вмѣстѣ; но эта отдѣльность ихъ государствъ отъ Рюрикова, или Кіевскаго отъ Новгородскаго, не подтверждаетъ мнѣнія автора о множествѣ Русскихъ государствъ въ самомъ началѣ; она противорѣчила понятіямъ Норманновъ о правѣ господства въ Русской землѣ: за что Олегъ умертвилъ Аскольда и Дира? онъ сказалъ имъ: вы не Князи, ни Бояре, т. е. не были ни членами господствующей фамилии, коей исключительно принадлежала верховная власть, ни намѣстниками ея. Значить присвоеніе Аскольдомъ и Диромъ власти надъ Кіевомъ не имѣло по тогдашнему понятію законнаго основанія, казалось мятежемъ, и Олегъ вступилъ въ Кіевъ безъ сопротивленія. Согласимся даже, что при Рюрикѣ основано 6, 10, 12 Норманскихъ го-

сударствъ: но долгомъ они существовали независимо! не всѣ ли они при первомъ преемникѣ Рюрика, при Олегѣ, слились въ одно цѣлое (исключая, можетъ быть, только Полоцкѣ)? Такъ было дѣйствительно: была одна Русь, подвластная одному дому. Вся разность заключалась въ современномъ понятіи о порядкѣ престолонаслѣдія: до Іоанна III, или справедливѣе до Дмитрія Донскаго, право на верховную власть принадлежало всѣмъ членамъ Княжескаго дома; послѣ Дмитрія, въ особенности послѣ Іоанна, установилось право одного лица, переходившее отъ отца къ сыну; слѣдовательно, до половины XIV вѣка было Русское государство, раздѣленное по удѣльному праву между многими владѣтелями одного дома Владиміра св. 2) Столь же неосновательно мнѣніе автора объ отдѣленіи сѣверной Руси отъ южной и образованіе оной въ видѣ республики, послѣ того, какъ Олегъ утвердился въ Кіевѣ. Вникните въ Исторію Новгорода: Великіе Князья Кіевскіе до половины XII вѣка отдають его въ удѣлъ отчасти своимъ дѣтямъ, отчасти Князьямъ другихъ поколѣній, такъ точно, какъ они раздавали города въ другихъ областяхъ. Новгородъ, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, пользуясь междоусобіями дома Владиміра св., старается ограничить своего Князя, успѣваетъ въ томъ, не прежде однакожъ, какъ чрезъ 250 лѣтъ послѣ начала Руси, но никогда не можетъ обой-

тись безъ Князя изъ рода Владиміра св. и въ особенности изъ такого поколѣнія, которое было первенствующимъ: выбираетъ только такихъ, которые общаются не нарушать грамматъ, дарованныхъ Ярославомъ. Вся разность Новгорода отъ Кіева, Суздаля, Галича, въ томъ, что Новгородскій Князь имѣлъ власть ограниченную, Кіевскій, Галицкій, Суздальскій правилъ самодержавно: значить ли это — отдѣленіе сѣверной Руси отъ южной!

Мы коснулись только главной идеи автора о Русской Исторіи. Изслѣдуемъ, какъ онъ смотрѣлъ на ходъ событій, или на тѣ общія явленія, кои, составляясь изъ частныхъ, опредѣляютъ характеръ Исторіи. Вотъ его основныя мысли: «я не принялъ, говоритъ онъ, для періодовъ Исторіи Русскаго народа, ни дѣленія Шлецерова, ни дѣленія Карамзина, и въ слѣдствіе основной мысли (т. е. что можетъ быть только Исторія народа, а не государства), главы Исторіи дѣлилъ не княженіями, но событіями. Полагая, что съ Ярославомъ кончилась Норманская феодальная система, намъ должно оканчивать первый періодъ смертью Ярослава. Отселѣ особый характеръ Русской Исторіи, кончающійся нашествіемъ Монголовъ: періодъ второй; періодъ третій составляетъ порабощеніе подъ иго Монголовъ и освобожденіе отъ онаго. Сей періодъ продолжается до Іоанна III. Съ нимъ на-

«чинается періодъ четвертый: является одно Русское государство, ибо княженіемъ Василія Темнаго «оканчивается послѣдняя борьба междоусобій удѣльных. Сей періодъ заключается Петромъ Великимъ. «Петръ началъ пятый, Европейскій, періодъ Русской Истории.» Слѣдовательно, главные явленія нашей Истории, по словамъ Полеваго, суть: до Ярослава — Норманская феодальная система; отъ Ярослава до Монголовъ — какой то особый характеръ, неопредѣленный авторомъ; отъ перваго нашествія Монголовъ до Іоанна III — поработеніе и сверженіе ига; отъ Іоанна до Петра Великаго — явленіе одного государства; отъ Петра до нашего времени — Европейскій періодъ.

Такое раздѣленіе основано на Шлецеровомъ, съ тѣмъ различіемъ, что Шлецеръ смотрѣлъ на Россію, какъ на общество, которое сперва возникаетъ, потомъ дѣлится, далѣе признаетъ власть чужаго народа, послѣ того одолеваетъ своихъ враговъ, наконецъ процвѣтаетъ. Шлецеръ былъ вѣренъ по крайней мѣрѣ основной мысли и дѣленіе его логически правильно, согласуясь въ характеристикѣ каждого періода до извѣстной степени съ ходомъ событій. Дѣленіе Полеваго не такъ отчетливо. Излишнимъ считаю говорить, что первое условіе логическаго дѣленія есть опредѣлительность извѣстнаго начала, которое мы примѣняемъ къ дѣлимому

предмету, и смотря по разности, рассматриваемой съ одной точки зрѣнія, раздробляемъ его на части. Этого правила держался Шлецеръ; тому же правилу слѣдовалъ и Карамзинъ. Трудно опредѣлить, съ какой точки смотрѣлъ на Россію Полевой: судя по названію перваго періода, можно было бы предполагать, что онъ приметъ за начало своей классификаціи образъ правленія; но, давъ второму періоду какой то особый, неизвѣстный характеръ, онъ не объяснилъ, съ какой точки смотрѣлъ на время отъ Ярослава; въ третьемъ, онъ видитъ поработеніе и сверженіе ига: слѣдовательно, смотритъ на Монгольское время въ отношеніи не къ праву господства, а къ общему состоянію государства: ибо иго касалось не одного права, а всѣхъ условій гражданскихъ. Означивъ характеръ четвертаго періода словами — является одно государство, — онъ выводитъ опять новое начало, не основанное ни на правѣ, ни на понятіи о судьбѣ Русской земли: это одно государство было Московское; оно заключало въ себѣ только восточную половину Руси Ярославовой: какая же была участь западной, авторъ не говоритъ. Притомъ же одно государство было и въ пятомъ періодѣ, который бытописатель называетъ Европейскимъ, рассматривая судьбу Россіи опять съ иной стороны. Надѣюсь, что замѣчанія мои нельзя назвать привязками къ словамъ: едва ли есть наука, которая требовала бы болѣе,

чѣмъ Исторія, точности и логической правильности въ словахъ. Не то ли самое будетъ, если мы, разсуждая объ Исторіи какого нибудь города, скажемъ: въ судьбѣ его замѣчаемъ пять главныхъ периодовъ; въ первомъ періодѣ онъ былъ управляемъ многими градоначальниками; во второмъ имѣлъ особый характеръ; въ третьемъ былъ поработенъ дикимъ народомъ и освободился отъ ига; въ четвертомъ является одинъ, не сказавъ однако, что цѣлая половина его досталась въ чужія руки; въ пятомъ получаетъ Европейское устройство. — Не покупаетъ ли по крайней мѣрѣ историческая вѣрность недостатки логики? Разсмотримъ.

До Ярослава, по мнѣнію Полеваго, господствующимъ явленіемъ была Норманская феодальная система. Это значитъ, что феодализмъ былъ главною пружиною; слѣдовательно, мы остаемся въ надеждѣ увидѣть особеннаго рода лены, феодалы, вассаловъ, споры Князей съ боярами, и тому подобное. Только при такихъ условіяхъ, можемъ сказать, была феодальная система. Но ходъ первыхъ нашихъ событій не обнаруживаетъ и тѣни феодализма; въ Русскомъ языкѣ не сохранилось ни одного слова равносильнаго съ ленами и феодалами. Правда, въ Лѣтописи сказано, что Рюрикъ и Олегъ раздали своимъ мужамъ извѣстные города, да и только, это ничто иное, какъ посадники; они не дѣйству-

ютъ; вездѣ является одно лице, Князь. Если даже допустить, что Норманны принесли феодальныя понятія, и въ такомъ случаѣ не феодализмъ, а совершенно другія явленія господствуютъ въ первомъ періодѣ, именно: быстрое расширеніе власти одного дома въ землѣ Славянской, сліяніе восточныхъ Славянъ въ одинъ народъ Русскій, получившій свою вѣру, свои уставы. Всѣ эти явленія образуютъ одно — *основаніе Руси*, т. е. такой державы, въ коей верховная власть принадлежала исключительно одному дому Рюрика, и притомъ всѣмъ членамъ его фамиліи въ мужскомъ колѣнѣ, державы, въ коей господствуетъ Греческій законъ, устанавливается языкъ письменный, народный, есть уставы. Самъ авторъ въ изложеніи перваго періода говоритъ то же самое и нѣсколько разъ повторяетъ, что уже при Святославѣ не было признаковъ феодальной Варяжской аристократіи: слѣдовательно, эта мнимая феодальная система прекратилась задолго до Ярослава.

Особый характеръ, по его выраженію, втораго періода, какъ видно изъ самаго разсказа, состоятъ въ удѣльной системѣ. Черта правильная, но взглядъ на удѣльную систему едва ли сообразенъ съ ходомъ событій. Авторъ раздѣляетъ ее на двѣ половины 1157 годомъ, или перенесеніемъ великаго княжества изъ Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ.

Въ самомъ дѣлѣ 1157 годъ, годъ смерти Юрія Долгорукаго, весьма достопамятенъ, только не потому, что перенесенъ великокняжескій престолъ изъ Кіева во Владиміръ, а потому, что съ сего времени мысль о первенствѣ Великаго Князя исчезла и политика Русскихъ Князей сосредоточилась не въ одномъ Владимірѣ, а во многихъ пунктахъ, въ Галичѣ, во Владимірѣ Волынскомъ, въ Черниговѣ, въ Новгородѣ Сѣверскомъ, въ Полоцкѣ, въ Смоленскѣ и въ др. городахъ; Русь раздѣлилась на нѣсколько системъ, отдѣльных міровъ, изъ коихъ каждый имѣлъ свою сферу, свое средоточіе, принадлежалъ извѣстному роду, въ потомствѣ Владиміра св., имѣлъ своихъ Князей Великихъ и Удѣльных. Въ этихъ мірахъ повторялась прежняя Исторія Ярославичей и Мономаховичей; сверхъ того, они еще сталкивались другъ съ другомъ за право владѣнія Новгородомъ и Кіевомъ. Слѣдовательно, надлежало обозрѣвать каждую систему отдѣльно, какъ нѣчто цѣлое, а не сводить всѣ событія въ одну раму, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ Князь Владимірскій, ограничившій свою власть предъ нашествіемъ Монголовъ одною Суздальскою областію.

Принятый авторомъ планъ изложенія удѣльных событій противорѣчитъ собственному его понятію (впрочемъ неправильному) объ удѣльномъ періодѣ: онъ видитъ въ немъ рѣшительное расторженіе един-

ства Руси. Если такъ, опять спрашиваю, для чего же привязывать всѣхъ Князей къ одному Князю Владимірскому, бывшему слабѣе и Галицкаго и Черниговскаго, въ отношеніи къ вліянію на прочія княжества? Кромѣ того, какъ я уже замѣтилъ, самое понятіе о расторженіи единства Руси, неосновательно: это единство не исчезло, поддерживаясь только не господствомъ Князей Суздальскихъ, а другими крѣпчайшими узами. Не взирая на раздробленіе Русской земли по праву удѣльному, на непрерывныя распри Князей, даже на родовую вражду поколѣній, присвоившихъ власть наследственную, всѣ части Русской земли соединялись въ одно цѣлое, въ одинъ міръ самобытный; во всѣхъ обитателяхъ Руси выражался одинъ типъ: они говорили однимъ языкомъ, исповѣдывали одну вѣру, имѣли одно устройство внутреннее, одинъ взглядъ на вещи, одни добродѣтели и пороки, находились подъ властію одного дома. Последнее обстоятельство требуетъ поясненія: я говорю, верховная власть надъ Русскою землею принадлежала одному дому Владиміра св. Хотя родъ его раздѣлился на многія отрасли самостоятельныя, даже одна другой непріязненныя; но при всемъ раздробленіи, Князья, какъ потомки Владиміра, тщательно берегли право своего дома на обладаніе Русскою землею: если угасало одно поколѣніе, другое спѣшило занять его мѣсто. Народъ такъ былъ убѣжденъ въ законности,

въ неизбежной необходимости Княжеской власти, и притомъ одного поколѣнія, что сами Новгородцы не могли жить безъ Князя. Тѣмъ менѣе удавалось иноплеменникамъ оторвать хотя часть земли изъ того пространства, которое очертилъ Норманскій мечъ во время Владиміра св. и Ярослава мудраго. Венгры и Поляки, пользуясь раздорами Князей, неоднократно присвоивали юго-западные области Руси, но не надолго. Если одинъ Князь былъ не въ силахъ бороться съ иноплеменниками, другіе спѣшили ему на помощь, нерѣдко забывая личную вражду, и прогоняли коварныхъ сосѣдей. Такъ они дѣйствовали въ отношеніи къ Половцамъ, къ Венграмъ и Полякамъ; отнимали княжества другъ у друга, но иноземцевъ не пускали въ Русскую землю, держась правила: *не тронь нашего*. Кромѣ убѣжденія въ законномъ правѣ одного дома на верховное господство въ Русской землѣ, не исчезала мысль о необходимости единодержавія. Эта мысль обнаруживалась неоднократно, не только въ дѣйствіяхъ Владиміра Мономаха или сына его Мстислава I, но и въ политикѣ Андрея Боголюбскаго, Всеволода Великаго, Мстислава Удалаго. При такомъ положеніи дѣлъ, Русь постоянно представляла одно цѣлое, и доказывать расторженіе единства ея будетъ историческою ошибкою.

Столь же неправильно и односторонне воззрѣніе Полеваго на ходъ событій Монгольскаго періода.

Не говорю уже о томъ, что авторъ ведетъ Исторію порабощенія Руси Монголами отъ перваго столкновенія съ ними нашихъ предковъ при Калкѣ (1224), между тѣмъ, какъ оно началось съ 1243, или почти чрезъ 20 лѣтъ послѣ принятаго имъ предѣла. Обращу вниманіе на главный недостатокъ: авторъ упустилъ изъ вида большую часть Русской земли и Русскаго народа, страну, гдѣ образовалось Литовское княжество. Кто только внимательно слѣдилъ за ходомъ событій нашего отечества, видѣть, что Русь при самомъ рожденіи простиралась на западъ до истоковъ Вислы и до Нарева, что Русская жизнь до Монголовъ сосредоточивалась преимущественно въ Кіевѣ, Черниговѣ, Полоцкѣ, Минскѣ, на Волынѣ, въ Галиціи. Тамъ возникла Русь, тамъ кипѣла Русская жизнь. То же было и при Монголахъ. Полевой, со времени покоренія отечества Монголами, вперяетъ взоръ преимущественно на Суздальскую страну, описываетъ съ величайшею подробностію всѣ бывшія тамъ перемѣны, слегка говорить о юго-западной Руси и мало по малу упускаетъ ее изъ вида, какъ будто забывъ, что тамъ, за Днѣпромъ, образуется самостоятельное Русское государство, которое спорить съ Москвою за право владычества въ Русской землѣ, грозитъ завоевать и Польшу и владѣнія Ливонскаго Ордена, не страшится борьбы съ Монголами, соединяется съ Польшею, далѣе опять от-

дѣляется, спорить съ нею, и хотя въ половинѣ XVI вѣка окончательно сливается съ нею, но удерживаетъ надолго условія Русской народности.

Обо всемъ этомъ авторъ Исторіи Русскаго народа говорить мимоходомъ, какъ будто о событіяхъ чужой страны, единственно по связи ихъ съ удѣльными бранями Князей восточной Руси; даже видѣть въ обитателяхъ Литовскаго княжества какихъ то враговъ Руси, хотя сами они были чисто Русскіе. Но Исторія Литовскаго княжества, возникшаго въ Русскихъ земляхъ, сохранившаго главныя условія Русской народности, служившаго поводомъ всѣхъ почти распрей Московскихъ государей съ Королями Польскими, наконецъ возвратившагося въ лоно древняго отечества и составляющаго нынѣ неразрывную часть Россійской имперіи, Исторія этого княжества заслуживала такого же права на вниманіе бытописателя, какъ и судьба Московскаго государства, особенно если сообразить: 1) что Литовское княжество до окончательнаго соединенія съ Польшею, въ половинѣ XVI вѣка, и до начала Уніи было въ полномъ смыслѣ Русское; 2) что долго не могли рѣшить спора, кому властвовать въ Русской землѣ, дому ли Іоанна Калиты, роду ли Гедимины; 3) что соединеніе Литовскаго княжества съ Польшею было дѣломъ случая; 4) что въ обитателяхъ его, вопреки всѣмъ усиліямъ Поль-

скаго правительства, никогда не исчезала мысль о родствѣ съ Россією, или съ государствомъ Московскимъ, живо обнаружившаяся при Іоаннѣ III, Іоаннѣ IV, Феодорѣ Іоанновичѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ; 5) что Государи Московскіе тѣмъ менѣе могли отказаться отъ своихъ правъ на западную Русь; 6) что наконецъ стремленіе, съ одной стороны, къ господству во всей Русской землѣ, стараніе, съ другой, не допустить ея до соединенія, были единственнымъ источникомъ всѣхъ войнъ Россіи съ Польшею.

Карамзинъ также упустилъ изъ вида Литовское княжество. Оправданіемъ ему, впрочемъ слабымъ, служить то, что исторіографъ основалъ Исторію государства Россійскаго на біографіи Великихъ Князей и Царей, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ непрерывномъ порядкѣ. Держась этой нити, онъ велъ Царей Московскихъ за Великими Князьями Суздальскими, Князей Суздальскихъ за Кіевскими. Слѣдовательно Черниговскіе или Галицкіе Князья имѣли мѣсто въ его планѣ только по отношенію къ Государямъ Московскимъ, въ томъ же смыслѣ, какъ онъ разсматривалъ Королей Шведскихъ или Хановъ Крымскихъ; и видѣлъ въ такъ называемыхъ Литовцахъ не Русскихъ, а враговъ Россіи, столь же опасныхъ, какъ и Татары. Говорю, что такой планъ не соотвѣтствуетъ ходу событій: по

крайней мѣрѣ исторіографъ не измѣнилъ въ главномъ своей идеѣ. Но авторъ, имѣвшій цѣлю написать Исторію Русскаго народа, не вправѣ былъ оставлять безъ вниманія Литовское княжество: не взирая на случайное соединеніе его съ Польшею, оно долго сохраняло всѣ элементы Русской народности, и только послѣ долговременныхъ усилій, Польское правительство успѣло измѣнить его фizioномію, не изгладивъ ея однакожь до послѣдней черты. Показать судьбу Русскаго народа за Днѣпромъ, всѣ бѣдствія, которыя испыталъ онъ подъ игомъ Поляковъ, всю политику Римскаго двора и Варшавскихъ сеймовъ, есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ Исторіи. Рѣшеніе этой задачи чрезвычайно важно въ чистомъ историческомъ смыслѣ: ибо только въ такомъ случаѣ мы поймемъ истинныя основанія внѣшней политики Государей Московскихъ въ дѣлахъ съ Польшею, которая отъ конца XIV до конца XVII вѣка играла главную роль въ нашей Исторіи.

Изъ вышесказаннаго очевидна несообразность опредѣленія характера и четвертаго періода: авторъ говоритъ, что въ этомъ періодѣ является одно государство. Не забудьте, что онъ пишетъ Исторію Русскаго народа и долженъ говорить о судьбѣ всей Руси; государство же, которое, по его словамъ, является въ четвертомъ періодѣ, есть Мо-

сковское: но едва ли оно включало въ себя и половину Руси Ярославовой. Слѣдовательно, если даже допустить, что главнымъ явленіемъ судьбы восточной Руси съ половины XV до конца XVII вѣка было постепенное соединеніе всѣхъ областей ея въ одно цѣлое, и въ такомъ случаѣ указанный имъ характеръ будетъ неправиленъ: мы спрашиваемъ: какая же была судьба другой половины Руси, западной, не вошедшей въ составъ Московскаго государства! Сверхъ того, опредѣляютъ ли слова его характеръ времени отъ Іоанна III до Петра Великаго! Я не думаю: ибо вижу въ теченіе этого времени, съ одной стороны, постоянную борьбу Государей Московскихъ съ Монголами за право самостоятельнаго господства въ восточной Европѣ; съ другой стороны, постоянную распрю ихъ съ Польшею за право на области западной Руси; въ то же время обнаруживается дѣятельность въ устройствѣ внутреннемъ; далѣе выходятъ на сцену, въ слѣдъ за Уніею, Самозванцы; наконецъ возобновляется опять постоянная распря съ западными сосѣдями за Русскія земли, утраченныя и прежде и послѣ Самозванцевъ; кромѣ того обнаруживается ясная мысль, живѣе чѣмъ прежде, объ органическомъ устройствѣ государства въ духѣ старины. Между тѣмъ въ западной Руси дѣла идутъ своею чередою: она соединяется окончательно съ Польшею и терпитъ злосчастную долю:

ее терзають Поляки, Езуиты, Уніаты, Жидаы, Татары.

Признавая общій планъ Исторіи Русскаго народа неудовлетворительнымъ, я считаю излишнимъ разсматривать въ подробности изложеніе самыхъ событій: мое дѣло показать только основныя начала системы. Впрочемъ нельзя не замѣтить къ чести автора, что онъ болѣе всѣхъ прежнихъ бытописателей старался развить многіе предметы, тѣсно связанныя съ нашею Исторіею и обыкновенно выпускаемые изъ вида: такъ онъ весьма подробно рассказываетъ о Норманнахъ, о Монголахъ, намѣкаетъ на многое, что необходимо изслѣдовать и проч. Можетъ быть не всѣмъ понравятся размышленія его о ходѣ дѣлъ въ Европейской Исторіи и общіе философскіе взгляды на судьбу человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни правильны могутъ быть подобныя воззрѣнія, но едва ли они умѣстны: конечно, ходомъ Всемірной Исторіи мы можемъ и должны объяснять ходъ своей Исторіи; но аналогія должна быть въ головѣ автора; притомъ же Исторіею Франціи можно объяснять и дополнять Исторію Германіи или Англіи, гдѣ видимъ тотъ же папизмъ, тотъ же феодализмъ, то же рыцарство, то же сліяніе Германскаго съ Римскимъ, разумѣется въ извѣстной степени. Въ нашей Исторіи конечно дѣйствуютъ тѣ же люди, но съ самаго начала Руси,

дѣла нашего отечества приняли иной ходъ, совершенно отличный отъ Европейскаго. Далѣе, философскіе взгляды на судьбу человѣка и на Провидѣніе, въ коемъ авторъ между прочимъ видитъ главную причину нашествія Монголовъ на Россію, могутъ дополнить новыми истинами Философію, могутъ оживить слогъ повѣствователя, но не ведутъ прямо къ дѣли: намъ нужна Русская Исторія, т. е. мы хотимъ знать, что было и какъ было въ нашемъ отечествѣ, до чего довели Русь Норманны, Византійцы, Монголы, Поляки, какъ изнемогала Русь, какъ спасала себя и какъ наконецъ явилась исполиномъ въ мірѣ. ¹

1. Слѣдующій за симъ обзоръ происшествій отъ начала Руси до Іоанна III, въ видѣ плана, по которому должна быть писана Русская Исторія, здѣсь не помѣщается, потому что онъ съ большою подробностію изложенъ въ первыхъ двухъ частяхъ нашего сочиненія.

СТАТЬЯ II.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ ВОПРОСА: КАКОЕ МѢСТО ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ ДОЛЖНО ЗАНИМАТЬ ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ?

(Писано въ 1838 году,)

Основательное знаніе отечественной старины никогда не было столь ощутительною потребностію общества, какъ въ наше время: Русская Исторія имѣетъ нынѣ высокое значеніе въ кругѣ наукъ общественнаго образованія. Въ скрижаляхъ ея мы ищемъ не однихъ любопытныхъ фактовъ, плѣняющихъ воображеніе или согрѣвающихъ наше сердце, даже не одного связнаго, стройнаго раскрытія причинъ и слѣдствій, не однихъ уроковъ, которые замѣняютъ для насъ долговременную опытность: мы слѣдимъ, по ея указаніямъ, за постепеннымъ развитіемъ государственнаго организма, чтобы постигнуть основныя начала своей народности, или тѣ элементы, изъ коихъ образовалась наша жизнь

государственная, общественная и семейная; мы ищемъ въ ней отвѣта на великій вопросъ, что такое Россія? Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только сравненіемъ настоящаго съ прошедшимъ.

Не взирая однакожъ на высокое значеніе Русской Исторіи въ кругѣ наукъ нашего образованія и на постоянную заботливость ученыхъ изыскателей озарить новымъ свѣтомъ давно минувшіе вѣки, мы еще не успѣли достигнуть той степени убѣжденія, или лучше сказать, той опредѣлительности понятій, относительно многихъ историческихъ вопросовъ, которая такъ необходима для науки, такъ много содѣйствуетъ ея успѣхамъ, такъ благопріятствуетъ ея вліянію на умственное и нравственное образованіе народа. Скажемъ болѣе: едва ли есть наука, для изученія коей требовалось бы столько трудовъ, сколько напряженныхъ усилій, столько тщательныхъ изысканій и съ тѣмъ вмѣстѣ осторожныхъ соображеній, какъ Русская Исторія. Поля ея еще такъ мало воздѣланы, что рѣдкій соберетъ съ нихъ обильную жатву. Трудность приобрѣсть основательное знаніе о минувшемъ времени заключается не въ запутанности событій, даже не въ скудости матеріаловъ: первыя ясны для ума опытнаго и безпристрастнаго: вторыя до извѣстной степени удовлетворительны; она заключается преиму-

щественно въ недостаткѣ надежнаго путеводителя, который могъ бы поставить вступающаго въ святилище науки, съ перваго, такъ сказать, шагу на прямую дорогу и избавилъ бы его отъ многихъ недоумѣній. Вообще два важные недостатка замѣтны въ большей части нашихъ историческихъ изысканій: съ одной стороны, при всемъ уваженіи къ истинѣ, при всемъ безпристрастіи и трудолюбіи, мы не имѣемъ счастливаго дара переноситься воображеніемъ въ минувшіе вѣки, отдѣляться отъ современныхъ понятій и представлять событія въ истинномъ ихъ свѣтѣ и значеніи. Кому неизвѣстно, напримѣръ, какъ запутанъ нами удѣльный періодъ, имѣвшій рѣшительное вліяніе на судьбу Руси,—явленіе само по себѣ очень естественное и при всей многосложности совершенно ясное, если только вникнуть въ основныя начала его и отдѣлиться отъ несвойственныхъ ему понятій о правѣ! Мы думали найти въ удѣльномъ періодѣ феодальную систему, и результатомъ одной этой ошибки былъ неправильный, односторонній взглядъ на всю Русскую Исторію. Съ другой стороны, въ надеждѣ пролить новый свѣтъ на минувшую судьбу своего отечества, мы пытались представить событія въ иномъ видѣ, отличномъ, даже противоположномъ идеѣ современниковъ: мы захотѣли быть умнѣе своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, доказывая, что они ошибались на каждомъ шагу, и результатомъ нашихъ высшихъ взгля-

довъ было: во 1) то, что мы не пощадили даже своихъ драгоценныхъ лѣтописей, которымъ Русскіе вѣрили съ такимъ дѣтскимъ простосердечіемъ, которыя берегли они, какъ завѣтъ праотцевъ, вмѣстѣ съ книгами душеспасительными, находя въ нихъ нерѣдко отраду въ своихъ злосчастіяхъ; во 2) мы открыли, что Монголы вовсе не были лютымъ бичемъ, посланнымъ небесами, какъ думали наши предки, страдая подъ ярмомъ Татарскимъ, что нашествіе ихъ замѣнило для Русской земли крестовые походы, что они даже спасли ее отъ какихъ-то страшныхъ Литовцевъ, которые безъ нихъ завоевали бы всю Русскую землю. Въ слѣдствіе подобныхъ взглядовъ, Русская Исторія представляется уму малоопытному, не посвященному въ тайнства науки, какою-то непрерывною цѣпью задачъ, вопросовъ, противорѣчій. Нѣтъ почти событія, сколько нибудь замѣчательнаго, на которое мы смотрѣли бы съ одной опредѣлительной точки. Конечно, изслѣдованіе предмета, въ особенности историческаго, съ разныхъ сторонъ, въ высокой степени благопріятствуетъ основательности знанія; но эти изслѣдованія не должны ограничиваться одними намеками, или затѣйливыми выводами, тѣмъ менѣе могутъ основываться на доказательствахъ отрицательныхъ. Вспомнимъ, чего не наговорилъ ученый Вихманъ объ избраніи Царя Михаила Феодоровича, полагая, что всѣ акты объ этомъ важномъ событіи

въ послѣдствіи уничтожены патріархомъ Филаретомъ, и сколько толковъ не породилъ онъ въ ученой Германіи! Но акты уничтожены не были: чрезъ нѣсколько лѣтъ по изданіи его диссертациі, они найдены въ подлинникахъ и напечатаны въ Румянцевскомъ собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ. Замысловатыя предположенія Вихмана рушились сами собою, въ урокъ многимъ изъ подобныхъ изыскателей.

Къ числу задачъ, не вполне удовлетворительно нами разрѣшаемыхъ, принадлежитъ вопросъ, который, и по новости и по важности своей, достоинъ обратить на себя особенное вниманіе. Дѣло въ томъ: какое мѣсто должно занимать Литовское княжество въ Русской Исторіи? Этотъ вопросъ возникъ въ недавнее время и возбудилъ всеобщее участіе. Мнѣнія раздѣлились: съ одной стороны многіе охотно приняли мысль, что Литовское княжество, Русское по своему началу, Русское по своему составу, по массѣ народа, по вѣрѣ и языку, должно занять въ отечественной Исторіи, по крайней мѣрѣ, такое мѣсто, какое даетъ бытописатель княжеству Галицкому или Новгородскому. Съ другой стороны нашлось не мало и такихъ ученыхъ людей, которые смотрятъ на Литву и соединившіяся съ нею области, какъ на Польскія провинціи, и полагаютъ, что въ Русской Исторіи о дѣлахъ Литовскихъ на-

добно разсуждать не болѣе, ни менѣе, какъ о дѣлахъ Крымскихъ или Ливонскихъ. Впрочемъ ни та, ни другая сторона не подтвердила своего мнѣнія критическимъ изслѣдованіемъ дѣла, и вопросъ о Литовскомъ княжествѣ, подобно многимъ другимъ, остался темою для будущихъ изыскателей.

Для рѣшенія этого вопроса необходимо объяснить:

1) что такое было Литовское княжество, какъ возникло оно въ видѣ самостоятельнаго государства, какъ утратило свою самостоятельность и подпало чуждому вліянію; 2) какъ смотрѣли на него Московскіе Государи во времена его величія и паденія; 3) какъ понимали его современные писатели до конца XVII вѣка; и 4) что думали объ немъ позднѣйшіе историки наши, имѣвшіе всѣ средства соображать связь событій, причинъ, слѣдствій и отношеній. Объясненіе сихъ четырехъ пунктовъ укажетъ точку, съ которой Русскій бытописатель долженъ смотрѣть на Литовское княжество. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изслѣдованіе и изложеніе фактовъ, извѣстныхъ впрочемъ каждому любителю отечественной Исторіи; я постараюсь разрѣшить предложенныя мною задачи въ общихъ историческихъ выводахъ.

I. Основанная мечемъ и умомъ Норманскихъ витязей, исключительно подвластная одному дому Рю-

рикову, уже въ первый вѣкъ своего бытія Русь вошла въ тѣ предѣлы, которые потомъ остались навсегда рубежемъ Русской народности. На западъ этотъ предѣлъ простирался до горъ Карпатскихъ, до Бреста, Гродно и Динабурга. Неизбѣжное зло, слѣдствіе современнаго понятія о правѣ всѣхъ потомковъ Рюрика на господство въ Русской землѣ, раздробило ее на мелкіе удѣлы, изъ коихъ въ XII и XIII столѣтіяхъ образовалось множество княжествъ, одно отъ другаго независимыхъ. Не взирая однакожъ на стремленіе Князей къ самостоятельности, на взаимную вражду цѣлыхъ поколѣній, мысль о единствѣ Руси никогда не исчезала. Поддерживаемая единствомъ вѣры, церковныхъ уставовъ, языка, одноплеменностію Князей и преданіями Исторіи, она постоянно и живо обнаруживалась въ разныхъ пунктахъ, въ Кіевѣ, Черниговѣ, Галичѣ, Владимірѣ на Волыни, Владимірѣ на Клязмѣ, наконецъ съ половины XIV вѣка утвердилась и въ полномъ блескѣ развилась въ Москвѣ. Пользуясь многими благопріятными обстоятельствами, въ особенности всеобщимъ убѣжденіемъ современниковъ въ необходимости положить предѣлъ княжескимъ распрямъ, умные владѣтели Москвы быстро взяли перевѣсъ надъ сосѣдними Князьями, покорили ихъ одного за другимъ и къ концу XV вѣка всѣ почти удѣльные княжества въ востокѣ отъ Днѣпра слились въ одно

государство Московское, въ одну могущественную, нераздѣльную державу, Великую Россію.

Но въ составъ Московскаго государства вошли удѣлы только восточной Руси; въ западной, изъ Русскихъ княжествъ Полоцкаго, Витебскаго, Минскаго, Туровскаго, Владимірскаго, Луцкаго, Кіевскаго и Черниговскаго, образовалось другое самостоятельное государство, независимое отъ Москвы и подвластное не Рюрикову дому: то было великое княжество Литовское, основанное Гедиминомъ. Онъ и преемники его дѣйствовали также точно, какъ и Князья Московскіе: имѣли на своей сторонѣ перевѣсъ ума и силы, съ успѣхомъ пользовались благоприятными обстоятельствами, и оружіемъ довершили то, что прежде приготовляли искусною политикою, союзами, родствомъ съ потомками Владиміра святаго, господствовавшими въ югозападной Руси.

Вмѣстѣ съ Русскими землями въ составъ Литовскаго княжества вошла и Литва въ собственномъ смыслѣ, отчина Гедимины, заключавшаяся въ предѣлахъ нынѣшней Виленской губерніи. Но Литвинѣ, язычникъ, еще мало знакомый съ гражданскими уставами, исчезалъ въ огромной массѣ Русскаго народа, не могъ передать ему ни своей вѣры, ни своего языка, самъ заимствовалъ отъ него то и другое, и Литовское государство, при первыхъ

преемникахъ Гедимины, представляло такую же систему княжествъ, какую мы видимъ въ Московскомъ государствѣ до Іоанна III. Тамъ все было Русское, и вѣра, и языкъ, и гражданскіе уставы; самые Князья Литовскіе, рожденные отъ Русскихъ княженъ, женатые на Русскихъ княжнахъ, крещенные въ православную вѣру, казались современникамъ потомками Владиміра святаго.

Было даже время, когда и въ западной и въ восточной Руси, они брали перевѣсъ надъ Князьями Московскими не только силою оружія, могуществомъ своей державы, но и мнѣніемъ народнымъ. Русскіе смотрѣли на нихъ, какъ на истинныхъ Государей Руси, и Тверь, Новгородъ, Рязань охотнѣе становились подъ знамена Литовскія, чѣмъ подъ знамена Московскія. Объяснить это явленіе не трудно. Князья изъ дома Гедимины не платили дани Татарамъ, даже были грозою орды и казались спасителями Руси отъ тягостнаго ига, между тѣмъ, какъ Московскіе Князья усердно угождали ханамъ, правда, по расчетамъ политики дальновидной, но еще неясной для современниковъ. Случайное обстоятельство дало иной оборотъ дѣлу.

Внукъ Гедимины Ягелло женился на Польской Королевѣ Ядвига, и вмѣстѣ съ ея рукою получивъ корону Пястовъ, далъ слово соединить Литовское

княжество съ Польскимъ королевствомъ, чего усердно желали и Польскіе магнаты и Польскіе епископы. Русскіе подданные его съ опасеніемъ и явнымъ ропотомъ смотрѣли на тѣсный союзъ съ страной иновѣрною, чуждою по языку, чуждою по гражданскимъ уставамъ, и какъ бы предчувствуя всѣ бѣдствія, которыя потомъ обрушились на ихъ отечество, въ слѣдствіе этого несчастнаго союза, нѣсколько разъ пытались разорвать его, успѣвали въ своемъ намѣреніи, возвращали свою самостоятельность; имѣли своихъ отдѣльныхъ Князей, и не прежде, какъ чрезъ 200 почти лѣтъ послѣ восшествія Ягелла на престолъ Пястовъ, при послѣднемъ потомкѣ его совершилось соединеніе Литовскаго княжества съ Польшею въ одну рѣчь посподитую. Когда угасъ знаменитый домъ Гедиминовъ, и Литовское княжество подпало власти Государей не Русской крови, не Русской вѣры, не Русскаго языка, некому было охранять въ немъ священный валоги народности, въ продолженіе многихъ вѣковъ неприкосновенный: западная Русь сдѣлалась добычею Езуитовъ, старавшихся истребить въ ней все Русское, и къ концу XVII вѣка она дѣйствительно утратила многія черты своей національности: Русскіе законы уступили мѣсто Польскимъ; языкъ былъ искаженъ; нравы и обычаи измѣнились; Унія поколебала и вѣру православную.

II. Между тѣмъ Государи Московскіе никогда не упускали изъ виду западной Руси: со временъ Дмитрія Донскаго до воцаренія Петра Великаго, всѣ они постоянно выражали мысль, что Литовское княжество, за исключеніемъ Литвы, т. е. не болѣе 12 части его, есть родовая ихъ отчина. Яснѣ всего обнаруживалась эта мысль въ договорахъ Іоанна III съ Императоромъ Германскимъ, съ Королемъ Венгерскимъ, съ Господаремъ Молдавскимъ, съ самимъ Великимъ Княземъ Литовскимъ Александромъ Казимировичемъ: онъ говорилъ торжественно, что отчина королевская есть Литва и Польша; Русскія же земли, присвоенныя домою Гедиминовымъ во времена невзгоды отечества, онъ намѣренъ добывать оружіемъ, какъ собственность своего дома. Замѣтимъ важное обстоятельство: Іоаннъ не творилъ и не вымышлялъ ничего новаго; онъ стремился къ той же цѣли, которую имѣли въ виду его предшественники, но стремился твердо, постоянно, съ рѣдкимъ умомъ и искусствомъ. Мысль его о Литовскомъ княжествѣ, или что все то же, о необходимости соединить всю Русскую землю въ одно цѣлое, была основаніемъ политики даже перваго Великаго Князя Московскаго Іоанна Калиты, который именовалъ себя Великимъ Княземъ *всехъ Руси*. Съ той же точки смотрѣлъ Дмитрій Донской; также думали и дѣйствовали преемники Іоанна III: сынъ его, Василій, требовалъ короны Ли-

товской, какъ достоянія своего дома; внукъ, Іоаннъ Грозный, обращалъ свое оружіе болѣе на Ливонію; но въ переговорахъ съ Сигизмундомъ Августомъ и Стефаномъ Баторіемъ неоднократно доказывалъ права свои на Литовское княжество. Умный Борисъ старался скрѣпить связь восточной Руси съ западною духовною властію, и едва ли не это побужденіе было главною виною основанія патріаршества въ Москвѣ. Злосчастное время Самозванцевъ надолго ослабило Россію; и Михаилъ Ѳеодоровичъ желалъ возвратитъ только то, что было утрачено среди междоусобій. Но какъ скоро государство успокоилось и окрѣпло, мудрый Алексѣй съ усердіемъ вступился сперва за часть Литовскаго княжества, за Малороссію; въ слѣдъ за тѣмъ потребовалъ и остальныхъ областей западной Руси. Намѣреніе его едва не увѣнчалось вождѣльнымъ успѣхомъ. Польскій Король Янъ Казимиръ, Государь умный, дальновидный, лучше своихъ предшественниковъ понимавшій и состояніе Польши и отношенія ея къ сосѣдямъ, договоромъ въ Вильнѣ уступилъ Алексѣю Михайловичу все Литовское княжество. Польскіе магнаты и епископы употребили всѣ усилія, чтобы уничтожить это соединеніе: война съ Польшею возобновилась, и Государь, озабоченный дѣлами внутренними, въ особенности грозою со стороны Турціи, отказался до времени отъ западной Руси, заключивъ однакожъ съ Польшею, по примѣру предковъ, не вѣч-

ный миръ, а только перемиріе. Последнее обстоятельство очень замѣчательно: всѣ вообще Московскіе Государи постоянно уклонялись отъ постановленія окончательнаго договора по дѣламъ Литовскимъ, въ надеждѣ собраться съ силами и возобновить свои требованія. Одинъ только Михаилъ Феодоровичъ долженъ былъ согласиться на вѣчный миръ Поляновскій, но это потому, что въ то время, съ потерю всего войска подъ Смоленскомъ, борьба казалась невозможною, и дѣйствительно Москвѣ и всему государству грозила великая опасность.

Такимъ образомъ, никогда не теряя изъ виду западной Руси, мудрые Цари наши постоянно старались исполнить мысль Іоанна III о соединеніи Литовскаго княжества съ Московскимъ государствомъ въ одну державу. Соперники ихъ Ягеллоны, съ своей стороны естественно не хотѣли отказаться отъ правъ своихъ, напрягали всѣ усилія, чтобы спасти свои владѣнія, имѣли всѣ къ тому средства и боролись съ успѣхомъ. Но подвластный имъ Русскій народъ неоднократно выражалъ живѣйшее желаніе видѣть своимъ Государемъ Царя православнаго. Это желаніе стало ясно обнаруживаться съ тѣхъ поръ, когда потомки Калиты свергли съ себя ненавистное для Русскихъ иго Татарское, и озаренные славою дѣлъ, явились достойными владыками Русскаго народа: многія княжества по Днѣпру,

присвоенныя домоу Гедимины, добровольно поддались Іоанну III. Мало того: когда угасъ домоу Ягеллоновъ, Литовскіе чины охотно предложили корону ихъ Іоанну Грозному; съ тѣмъ же предложениемъ въ послѣдствіи обратились къ сыну его Ѳеодору Іоанновичу; а Стефанъ Баторій, Владиславъ IV, Янъ Казимиръ имѣли даже намѣреніе включить и Польшу, вмѣстѣ съ Литовскимъ княжествомъ, въ одинъ составъ съ государствомъ Московскимъ. Этотъ рядъ фактовъ ясныхъ, несомнительныхъ, указываетъ намъ на истинныя отношенія западной Руси къ восточной съ конца XIV до конца XVII столѣтія: онъ свидѣтельствуетъ, что мысль о соединеніи обоихъ государствъ въ одно цѣлое, ни въ той, ни въ другой сторонѣ никогда не исчезала, и эта мысль служила главнымъ основаніемъ политики нашего двора до временъ Петра Великаго.

III. Теперь взглянемъ, какъ понимали современные писатели дѣла Литовскія. Лѣтописцы восточной Руси XIV, XV и XVI столѣтій устремляли все свое вниманіе на Москву: судьба ея была главнымъ предметомъ ихъ сказаній. Событія Тверскія, Рязанскія, Смоленскія, Кіевскія, даже Новгородскія только тогда находили мѣсто въ нашихъ лѣтописяхъ, когда они касались Москвы; если же подобнаго случая не было, лѣтописцы молчали объ

нихъ. Также точно они смотрѣли и на Литовское княжество: почти не замѣтили основанія его Гедиминомъ и едва мимоходомъ упомянули о соединеніи его съ Польшею, слѣдующими словами. «Оженися Великій Князь Литовскій Ягайло Олгердовичъ: поялъ нѣкую королевицу, не имущую ни отца, ни матери, ея же ради досталось ему королевство въ Лядской землѣ. И крестися Ягайло въ Нѣмецкую вѣру и пришедъ въ свою отчину, въ Литовскую землю, окрестилъ Литву въ Нѣмецкую вѣру.» Вотъ все, что наши историки знали о событіи въ высшей степени достопамятномъ, имѣвшемъ рѣшительное вліяніе на судьбу Русскаго народа. Подробнѣе говорятъ они о походахъ Олгерда, Витолда на Московское государство, о войнахъ Іоанна III съ Сигизмундомъ I, потому что тутъ дѣло шло о Москвѣ. Впрочемъ не вникаютъ, по обыкновенію, въ причины ихъ распрей. Для нихъ непонятна была дальновидная политика дома Іоанна Калиты, въ отношеніи къ Литвѣ, такъ точно, какъ они не постигали политики его въ отношеніи къ ханамъ Ордынскимъ. Они видѣли въ Литовскихъ Князьяхъ только соперниковъ и опасныхъ враговъ Москвы, старавшихся отнять у нея первенство; въ слѣдствіе того не щадили Ягеллоновъ и съ ужасомъ разсказывали объ ихъ нашествіяхъ. Но, что весьма замѣчательно, эта борьба Москвы съ Литвою изображается въ нашихъ лѣтописяхъ совсѣмъ не тѣми

красками, какими описываются нашествія иноплемennыхъ народовъ: современные историки не скрываютъ, что Литовскіе Князья находили нерѣдко въ восточной Руси многихъ доброжелателей, что Новгородъ, Тверь, Рязань неоднократно склонялись на ихъ сторону, и если иногда у лѣтописцевъ вырываются укоризны этимъ опаснымъ соперникамъ Москвы, то не надобно забывать, что въ томъ же духѣ они рассказывали и о браняхъ удѣльныхъ, когда Русь была подвластна одному дому Владиміра св. Стоитъ вспомнить, какъ отзываются Новгородскіе лѣтописцы о Суздальцахъ, Черниговцахъ, или Волынскіе о Кіевлянахъ. Однимъ словомъ, наши лѣтописцы имѣли темныя, неопредѣлительныя понятія о Литовскомъ княжествѣ; но изъ ихъ сказаній нельзя вывести заключенія о народной враждѣ между восточною и западною Русью. Иначе они стали смотрѣть на Литовское княжество въ XVII столѣтіи, послѣ Самозванцевъ, когда Литвинъ и Ляхъ стали для нихъ словами однозначнательными.

Лѣтописцы западной Руси прекратили свои сказанія въ XIV столѣтіи, или справедливѣе, труды ихъ продолжателей истреблены временемъ, оставивъ слѣдъ въ полубаснословной Исторіи Стрыйковского. На Русскомъ языкѣ сохранились немногія извѣстія временъ Уніи, поясняющія это важное событіе. Литовское княжество не имѣетъ своего національ-

наго историка. Все, что узнала объ немъ ученая Европа, все почерпнуто изъ мутнаго источника, изъ Польскихъ лѣтописцевъ не старѣе конца XVI столѣтія, когда Поляки уже привыкли считать Литву своею древнею провинціею. Въ слѣдствіе этой идеи, они представляютъ какъ образованіе Литовскаго княжества, такъ и судьбу его въ превратномъ видѣ: они смотрятъ на Литовцевъ въ собственномъ смыслѣ какъ на старинныхъ союзниковъ Польши, покорившихъ, при содѣйствіи Польскихъ пановъ, все пространство отъ предѣловъ Галиціи до Двины, отъ Бреста до Калуги, и воображаютъ, что уже Гедиминъ ввелъ во всѣхъ подвластныхъ ему земляхъ Литовскіе законы, Литовскіе нравы и обычаи. Соединеніе же Литовскаго княжества съ Польшею, по ихъ понятію, было слѣдствіемъ не личнаго честолюбія Ягелла и домогательства Польскихъ магнатовъ видѣть его своимъ Государемъ, а плодомъ усерднаго желанія обоихъ народовъ заключить тѣсный, братскій союзъ. Впрочемъ не всѣ Польскіе современные историки представляютъ это дѣло въ такомъ видѣ: лучшіе изъ нихъ, болѣе основательные и менѣе пристрастные, напримѣръ Кромеръ и въ особенности Кояловичъ, писавшіе въ то время, когда политика Езуитовъ еще не созрѣла, не скрываютъ, что соединеніе Литовскаго княжества съ Польшею, совершилось съ большимъ трудомъ, что главнымъ препятствіемъ

тому была разноплеменность народовъ, что престолъ Великихъ Князей Литовскихъ окружали большею частию Русскіе вельможи, что при дворѣ ихъ господствовалъ Русскій языкъ, что подвластные имъ народы съ величайшимъ усердіемъ берегли свою святыню, что Езуиты уже отчаявались поколебать православіе и что въ самой Вильнѣ находилось гораздо болѣе храмовъ Грекороссійскихъ, чѣмъ костеловъ Римскихъ. Новѣйшіе писатели Польскіе утаили всѣ сіи обстоятельства и разными софизмами запутавъ Исторію Литовскаго княжества, успѣли внушить Европѣ мысль, что оно издревле составляло часть рѣчи посполитой. Правда, нѣкоторые изъ ученыхъ писателей Нѣмецкихъ и Французскихъ (Шлёцеръ, Малтебрюнъ) старались разсѣять это заблужденіе и представить дѣло въ настоящемъ видѣ; но Польскія понятія взяли верхъ и ввели въ заблужденіе насъ самихъ.

IV. Первая главная ошибка наша въ томъ, что мы привыкли считать Литву въ собственномъ смыслѣ народомъ могущественнымъ, племенемъ господствующимъ, бравшимъ надъ обитателями западной Руси рѣшительный перевѣсъ и силою оружія и гражданскимъ устройствомъ. Такъ говоритъ одинъ изъ критическихъ писателей нашихъ о Литвѣ время Гедиминовыхъ: «Литва, могущественная, превышающая великое княжество Московское силою,

«образованностію, поставленная рукою Гедимины
«въ рядъ государствъ самобытныхъ, обхватила
«все; что прежде называлось на Днѣпръ и за
«Днѣпромъ Русью, преобразовала нравы, обычаи
«тамошнихъ Руссовъ.»¹ Вотъ точка, съ которой
мы обыкновенно смотримъ на Литовское княжество:
т. е. мы видимъ въ образованіи его повтореніе
весьма обыкновеннаго въ Исторіи случая, когда
нашествіе сильныхъ иноплеменниковъ уничтожаетъ
самостоятельность слабаго народа и даетъ начало
новому государству, въ коемъ господствуютъ законы,
языкъ, нравы и обычаи побѣдителей. Такъ воз-
никли Германскія государства на развалинахъ Рим-
ской имперіи; такъ возникло, въ слѣдствіе выше-
приведеннаго мнѣнія, и Литовское государство на
развалинахъ Русскихъ Заднѣпровскихъ княжествъ:
отъ того на дѣла его мы смотримъ, какъ на чужія,
и не даемъ имъ мѣста въ своей Исторіи. Идея
неосновательная! Литва въ собственномъ смыслѣ,
заключаясь въ предѣлахъ нынѣшней Виленской
губерніи, обитая среди дремучихъ лѣсовъ въ бѣд-
ности, въ грубомъ невѣжествѣ, до временъ Геди-
мина съ трудомъ отбивалась отъ Русскихъ Князей,
отъ Ливонскихъ рыцарей, всегда была народомъ
малочисленнымъ, слабымъ, и тѣмъ менѣе могла
взять перевѣсъ надъ сосѣдями въ гражданскомъ
устройствѣ, что до исхода XIV столѣтія она по-

1. Полевый.

стоянно была погружена въ язычество и не имѣла письменныхъ законовъ. Не силою, не храбростію Литвы, а умомъ, искусствомъ, политикою Гедимина, соединились Русскія княжества за Днѣпромъ въ одно цѣлое и образовали великое княжество Литовское. Онъ дѣйствовалъ Русскими противъ Русскихъ такъ точно, какъ и Государи Московскіе, и гордился именемъ Русскаго Князя. Отъ того при немъ и первыхъ преемникахъ его, въ основанномъ имъ государствѣ все было Русское, вѣра, языкъ, гражданскіе уставы, понятія, нравы, обычаи, какъ удостовѣряетъ въ томъ цѣлый рядъ письменныхъ памятниковъ XIV и XV столѣтій, самый ходъ событій. Мы не вникли ни въ то, ни въ другое, повѣрили Польскимъ писателямъ, смѣшали Литву съ Польшею, вообразили, что Литовское княжество возникло по тѣмъ же началамъ, какъ образовались Германскія государства, и исключили его изъ своей Исторіи.

Эта ошибка породила другую не менѣе важную: взирая на Литовское княжество глазами Польскихъ историковъ, видя въ немъ государство чуждое, непріязненное, опасное для Россіи, мы не замѣчали мудрой политики Государей Московскихъ, и постоянный споръ дома Іоанна Калиты съ домомъ Гедимина казался намъ обыкновеннымъ соперничествомъ двухъ сосѣдей, равно властолюбивыхъ, изъ

коихъ одинъ старался усилиться на счетъ другаго. Мы не могли только понять этой непрерывной брани, удивлялись, какъ самые ничтожные предлоги могли породить столь кровавыя войны, жалѣли о бѣдствіяхъ народовъ, и обременяя Князей Литовскихъ строгими упреками, не щадили и Государей Московскихъ, за ихъ мнимое излишнее честолюбіе. Еслибъ мы вникали, что и потомки Гедимина и потомки Калиты стремились къ господству надъ всею землею Русскою, что и тѣ и другіе были убѣждены въ справедливости своихъ притязаній, и что распря ихъ до конца XVI вѣка была распрее семейною, а не враждою народною, мы увидѣли бы, что они спорили не по личному честолюбію, а въ оцѣдствіе неизбѣжной необходимости, и дѣла Литовскія, такъ несвязныя, такъ утомительныя подѣ перомъ нашихъ бытописателей, имѣли бы высокое значеніе въ нашей Исторіи.

Къ симъ двумъ главнымъ ошибкамъ присоединилась и третья: на соединеніе Литовскаго княжества съ Польшею мы привыкли смотрѣть какъ на дѣло постороннее и если упоминаемъ объ немъ мимоходомъ, то для того только, чтобы дать понятіе о могуществѣ Князей Литовскихъ, которые, располагая силами двухъ народовъ, тѣмъ опаснѣе были для Москвы. Главное, что наиболѣе должно обратить на себя вниманіе Русскаго историка,

остаётся безъ всякаго изслѣдованія и результата. Это соединеніе было источникомъ тягостнаго ига, которое досталось въ удѣлъ цѣлой половинѣ Русскаго народа и около четырехъ вѣковъ, какъ лютая язва, терзало страну, гдѣ возникла и въ полномъ блескѣ развилась Русская жизнь, гдѣ было истинное наше отечество, гдѣ покоятся и бранные остатки нашихъ Князей, прославившихъ Русское имя въ странахъ отдаленныхъ, и негнѣнные мощи св. угодниковъ, хранителей Русскаго народа. Видѣть, какъ страдала Русь подъ ярмомъ Польскимъ, какъ боролась она съ своими гонителями, какъ изнемогала, падала, изобразить всѣ бѣдствія нашихъ единоплеменниковъ, отторгнутыхъ отъ лона общей матери случайнымъ сдѣяніемъ обстоятельствъ, и снова возвращенныхъ подъ кровъ родимый, представить все это, есть безъ сомнѣнія одна изъ важнѣйшихъ задачъ для Русскаго бытописателя. Онъ привыкъ рассказывать о величїи, блескѣ, славѣ государства Московскаго, т. е. одной Руси восточной; пусть же покажетъ намъ и злосчастную долю единовѣркой, единоплеменной намъ Руси западной. Этого требуетъ полнота науки; иначе возрѣніе наше на судьбу Русскаго народа будетъ одностороннее, слѣдовательно неправильное.

Кромѣ того соединеніе Польши съ Литовскимъ княжествомъ имѣло самое рѣшительное вліяніе на

главный ходъ событій нашего отечества: съ одной стороны, оно надолго отсрочило сліяніе западной Руси съ восточною, которое безъ того, по всей вѣроятности, совершилось бы еще въ концѣ XVI вѣка, когда утасъ домъ Ягеллоновъ и въ права его долженъ былъ вступить домъ Калиты; съ другой стороны оно вовлекло Польшу въ предѣлы Русскаго міра: судьба ея такъ тѣсно была связана съ судьбою Литовскаго княжества, что самобытное существованіе ея было невозможно, какъ скоро государство Ягеллоновъ вошло въ составъ Россійской имперіи. Такимъ образомъ, событіе, почти незамѣтное подъ перомъ нашихъ бытописателей, было источникомъ важнѣйшихъ явленій нашей Исторіи: это былъ узелъ, который необходимо надлежало распутать; цѣлые четыре вѣка мы трудились надъ нимъ, — доколѣ умъ Екатерины II не разрѣшилъ его.

Послѣ всего вышесказаннаго мною, надѣюсь, не трудно указать Литовскому княжеству мѣсто въ Русской Исторіи. Доколѣ оно было самостоятельно, имѣло своихъ Князей изъ дома Гедиминова, сохраняло всѣ черты Русской народности и спорило съ Москвою о правѣ господствовать надъ всею Русью, историкъ обязанъ говорить съ равною подробностью о дѣлахъ Литовскихъ и Московскихъ и вести оба государства рядомъ, такъ точно, какъ до начала

XIV столѣтія онъ рассказывалъ о борьбѣ удѣльныхъ Русскихъ княжествъ, Кіевскаго, Черниговскаго, Галицкаго, Суздальскаго, Рязанскаго, Новгородскаго и другихъ. Положеніе дѣлъ будетъ одно и то же, съ тою единственно разностью, что въ удѣльное время было нѣсколько системъ, а тутъ только двѣ: Московская и Литовская. Это будетъ продолжаться до исхода XVI вѣка. Когда угаснетъ домъ Гедимина и отчина его соединится съ Польшею, Русскій бытописатель изобразитъ на главномъ планѣ государство Московское или Россію, потому что въ нѣдрахъ ея сохранились и развились основныя начала общественной и семейной жизни Русскаго народа, сѣмена, насажденные Рюрикомъ, Владиміромъ св., Ярославомъ мудрымъ, взлелѣянные потомками Калиты и принесшія величественный плодъ подъ благословенною державою дома Романовыхъ. На второмъ планѣ этой картины стоитъ великое княжество Литовское, опутанное цѣпями иноплемениковъ; историкъ не обязанъ рассказывать о всѣхъ дѣлахъ Польскихъ, въ коихъ принимало участіе Литовское княжество, — потому что это предметъ посторонній; но онъ обязанъ непременно показать, какимъ образомъ въ западной Руси, подъ игомъ Поляковъ, постепенно исчезали главные черты ея народности, какъ она боролась съ своими гонителями, чтобы спасти свою вѣру, свой языкъ, главное, почти единственное наслѣдіе, оставшееся

ей отъ предковъ; какъ подавали ей руку помощи мудрый Алексѣй, Великій Петръ, доколѣ Екатерина II не рѣшила этого стариннаго, столь запутаннаго вопроса о восточной и западной Руси: та и другая сливаются въ одно цѣлое, въ одну Россійскую имперію, и съ тѣхъ поръ Литовская Исторія должна умолкнуть.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА VI.

АЛЕКСАНДРЪ I.

	<i>стр.</i>
1. Война 1812 года.	
Причины войны	5
Дѣла Польскія	8
Дѣла Ольденбургскія	9
Тарифъ 1810 года	10
Смѣла Наполеона	11
Вторженіе Наполеона	15
Поголовное ополченіе Россіи	17
Отступленіе первой арміи	18
Отступленіе второй арміи	19
Дѣйствія подъ Смоленскомъ	21
Подвигъ Невѣровскаго	21
Подвигъ Раевского	22
Подвигъ Доктурова	23
Паденіе Смоленска	24
Отступленіе къ Дорогобужу	25
Заслуги Барклая де Толли	25
Назначеніе Кутузова	27
Битва Бородинская	29
Отступленіе къ Москвѣ	33
Военный совѣтъ	33
Оставленіе Москвы	35
Самоотверженіе народа	36
Пожаръ Московскій	37
Слѣдствія Московскаго пожара	38
Лагерь Тарутинскій	40
Наполеонъ предлагаетъ миръ	41
Наступательныя дѣйствія Кутузова	42
Пораженіе Мюрата	42
Движеніе Наполеона на Калугу	43
Взорваніе Кремля	44

	стр.
Бой при Малоюрославцѣ	45
Отступление Наполеона	46
Пораженіе враговъ подъ Вязмою	47
Взаязъ Духовщины	47
При Красномѣ	48
Военный планъ Александра	48
Пораженіе при Березинѣ	49
Вѣдствіе враговъ	51
Потери Наполеона	51
Пожертвованія Россіи	52
2. Освобожденіе Германіи отъ власти Наполеона.	
Освобожденіе Европы	53
Переходъ арміи за границу	56
Составленіе резервовъ	57
Союзъ съ Пруссіею	58
Германія стоитъ за Наполеона	59
Усиленіе Наполеона	60
Дѣйствія въ Саксоніи	60
Люценское сраженіе	61
Бауценское сраженіе	62
Перемиріе	63
Конгрессъ въ Прагѣ	64
Союзъ пяти державъ	65
Александръ вождь Европы	66
Составъ союзныхъ силъ	67
Дрезденское сраженіе	68
Кульмскій бой	70
Битвы при Кацбахѣ и Денневицѣ	71
Общее движеніе на Наполеона	72
Лейпцигская битва	73
Первый день битвы	74
Наполеонъ проситъ мира	75
Второй день битвы	75
Бѣгство Наполеона изъ Германіи	76
Освобожденіе Германіи	77
3. Низверженіе Наполеона.	
Переходъ за Рейнъ	77
Шатильонскій конгрессъ	80
Бріенское сраженіе	83
Разномысліе союзниковъ	84
Пораженіе Блюхера	85
Восстановленіе согласія союзниковъ	87
Шомонскій договоръ	89
Битва при Лаонѣ	89
Битва при Арси-сюр-Обѣ	90

	стр.
Движеніе къ Парижу	92
Вой при Феръ-Шампенуазъ	92
Вой подъ Парижемъ	93
Покореніе Парижа	97
Изложеніе Наполеона	98
Парижскій миръ	99
Великодушіе Александра	100
Александръ Благословенный	101
4. Водвореніе въ Европѣ вѣсннцато мнра и спокойствія.	
Ванскій конгрессъ	101
Царство Польское	105
Вторичное изложеніе Наполеона	114
Второй Парижскій миръ	118
Примиреніе Франціи съ Европою	119
Ахенскій конгрессъ	121
Священный союзъ	121
Револуціонныя замыслы	124
Участіе Александра въ дѣлахъ Европы	126
Конгрессъ въ Трошау	126
Конгрессъ Лайбахскій	127
Конгрессъ Веронскій	127
Восстаніе Грековъ	128
Князь Иксманты	131
5. Внутреннія учрежденія Императора Александра I.	
Восстановленіе правъ сословій	136
Учрежденіе Министерствъ	140
Войско	143
Промышленность	146
Образованіе	149

ПРИЛОЖЕНІЯ

СТАТІЯ I.

О системѣ прагматической Русской Исторіи	155
--	-----

СТАТІЯ II.

Исслѣдованіе вопроса, какое мѣсто въ Русской Исторіи должно занимать Великое княжество Литовское	210
--	-----

